

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ СЪЕЗДА
- ПИСЬМО ДИРЕКТОРАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
- ПРАВООЗАЩИТНИК МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ
- КУРС ЛЕЧЕНИЯ В ОРГАНАХ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
- ПРОВ СЛОБОДКИН ВО ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ
- ДОВЕРИЕ, А НЕ ДОВЕРЧИВОСТЬ
- ЗАТО У НАС НЕТ БЕЗРАБОТНЫХ
- ИЩУ РАБОТУ – НО НЕ ЛЮБУЮ
- ПОЧЕМУ СТРЕЛЯЛИ В ПОЗНАНИ?
- ВИЗИТ К ОСТРОБРАМСКОЙ МАДОННЕ
- СКОЛЬКО СТОИТ КУБА
- ВОСКРЕСШИЙ КОЧЕТОВ
- БЕЛЫЕ НОЧИ И ЧЕРНЫЕ ДНИ
- ПЕРМАНЕНТНАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Вадима Меникера. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле – Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Я.Руссакис (Афины), Б.Шрагин (Нью-Йорк), П.Ростин (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок (25 ам. долларов), в США, Канаде и Израиле – 35 ам.долл., в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 45 ам.долл. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера – 6 н.м. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию, с добавлением 2 ам. долл. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
Дым Отечества	12
Вести из СССР	13
<i>Р. Бахтамов.</i> Трудно быть директором	21
<i>С. Мрожек.</i> Дорогой, многоуважаемый социализм	34
<i>Пров Слободкин.</i> Бремя надежд	35
<i>Э. Орловский.</i> Некоторые впечатления от съезда	40
<i>М. Рейтман.</i> Мир и не от мира сего	43
<i>Ю. Чикарлеев.</i> Безработица	55
<i>А. Югов.</i> Человек без места	62
Из газет: 60 лет назад	74
<i>Т. Тораньская.</i> Они. Окончание	75
Из газет: 50 лет назад	83
<i>С. Гафнер.</i> В тени истории. Дракон, стерегущий сокровище, или Что осталось от буржуазной революции	84
<i>Е. Юнг.</i> Танцы в замкнутом пространстве	87
<i>Е. Гессен.</i> В какие игры играют тигры	90
Из газет: 50 лет назад	96

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ: АДРЕС И ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ ИЗМЕНИЛСЯ.

Das Land und die Welt e.V., Sendlinger Str. 37, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany
Tel. (089) 2605046/ 2605047; telex 5218017 unbt d.
Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)
Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

В безумии террористов есть своя система. Могут ли правительства заботиться о спасении своих подданных, взятых в заложники, не вступая в переговоры с опасными безумцами и тем самым — не принимая их всерьез? Кажется, что это единственная надежда преуспеть в деле спасения, но это же — и поощрение террористов. В начале весны с такой проблемой столкнулись французские власти, подобно тому как раньше это случилось с американцами, англичанами и даже с советскими властями. Никто, собственно, не знает, что надо предпринять, чтобы вырвать заложников целыми и невредимыми из рук фанатиков. Вспоминается история с захватом американских заложников в Иране. Это произошло в конце правления президента Картера, когда было захвачено американское посольство в Тегеране. Ситуация была невыносимой для авторитета Соединенных Штатов, не говоря уже о международном праве, морали и прочем. Правительство США, не понимая, с кем оно имеет дело, взывало к международным соглашениям. Оставшись без ответа, оно попыталось заставить аятоллу уважать законы человечности. Результат был удручающим. Подразделение командос не сумело даже прибыть к месту назначения. Памятуя об этом горьком опыте, как-то не хотелось применять метод Картера в Ливане. Контакты с похитителями, по существу, уже имели место. И вскоре проблема предстала как неразрешимая.

Родственники заложников вновь и вновь пытались оказать давление на правительство. Но с кем, собственно говоря, вести переговоры? Тог-

дашний премьер Р. Фабиус сделал ряд демаршей перед иностранными покровителями "верных Аллаху". Одновременно поиски контактов с террористами вели неофициальные эмиссары. До сих пор дело не продвинулось ни на волосок. Впрочем, чуть ли единственная гарантия успеха — это секретность переговоров.

Все, что остается правительству, — спасти остатки достоинства и по возможности не поощрять террористов к захвату новых заложников и навязыванию собственных законов. В такой ситуации неизбежно возникает противоречие между человеческими чувствами и высшими государственными соображениями. Государственные соображения предписывают неуступчивость. Чувства диктуют необходимость уступок. Нелегко отвечать перед семьями невинных жертв и одновременно доказывать недопустимость того, чтобы преступники диктовали свою волю политикам.

Правда, в самые последние дни мир стал свидетелем другого "разговора" с террористами — точнее, не с самими бандитами, а с их прославленным покровителем. В ночь с 14 на 15 апреля эскадрилья американских бомбардировщиков нанесла удар по Триполи и Бенгази. Возмездие было завершением серии мер, предпринятых президентом Рейганом с целью образумить ливийского диктатора. Но не говоря уже о том, что такой способ решения проблемы неизбежно связан с невинными жертвами, неизвестно, к каким результатам он приведет в самом близком будущем.

Возвращаясь к французским делам, можно отметить, что своего рода реваншем за захват заложников в Ливане должна была послужить высылка из Парижа группы иностранцев, в том числе двух иракских граждан – противников нынешнего багдадского режима. Полиция не сразу сообразила, что обрекает их на смерть, если они вернутся на родину. Добавим, что оба очевидным образом сочувствовали Ирану. Но Ирану сочувствуют и террористы...

Похищение сотрудников французской телевизионной компании в Ливане и высылка из Франции двух проиранских агентов вызвали довольно курьезный отклик иранской печати: она утверждает, что именно это повлияло на результат выборов во французское Национальное собрание, подобно тому, как неудачный рейд американских парашютистов способствовал тому, что Картер проиграл на очередных президентских выборах. На самом деле смены социалистического большинства в Национальном собрании на нынешнее правоконсервативное большинство ожидали уже давно. Впрочем, правым так и не удалось добиться абсолютного большинства и окончательно сразить противников из лагеря социалистов. Последние, вынужденные вернуться в оппозицию в парламенте, выглядели триумфаторами и, пожалуй, не без основания.

Еще в 1983 году тогдашний президент страны Жискард д'Эстен заявил: "Такой социализм не пройдет", имея в виду блок демократических социалистов с коммунистами. На следующих выборах, как полагали, социалисты будут не просто побеждены, а стерты в порошок. Однако менее чем за два года правительство Р. Фабиуса, созданное в июле 1984 г., в корне изменило положение, в частности, положение Франции в рамках мирового хозяйства. Ныне социалисты побеждены, но нельзя сказать, что они выбиты из седла навсегда, без надежды на возвращение к власти. Кто действительно достоин сожаления, так это коммунисты – в прошлом одна из самых влиятельных партий. Сейчас они собрали менее 10% голосов. Такой беспрецедентный провал, несомненно, вызван тем, что избирателей оттолкнула поддержка компартией социализма советского образца (несмотря на некоторые словесные вольности). Как бы то ни было, нужно отметить достоинство, с которым социалисты – а с ними и все левые – оставили свои позиции (кроме поста президента). По этому поводу

остряки замечают: "Французские избиратели хотели бы сменить правительство, но при этом сохранить большинство свергнувших министров".

По другую сторону Пиренеев другой социалист – Фелипе Гонсалес, глава правительства Испании, оказался в странной ситуации. Он одержал несомненную победу в референдуме, проведенном 12 марта. Большинство испанцев (53% голосовавших) поддержало предложение Гонсалеса о вступлении Испании в НАТО. Парадоксальным образом лидер правой оппозиции Фрага Ирибарне, сторонник тесных связей со странами НАТО, призывал воздержаться от вступления Испании в эту организацию, а лидер социалистов Гонсалес на предвыборной кампании 1982 г., принесший победу его партии, критиковал проект вхождения в НАТО и обещал народу провести по этому вопросу референдум, рассчитывая, что большинство отвергнет проект. Придя к власти и ближе познакомившись с существом вопроса, Гонсалес довольно быстро сменил свои позиции. Еще при Франко на территории страны были размещены американские базы. Вступление Испании в НАТО – логическое продолжение участия пиренейского государства в западном союзе.

В начале 80-х гг. Гонсалес еще рассуждал как типичный левый начала пятидесятых годов, поповедующий нейтралитет Европы и больше всего на свете боящийся вызвать неудовольствие СССР. За истекшие тридцать лет Западная Европа организовалась как самостоятельная сила. Присоединиться к этой Европе было бы делом чести для новой демократической Испании. Гонсалес оценил обстановку реально. В Атлантический союз входят все страны Общего рынка. Это единственная возможность уравновесить в этом союзе силу Соединенных Штатов. С другой стороны, без членства в НАТО пришлось бы, по-видимому, закрыть американские базы в Испании. Это существенно нарушило бы баланс сил между Востоком и Западом.

Положительный результат референдума свидетельствует о популярности нынешнего главы испанского правительства. Интересно, что, как показывает обследование, победа достигнута голосами правых, тогда как большинство социалистов голосовали против.

Если трудно левым во Франции и в Испании, то для правых наступила трудная жизнь в Великобритании. Популярность Тэтчер заметно

пострадала в результате падения цен на нефть. Ей пришлось известить общественность о том, что обещанное снижение налогов откладывается на неопределенный срок. До выборов всего два года, и правительство может вообще лишиться этого козыря. Падение цен на нефть произошло за три месяца до того, как ожидалось, что месторождения в Северном море начнут приносить доходы. Ожидания эти не оправдались.

Уже семь лет "железная леди" находится у власти, и все семь лет она упорно стремится провести в жизнь свою программу, смысл которой можно кратко сформулировать так: сокращение государственного вмешательства во всех сферах жизни общества. Провозглашается необходимость решительно покончить с "социалистическим пресмыкательством" перед государством, социалистическим мышлением, которое стало привычным для англичан за десятилетия послевоенных реформ лейбористов. Тэтчер стремится уменьшить роль систем социального обеспечения и мощь профсоюзов. Ее политика основана на убеждении, что рост материального благополучия общества и дальнейшее развитие британской экономики обеспечивает прочная валюта. Вот краткая сводка итогов деятельности консерваторов с 1979 г.

Борьба за прочную валюту принесла плоды. В начале правления консерваторов инфляция доходила до 20% в год, ныне она держится на уровне 5–7%. Это бесспорное достижение "тэтчеризма", особенно если учесть, что в те же годы усилили Францию и ФРГ в том же направлении были гораздо менее удачными. Давление бюджетного дефицита? И тут "железная леди" добилась чуда: доходы государства в неизменных ценах возросли на 10%. Однако восторгаться всем этим не дают показатели занятости. За последние несколько лет безработица в Англии удвоилась и достигла 3,2 млн. человек — это примерно седьмая часть экономически активного населения. Особенно печально положение в районах, где расположены предприятиях традиционных отраслей промышленности, например, в районе Ливерпуля. Согласно официальным данным, здесь треть мужского населения в возрасте до 35 лет не менее одного раза была судима за уголовные преступления.

Весьма серьезное положение в области модернизации британской промышленности. Европейские конкуренты давно уже приступили к реше-

нию своих экономических проблем путем модернизации. Не слишком ли долго Великобритания остается привязанной к славным символам и реликтам своего бывшего могущества — углю и торговому флоту? Некоторые исследователи полагают, впрочем, что ее отставание коренится скорее в области культуры — в традиционном образе мыслей английской аристократии, которая совершила промышленную революцию, но по складу ума осталась аристократией земельной. Конечно, утешением для г-жи Тэтчер и ее партии может служить то, что ныне Великобритания — не только и не столько страна-производитель, сколько страна-нефтедобытчик. Если бы, конечно, не проклятое снижение цен. А ведь все еще хорошо помнят времена нефтяного кризиса.

С кризисом удалось в конце концов справиться, и вроде бы настал золотой век. К несчастью, ни производители, ни потребители черного золота вернуться к нему не могут. Многие производители использовали свалившееся на них богатство, чтобы начать строительство предприятий и залезли в долги. Падение цен произошло раньше, чем задуманные проекты начали давать прибыли. К примеру, весьма трагично положение Мексики. Ее трудности кажутся почти неразрешимыми. Мировой финансовой системе грозит кризис невозвращенных долгов. Другие страны-производители, более удачливые, отказываются приспособить уровень добычи нефти к спросу на рынке.

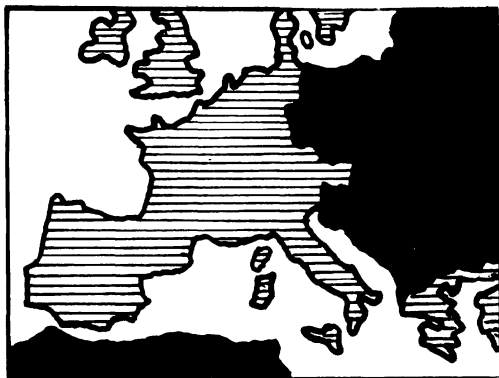
"Контршок" — падение цен — создал немало сложностей и для стран-импортеров нефти.

За время нефтяного кризиса они перешли к политике замены нефти, создали соответствующие производства, позволившие сократить импорт. Но эти производства рентабельны только, если нефть дорога. Теперь эти отрасли рискуют пасть жертвой перемен. Это одна причина того, что многие правительства стараются избежать слишком резкого снижения цен на нефть. Другая причина состоит в необходимости поддерживать равновесие между экспортом и импортом. Энергоносители и первичное сырье могли быть дорогими, но предприятия индустриальных стран уже настроились на встречный экспорт своих товаров в нефтяные страны. Если доходы последних уменьшатся, это будет грозить сокращением заказов со всеми вытекающими отсюда трудностями для экспортеров.

По крайней мере одно драматическое послед-

ствие удешевления нефти предвидеть нетрудно: печальную судьбу, которая ожидает около пяти миллионов рабочих-иммигрантов, пришедших на заработки в восемь арабских нефтяных стран из другого арабского мира, а также из Азии. Например, из Пакистана. Ливия уже вернула на родину 50 тыс. тунисских рабочих. Саудовская Аравия, где число рабочих-иммигрантов превышает 2,5 млн. человек, изгнала полмиллиона. Подобные факты будут учащаться. Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть опасные последствия таких массовых перемещений населения. ●

Г. Ферон

ДЕВЯТЬСОТ ЛЕТ НАЗАД И СЕГОДНЯ

В нынешнем году исполняется 900 лет документу, который значится под номером 1 в пяти-миллионной коллекции лондонского хранилища государственных актов. Этот документ получил в истории возвышенно-мрачное название "Книга Судного дня" (Doomsday Book). Однако речь идет здесь не о мрачных картинах страшного суда, а о простой переписи людей и имущества, а также повинностей и льгот почти по всем общинам Англии. Такую работу осуществить далеко непросто и в наше время, а в то время это было поистине чудом. Недаром лишь через семь с половиной веков удалось провести перепись населения и хозяйств в других странах Европы.

Как и многие последующие переписи в истории, "Книга Судного дня" была создана по инициативе Завоевателя. Это слово приходится писать с большой буквы, так как оно стало постоянной приставкой к его имени: Вильгельм

Завоеватель, предводитель норманнских викингов завоевал Англию за двадцать лет до начала переписи. Видимо, этот срок был достаточным, чтобы понять пользу статистики для успешного изъятия добычи у подданных.

Книга создает поразительную картину непрерывности и универсальности основных проявлений хозяйственной и социальной жизни человека. Немало, конечно, можно отнести и на счет английской приверженности традициям. Нельзя не позавидовать тому, что все (!) 12 тысяч поселений, описанных в "Книге", существуют до сих пор. Селение Марлсфорд, например, в графстве Суффолк в нынешнем, как и в 1086 году платит землевладельцу в качестве аванса в счет арендной платы 12 кувшинов меда. Вне переписи оказались несколько крупных для того времени городов страны, в том числе Лондон и тогдашняя столица — Винчестер (может быть, часть книги утеряна?). Самым крупным городом, отмеченным в книге, оказался Норвич, население которого в 1086 г. составляло пять тысяч. За 900 лет оно возросло в 25 раз, что примерно соответствует среднему росту населения Англии за то же время (но не всей Великобритании: Вильгельм не добрался до Шотландии и Северной Ирландии). Связи между людьми в Англии XI века шли скорее по вертикали: слуги — подданные — сюзерен, внуки — родители — деды. В одном хозяйстве жили представители трех поколений (что объяснялось поздним вступлением в брак и малой продолжительностью жизни), дом и хозяйство были также рабочим местом. Примерно треть хозяйств имели слуг, которые тут же и жили вплоть до вступления в брак. Те, кто не имели шансов создать собственное хозяйство, просто не вступали в брак и на всю жизнь оставались подсобной рабочей силой.

Сейчас треть населения Англии сосредоточена в семи огромных городских образованиях, занимающих менее 3% территории страны. Английская крестьянская семья кормит свыше 50 семей соотечественников (мировой рекорд!). За полтора века изменились связи между людьми: рабочий Манчестера чувствует больше близости к своему коллеге из того же профсоюза в Шотландии, чем к боссу на родном заводе. Современный англичанин относится к прошлому страны так же, как и житель любого другого государства — немного романтической ностальгии по

прошлому, немного снисходительной усмешки. Англия нуждается в переменах. Через несколько лет она перестанет быть островом: туннель через Ламанш свяжет ее с континентом, предстоит переход на правостороннее движение транспорта, на метрическую систему мер. Однако что-то неизменное в англичанах остается — нечванная гордость, суховатый юмор, непанибратская простота, незанудная основательность. И если искать символ нации, то, может быть, он находится в лондонском архиве, где "Книга Судного дня" экспонируется для всеобщего обозрения с 3 апреля нынешнего года. ●

В ЗАЩИТУ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

В западногерманском бундстаге и за его пределами идет борьба вокруг новых удостоверений личности, которые правительство предлагает ввести с 1 апреля 1987 г. Речь идет о том, чтобы заменить нынешние удостоверения, которые может подделать даже не слишком опытный преступник, пластиковыми карточками с электростатическим зарядом. Законопослушному гражданину ФРГ редко приходится предъявлять свое удостоверение личности. Обычно бывает достаточно проездного билета, водительских прав или карточки с номером, который присваивают ему деловые партнеры — банки, страховые компании, больничные кассы, торговые фирмы и другие. Однако наличие полиции, налогового ведомства, службы безопасности, местных органов власти, а также политических организаций приводит к тому, что гражданин может быть совсем неплохо просвещен в случае необходимости.

Есть места на земле, где такое положение представляется нормальным. Однако немцам ФРГ, которым школа и средства информации не дают забыть о временах нацизма, такое положение представляется чуть ли не орвелловским кошмаром. Значительные группы граждан постоянно отказываются участвовать в переписях населения и в других официальных обследованиях даже самого невинного свойства. До сих пор ведомства, которым могут понадобиться сведения о гражданах (полиция, разведывательная служба) не обменивались данными. Чаще всего это прямо запрещалось законом, а также уставом ведомства или обычаем (чего бывало вполне достаточно).

Однако введение нового удостоверения лично-

сти намечено сопроводить новой системой прав, называемой *Zusammenarbeitsgesetz* (ZAG), что означает "закон о сотрудничестве". Она позволит на законном основании сводить воедино все данные о жителях страны либо находящихся в ней иностранцах, подозреваемых в причастности к серьезным преступлениям (имеется в виду прежде всего международный терроризм). Правительство старается успокоить граждан, противящихся всякому намеку на попытку возвращения к системе полицейской слежки за людьми. Канцлер Гельмут Коль заявил по телевидению: "Тому, кто не вовлечен в преступления, опасаться нечего. Тот, кто уверяет нас, что мы находимся на пути уступок полиции или становимся государством ночных патрулей, живет представлениями из другого мира".

Но кто будет определять, вовлечен гражданин в преступление или нет? Партнер правящей партии ХДС—ХСС по правительственной коалиции — партия "Свободных демократов" согласилась поддержать правительственный законопроект только в том случае, если список нарушений закона, дающих право на применение ZAG, будет сокращен с 80 до 20 пунктов, включая убийство и шпионаж.

Доводы противников новой системы основаны, наряду с принципиальными проблемами права, также и на психологических мотивах. Человеку свойственно ошибаться, но и техника барахлит — даже прославленные компьютеры. Снижение роли человека в случае ошибки ЭВМ особенно травмирует жертву ошибки. А от ошибок не спасают не только сами машины, но и немецкая аккуратность техников, которые их обслуживают. По этому поводу не раз поминают компьютер управления сценой в Мюнхенском оперном театре, шалости которого едва не превратили в пошмище нынешний оперный сезон в столице Баварии. Неожиданные перемены декораций, не предусмотренные режиссерами, немало повеселили зрителей, а внезапные перерывы в ходе спектаклей порадовали сердца буфетчиков. Не столь весело может почувствовать себя немец, если он, например, собрался провести уикенд в Италии, подъехал к пограничному шлагбауму, вставил свою карточку в щель компьютера, а шлагбаум не поднимается. Может оказаться, что компьютером не учтена оплата штрафа за неправильную стоянку месяц назад. Иди потом доказывай, а уикенд безнадежно испорчен.

У правительства есть свои резоны и весьма серьезные. Террористические акции и шпионаж (прежде всего со стороны ГДР) не прекращаются, причем методы врагов (отнюдь не поборников демократии) становятся все более изощренными. Недавно в двух телефонных будках Западного Берлина были обнаружены устройства, которые транслировали в Восточный Берлин номера вызываемых из этих будок абонентов и их разговоры. Почему соседи по ту сторону берлинской стены выбрали именно эти будки из тысячи других? Дело в том, что обе они — первые после контрольно-пропускных пунктов, прорезанных в знаменитой стене. Попав на свободу, человек первым делом бросается к телефону. Тут-то и ждет его микрофон психоаналитика в штатском.

Нормы безопасности и самосохранения общества, с одной стороны, и неприкосновенность личной жизни гражданина — с другой, — это противоречие в свободном мире неизменно. Общественные дискуссии позволяют нащупать тонкую грань, отклонение от которой в любую сторону чревато серьезными последствиями. ●

ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

Создается впечатление, что на международной политической арене дела варшавских властей идут все успешнее. Ярузельский, видимо, произвел хорошее впечатление на Горбачева во время встречи на съезде КПСС. По слухам, советский собеседник положительно оценил политику Ярузельского и выразил "полное понимание" польских дел. Будущее покажет, что это означает. Доказательство достоверности сведений — согласие советских властей на поездку Ярузельского в Вильнюс. Правда, еще в 1977 г. Вильнюс

посещал Герек, но его поездка была чуть ли не конспиративной. Между тем, поездке Ярузельского в официальной польской печати уделялось большое внимание, причем акценты расставлялись весьма любопытно. Вождь выступал как коммунист и интернационалист, с одной стороны, но в то же время — как поляк, патриот, и даже... католик. В ходе визита он возложил венок у памятника Дзержинскому, но посетил также церковь св. Анны и Остробрамский собор, где находится чудотворная икона Богородицы, которую польский народ чтит почти так же, как "Черную Мадонну" из Ченстоховы.

Западная пресса также меняет отношение к Ярузельскому, и не исключено, что вскоре выстроится очередь за интервью с генералом. Никто, конечно, еще не говорит о симпатиях, но сдвиг от полного осуждения к "приемлемости" возможен. Такой сдвиг уже находит выражение в области экономических отношений. В марте Польша подписала соглашение с правительствами 17 стран-кредиторов об отсрочке выплаты процентов и основных сумм по займам, подлежащим возврату в нынешнем году. Речь шла о 2,4 млрд. долларов, которые страна заплатить не в состоянии: трудно ожидать, что положительное saldo платежного баланса в 1986 г. превысит рекорд 1984 г. (1,5 млрд.). В переговорах впервые участвовал представитель Международного валютного фонда (МВФ), так как процесс принятия Польши в Фонд идет полным ходом. МВФ уже провел оценку хозяйственной ситуации в стране и определил размер ее вклада. Польша должна депонировать в МВФ 778 млн. долларов, из них 22% в твердой валюте, а остальное — в злотых по принятому курсу. Отмечен сдвиг в экономических отношениях с ФРГ, которая предоставила Польше кредит в сумме 100 млн. марок. Кроме отсрочки платежей по старым займам, правительству крайне важно получить новые кредиты на восстановление хозяйства. В принципе такое стремление правильно. Однако методы руководства хозяйством почти не изменились, и нет никакой уверенности в том, что новые займы не будут разбазарены, как и прежние.

Хозяйственная реформа не осуществляется, центральные власти по-прежнему привязаны к административным методам управления, а в экономике верховодят те же группы давления, связанные с угольной промышленностью и чер-

ной металлургией. Они делают невозможной рациональную политику капиталовложений, не дают ограничить замораживание капиталов и обратить средства на экспортные производства.

Но это не значит, что все идет по-старому. Так, согласованная кампания части прессы и органов рабочего самоуправления привела по меньшей мере к временной приостановке реорганизации ряда отраслей (в первую очередь, черной металлургии и электромашиностроения), по существу означавшей возврат к прежним методам администрирования из центра. Произошло первое банкротство государственного предприятия: оно было ликвидировано согласно закону о банкротстве, принятому некогда в рамках хозяйственной реформы. Готовится закон о противодействии необоснованной монополизации рынка, а также закон о создании смешанных предприятий с участием иностранного капитала.

Отношения между властями и новыми профсоюзами, созданными после разгона "Солидарности", несомненно, отличаются от прежних. Во-первых, власти соглашаются на значительно более широкую автономию профсоюзов, чем когда-либо в прошлом. Во-вторых, новая профсоюзная бюрократия гораздо чувствительнее к давлению снизу, как со стороны членов профсоюзов, так и со стороны большинства работников, которые не вступили в новые профсоюзы. Это давление вызвано тяжелым материальным положением трудящихся и опытом, приобретенным в период "Солидарности". Немалую роль играет деятельность подпольной "Солидарности".

В таких условиях новое руководство профсоюзов не может слепо подписываться под всеми решениями властей, как это было при Гомулке и Гереке. В последнее время руководство профсоюзов открыто выступило против повышения цен и удлинения рабочего дня, а совсем недавно — и против правительственного проекта нового коллективного договора. На медных рудниках в Полковицах местная профорганизация объявила о прекращении своей деятельности в знак протеста против невыполнения властями решения о льготах рудокопам. Это решение было принято в рамках договора о создании "Солидарности" в 1980 г. Конечно, нынешняя автономия профсоюзов весьма далека от той, что была в период "Солидарности". Но это и

не "нормализация" в духе, угодном властям.

Ясно, что идет процесс размывания тоталитарной власти, плюрализации внутри правящей клики и официальных институтов. Этот процесс продвинулся в Польше значительно дальше, чем в других коммунистических странах, в особенности после августа 1980 г. Он еще недостаточно изучен и проанализирован, но уже дает немало свидетельств эволюции коммунизма под давлением общества. Эта эволюция содержит больше элементов эрозии классического механизма тоталитарной диктатуры, нежели элементов его совершенствования посредством реформ сверху.

* * *

Постепенный выход правительства из международной изоляции — один из поводов усиления пессимистических настроений в оппозиции. Иногда этот процесс рассматривают, как очередную измену Запада делу освобождения Польши. Другой повод для пессимизма — отношения оппозиции и общества. Еще не забыты дни "Солидарности", когда ее активисты стояли во главе широкого движения масс, выражали их устремления и чувствовали их поддержку. Положение виделось тогда в черно-белых тонах: здесь стоим мы и за нами общество, там стоят власти, которые распоряжаются полицией и армией, но изолированы от народа. Такое видение политического конфликта в Польше, слишком упрощенное и для периода "Солидарности", тем более не отражает сегодняшней политической реальности.

Оппозиция по-прежнему находится на политической сцене, тогда как широкие массы сходят с нее, погружаясь в трудности повседневной жизни. Обсуждая результаты социологических обследований рабочих на крупных предприятиях, которые провели независимые ученые, оппозиционный еженедельник "Тыгодник Мазовше" пишет: "Рабочие крупных промышленных предприятий — главные авторы Августа (1980 г. — время создания "Солидарности"). *Ред.* — после 13 декабря (1981 г. — дата военного переворота. *Ред.*) постепенно сходят с политической сцены. Поддерживающие власть составляют около 25% работников крупных предприятий... Однако этот процент растет, если перейти от уровня общих идеалов к оценкам конкретных институтов и лиц.

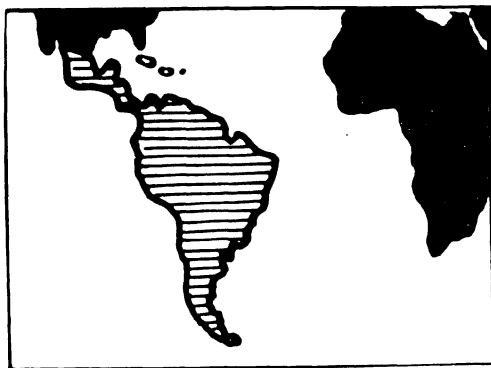
С поддержкой "Солидарности" дело обстоит наоборот. Степень поддержки высока на уровне символов и общих ценностей и значительно снижается, когда речь заходит о подпольной "Солидарности". В ее поддержку высказываются 20-25% обследованных, но участие в ее деятельности значительно меньше (так, доступ к независимой печати имеют лишь 15% опрошенных). Господствует примирение с судьбой, уход в частную жизнь, пессимизм, чувство бессилия." По пятибалльной системе в ходе обследования коэффициент доверия к Валенсе составил 3,1, к Ярузельскому – 3, к Буяку (деятелю подпольной "Солидарности") – 2,3, к Добрачиньскому (руководителю проправительственного Движения за национальное возрождение) – 2,6.

Деятелей оппозиции эти итоги могут потрясти. У них возникает мнение, что общество недостойно тех жертв, которые приносят люди подполья. Такие настроения известны в Польше под названием "комплекса легионеров": к "Польским легионам" Пилсудского, совершившим героические подвиги во имя независимости страны в годы Первой мировой войны, общество, помнившее тяжелые поражения восстаний XIX века, осталось безразличным. Наиболее видные деятели оппозиции понимают опасность распространения такого комплекса. Об этом недавно высказались З.Буяк, Я.Курунь и видный публицист, выступающий под псевдонимом Давид Варшавский. Он пишет: "Праздник кончился. Сегодня уже недостаточно погрузиться в стихию народных чувств и вещать всеми восторженно принимаемые слова спасения. Сегодня в расчет принимаются холодные доводы. Если мы не сумеем доказать, что наша деятельность может изменить к лучшему повседневную жизнь простого человека, мы не вправе и требовать, чтобы он взял на себя риск присоединения к нам. Речь идет не о правильности наших принципов, а о повседневной целесообразности наших действий". Похоже по тону, хотя и не столь пессимистично, высказывание Яцка Куруня: "Нам всем очень тяжело: мы работаем, а результатов не видим. Поэтому иногда важно напомнить самим себе, какое огромное дело сделано: со времен предавгустовской оппозиции мы прошли путь от небольших групп непокорных людей к независимому и организованному обществу".

Печальные настроения в кругах оппозиции, по моему мнению, нельзя объяснить тем, что в

жизни независимой Польши произошли какие-то новые нежелательные сдвиги. Объясняется это, если можно так выразиться, кризисом революционного сознания и революционных ожиданий периода "Солидарности". Многие активисты независимой общественности считают, что оппозиция возникла, чтобы припереть "красных" к стене и покончить с ними. Быть может, однако, ее историческая роль значительней: усмирить стихию унижения и распада, которую несет с собой тоталитаризм. ●

В.Кучинский

ЧЕРНАЯ ДЫРА ТОТАЛЬНОЙ НАРОДНОЙ ВОЙНЫ

Накануне XXVII съезда КПСС, в декабре 1985 г. состоялся третий съезд компартии Кубы. В отличие от московского съезда, который Ф.Кастро назвал не рядовым, а историческим, его собственный партийный слет был достаточно серым – если бы не одно обстоятельство.

Дело в том, что на съездах в Гаване и в Москве настойчиво повторялась мысль поддержать призыв Кастро к странам третьего мира отказаться платить долги экономически развитым странам. Пикантность этой истории придает тот факт, что в нынешнем году для Кубы наступают сроки уплаты долгов Советскому Союзу и другим странам того же лагеря по кредитам, предоставленным правительству Кастро после его прихода к власти в 1959–1961 гг. В свое время эти кредиты и сопровождавшая их военная помощь быстро превратили некогда гордого патриота и демократа в простого содержателя советского непотопляемого авианосца у берегов США. Но даже для льготных кре-

дитов (беспроцентных и с периодом возврата до 25 лет) наступает срок оплаты. По западным оценкам размер таких долгов у Кубы достиг 9 млрд.долларов, и аннулировать его означало бы для Москвы создать опасный прецедент для всех должников, рассеянных по разным уголкам планеты.

У Советского Союза есть свои грехи по части кредитов. До сих пор не забыто аннулирование долгов царской России, провозглашенное декретом Совнаркома в январе 1918 г. По расчетам американского экономиста и дипломата Дж.Кеннана потери от этого акта с учетом процентов на начало 60-х гг. для кредиторов России превысили 40 млрд.долларов. Не прибавила престижа советским банкирам и неуплата долгов по кредитам США (ленд-лиз), предоставленным во время войны в сумме свыше 12 млрд.долларов.

В последние годы Советский Союз достаточно успешно держал марку кредитоспособного должника. Алмазы, золото и, в первую очередь, нефть давали заемщикам неплохие гарантии. Однако нефть, которая обеспечивала СССР две трети поступлений твердой валюты, катастрофически подешевела за последнее время. Между тем, снижение цены барреля нефти на доллар отнимает у Советского Союза полмиллиарда долларов поступлений от экспорта. В таких условиях не стоит плевать в колодезь и присоединяться к хору неисправных должников: а вдруг придется идти с протянутой рукой за займами (только в 1985 г. СССР занял у коммерческих банков Запада 6 млрд.долларов).

Куба получает от партнеров по блоку не только кредиты, но и все другие мыслимые виды экономической помощи: горючее поставляется ей по ценам гораздо более низким, чем мировые, а сахар покупается значительно дороже (Куба получает 10 млн.тонн советской сырой нефти в год и продает социалгерию около 5 млн.тонн сахара); многие проекты осуществляются на безвозмездной основе; бюджет получает прямые дотации на балансирование дефицита, то есть попросту денежные подачки.

Но все эти огромные затраты исчезают неизвестно куда. В коммунистической галактике Куба поистине выполняет функции черной дыры. На фабриках стоит устаревшее оборудование, которое постоянно выходит из строя. Временные трудности с товарами и запчастями — постоянный спутник экономики стран советско-

го блока — не покидают Кубу. Даже внешние признаки быта на "острове свободы" свидетельствуют об упадке: серые обшарпанные дома, старые автомобили, стоящие на приколе из-за отсутствия запчастей и горючего, плохо работающие городские коммуникации, — все это печально контрастирует с тем, что описано у Грэма Грина и Хемингуэя. ГДР вызвалась в новой пятилетке (совпадающей по срокам с советской) наладить городское хозяйство Гаваны, а к 2000 году построить в столице Кубы метро. Тем, кто имел возможность сравнить Восточный и Западный Берлин, а также поезда Западной и Восточной Германии, легко понять, что чудес не будет.

Несмотря на крайнее ограничение экономических связей со свободным миром, правительство Кубы и здесь ухитрилось наделать долгов на немалую сумму — свыше 3,5 млрд.долларов. Интересно, что, вероятно, по тем же причинам, что и Советский Союз, Ф.Кастро, призывая других не платить долги, не спешит отказаться от уплаты собственных долгов и добивается от кредиторов лишь отсрочки платежей. Пока кредиторы идут ему навстречу (как, впрочем, и другим должникам). Наиболее срочные платежи на сумму 1,6 млрд.долларов разложены на пять лет вместо двух. Как будут выплачиваться эти суммы даже через пять лет, никто старается не думать (не говоря уже об остальной сумме долга). Вряд ли поможет делу сравнительно новый продукт кубинского экспорта — никель. На Кубе его добыча обходится, конечно, дешевле, чем в Норильске. Однако, если вывозить его в СССР, твердой валюты это не даст. Между тем на свободном рынке спрос на никель сокращается, и цены на него падают, а разработка никелевых месторождений на Кубе еще потребует немалых средств.

Почему страна, несмотря на обильный поток средств с Запада и с Востока, так безнадежно бедна и отстала? Конечно, социалистическая система хозяйствования играет здесь огромную роль, и на съезде кубинской компартии, как водится, были подвергнуты критике низкая производительность труда и некомпетентные служащие. Была проведена чистка горбачевского типа — с увольнением на пенсию престарелых ветеранов. Правда, среди них оказался и 53-летний Рамиро Вальдес, который был из Политбюро понижен до рядового члена ЦК, а главное — ли-

шен поста министра внутренних дел. Тут уже дело было не в возрасте (самому Кастро 59 лет), а видимо, в слишком долгом пребывании на столь чувствительном посту.

Но другую важную причину превращения Кубы в бездонную бочку раскрывает часть доклада Кастро, посвященная военному комплексу страны (термин военно-промышленный комплекс здесь вряд ли уместен, страна в промышленном отношении еще далека от современных мерок). По словам Кастро, свыше полутора миллионов жителей Кубы включены в территориальную военную милицию, которая "имеет средства для активного участия в обороне". Напомним, что речь идет о стране с населением в 10 млн.чел. Регулярная армия Кубы насчитывает 160 тыс. солдат, а также 135 тыс.резервистов. На ее вооружении находятся свыше тысячи танков и свыше 200 самолетов, включая МиГ-21 и МиГ-23, флот возглавляют три крупных подводных лодки. Свыше ста тысяч кубинских солдат и офицеров прошли через службу в экспедиционных корпусах в Анголе, Мозамбике и других странах, возжаждавших братской помощи. За межсъездовский период, по словам Кастро, достигнуты следующие успехи: свыше семи тысяч офицеров закончили военные академии в стране и за рубежом, свыше пяти тысяч офицеров запаса получили соответствующие звания в гражданских вузах, для территориальной милиции было подготовлено свыше 70 тыс.офицеров, удвоены мощности по полевому ремонту оружия, проведена маскировка и рассредоточение военных складов горючего, приняты меры по организации производства легкого вооружения, начато строительство десятков тысяч убежищ, подготовлены военные подразделения для подпольной войны. Не забыта и молодежь: из военных училищ выпущено свыше 9,5 тыс. курсантов, а в 1985 г. начата военная подготовка 14–15-летних подростков.

Все это разворачивается во исполнение принципа "тотальной народной войны", нашедшего свое одобрение на съезде. Такая война рассматривается как необходимая оборона против "технически превосходящего врага", то есть против США. На деле, однако, речь идет совсем не об обороне. В течение нескольких лет после победы Кастро были с немалым трудом отбиты атаки прокубинских сил в Центральной и Южной Америке (последним в октябре 1967 г. был

разгромлен в Боливии отряд Че Гевары). С тех пор американский континент постоянно находится в обороне от кубинских подрывных действий. Вряд ли сама Куба могла бы финансировать свои военные авантюры. Деньги на это идут из советских источников. На территории самой страны постоянно находятся около восьми тысяч человек советского военного персонала, в том числе боевое подразделение, в количестве 2800 чел., столько же военных советников, а также 2100 работников станции подслушивания в Лурдес, недалеко от Гаваны.

И все же главное бремя ложится на хозяйство и народ Кубы. Огромные духовные и физические силы отвлекаются на милитаристские эскапады. Продолжаться они могут долго (на съезде Ф.Кастро заявил, что кубинский корпус может пробыть в Анголе и 20 и 30 лет, если понадобится). Видимо, за счет советской экономики еще долго будет коптеть факел кастроизма.

КАРИБСКОЕ МОРЕ – МЕСТО НЕСПОКОЙНОЕ...

Ямайку в 70-е гг. при правлении Майкла Мэнли и его Народной национальной партии приводили в качестве классического примера неудач социализма в слаборазвитой стране. Попытки быстрого решения многочисленных проблем государства с экономической и идеологической помощью Кубы не удались. Пять лет назад к власти пришла Ямайская лейбористская партия. Премьер-министром стал Эдвард Сиага, выпускник Гарвардского университета, сторонник союза с Соединенными Штатами и развития свободной рыночной экономики. (См. "Страна и мир", № 8, 1984 г.) Администрация Рейгана расценивала эти перемены как безусловную победу над левыми политическими течениями в этом районе. Экономическая помощь Ямайке существенно возросла – с 22 млн. долларов в 1980 г. до 169,5 млн. в 1985 г. с последующим увеличением до 173 млн. долларов в текущем году. Американский план "Инициатива в Карибском бассейне" должен был помочь Ямайке выйти из затруднительного положения, привлечь капиталовложения (особенно американские) в страну и, как говорил Рейган в 1982 г., "открыть окно в другое время, другое будущее".

Но надежды на быстрый приход этого "другого

будущего" не оправдались. Дело в том, что три четверти необходимой стране валюты приносил экспорт бокситов. Это классический пример экономики страны "третьего мира", зависящей целиком от экспорта какого-то одного вида сырья. Цена на бокситы на международном рынке за последнее время упала вдвое, что одновременно сократило приток валюты в страну и увеличило тяжесть выплат по иностранным займам. Более 40% национального бюджета Ямайки сейчас идет в счет уплаты трехмиллиардного долга Соединенным Штатам. Правительство одновременно пытается принять экономические и политические меры для стабилизации экономики внутри страны и искать в Международном банке реконструкции и развития возможностей займа на более льготных условиях. Не так давно премьер-министр Сиага пригласил представителей Международного банка и американской администрации посетить остров для изучения положения на месте, в надежде получить отсрочки по платежам и тем облегчить положение населения. Положение это не из легких — инфляция достигает 30% в год, каждый четвертый трудоспособный ямаец без работы, и девальвация привела к существенному снижению курса ямайского доллара по отношению к американскому. Еще недавно соотношение было 3 ямайских доллара за один американский, теперь 5,5:1.

Американский комитет содействия развитию экономики, возглавляемый Дэвидом Рокфеллером, на который возлагались большие надежды по части привлечения капиталов на Ямайку, не выполнил своей роли, а сейчас прекратил существование. Всего 85 представителей американского бизнеса вложили капиталы в ямайские предприятия. Одна из причин такого слабого притока капиталов, как считают экономисты, в том, что неустойчивый экономический баланс страны может привести к затруднениям в случае необходимости вернуть капиталы в США, или к их потере в случае нового прихода к власти социалистов. Это не настраивает вкладчиков капиталов на оптимистический лад. Недавнее повышение цен на бензин, с помощью которого Сиага надеялся решить самые насущные экономические проблемы, привело к серьезным уличным

беспорядкам. Это, в свою очередь, повлекло за собой резкое снижение туризма, приносящего существенную часть иностранной валюты стране, и не увеличило количество бизнесменов, желающих рисковать своими деньгами.

Примерно такое же положение с американскими капиталовложениями на Гренаде (Малые Антильские о-ва), куда после свержения прокубинского правительства Бишопа, с помощью все того же плана Инициативы в Карибском бассейне надеялись привлечь деньги. Но пока только один человек рискнул отозваться на призыв президента Рейгана и начал на Гренаде производство детских деревянных игрушек.

Правление Майкла Мэнли на Ямайке показало, что быстрое построение социализма в слаборазвитой стране, экономика которой целиком и полностью зависит от экспорта одного вида сырья, невозможно. Но пять лет правления лейбористской партии, возвращение к свободным рыночным отношениям и более тесным связям с Соединенными Штатами показали, что и этот путь имеет свои теневые стороны и, во всяком случае, не так скор и легок, как казалось и как хотелось бы. Падение цен на бокситы нарушило все планы стабилизации ямайской экономики. Предполагаемое повышение цен на кофе на мировом рынке может несколько облегчить положение, но не решает всех проблем, так как кофе никогда не было наиболее важной статьей ямайского экспорта.

Как говорят политические комментаторы, социалисту Майклу Мэнли остается только ждать, пока неудачи Сиаги не расчистят для него снова место наверху. Он и сам этого не отрицает. В недавнем интервью он не без удовлетворения сказал: "Я просто сижу и смотрю, как все это происходит".

Очередные выборы на Ямайке должны состояться в 1986 г. и если правительство премьер-министра Сиаги не найдет за это время каких-то более эффективных методов привлечения иностранных капиталов в страну, есть все шансы, что к власти снова придет прокубинская Народная национальная партия во главе с Мэнли и Соединенные Штаты потеряют еще одного союзника у порога своего дома.

О. Максимова

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА

Известно, что у Шерлока Холмса бывали периоды апатии. Мир становился унылым и пресным: в нем не происходило ничего, что заслуживало бы внимания великого сыщика.

С тех пор мир изменился — по крайней мере на одной шестой земной суши. Жизнь задает современным холмсам бесчисленные загадки, требует от них неустанной бдительности. То некий ученый проводит антисоветскую голодовку, то диссидентка готовится совершить путешествие из Петербурга в Москву, то некто звонит кому-то по телефону. Естественно, приходится выслеживать, вынюхивать, бдить, пресекать, принимать меры. Об одной блистательной операции такого рода газета рассказывает в номере от 30 ноября 1985 г.

Началось с того, что в город трех революций пожаловала гражданка Швейцарии Рут Блох. Конечно, мы всей душой, но... На аэродроме ее, как полагается, досмотрели и обнаружили — только, пожалуйста, не пугайтесь — книги на иврите, магнитофонные кассеты с записями на иврите и английском сионистского и религиозного содержания. Подумать только: книги на преступном языке! А магнитофонные записи религиозного содержания! Понятно, что идеологическая взрывчатка была изъята.

Попутно таможенники заметили в багаже упомянутой Р.Блох "большое, слишком большое для короткого туристского вояжа количество различных вещей, одежды и сувениров израильского производства". Вообще-то все это тоже следовало бы изъять, но, черт его знает, сколь часто меняют наряды эти проклятые иностранцы, а вдруг каждый день? Короче шмотки были оставлены, таможня ограничилась вежливым предупреждением о "недопустимости проведения на территории СССР сионистской деятельности".

И то вы думаете: наши славные таможенники как в воду глядели! "Буквально на следующий день в одном из районов Ленинграда, весьма далеко от обычных туристских маршрутов, граждане обратили внимание наряда милиции на странное поведение двух иностранцев..."

Что же это были за странности? Оказывается, "не зная языка, с тяжелыми баулами в руках они блуждали по улицам в поисках, как видно, какого-то адреса".

Мы специально разбили эту сложную фразу на две, чтобы читатель мог по достоинству оценить преступные действия г-жи Блох (конечно же, это была она!). Не зная языка... блуждать... с тяжелыми баулами... в поисках адреса...

Правда, кое-какие вопросы к газете все-таки возникают. Неужто наши славные ленинградцы не знают, что ныне шпионы не блуждают по улицам, а сидят в министерствах и ведомствах? Или с языком. Кому же не известно, что, как правило, шпионы владеют языком страны, при которой они, так сказать, аккредитованы? Вот тяжелые баулы — это да. Куда естественнее было бы ходить по городу с легкой авоськой...

Не будем, однако, томить любителей детективов. Конечно, подозрительных иностранцев тут же препроводили в милицию, баулы вскрыли и обнаружили... Ладно бы бомбу, а то носильные вещи и сувениры. Перекрестный допрос, проведенный с обычным блеском представителями наших славных органов, показал, что и то, и другое предназначалось отказникам!

Не думайте, что преступницу колесовали или отправили на урановые рудники. Нет, конечно. Ее усадили в поезд, и "сопровождавшие облегченно вздохнули лишь тогда, когда из виду исчезли сигнальные огни поезда, следовавшего в одну из западных стран". Проще говоря, выслали. А могли бы, — как говорится в анекдотах, — могли бы и расстрелять.

ВЕСТИ ИЗ СССР

Закончился XXVII съезд КПСС — еще до начала объявленный историческим. Насколько оправдан этот эпитет, мы узнаем лет через сто. А до тех пор можно сказать лишь одно: он действительно отличался от нескольких предыдущих. Те заведомо исключали перемены, этот, напротив, их декларирует. Вопрос теперь в том, какое конкретное содержание будет вложено в расплывчатые лозунги "нового стиля" и "ускоренного развития".

Пока что призывы к переводу экономики на экономические методы управления соседствуют с требованиями укрепить централизованное руководство и усилить роль партийных комитетов. На партийные комитеты возложена и другая, столь же естественная для них функция — уход за ростками демократии. Это примерно то же, что возложить уход за цыплятами на лису.

Особых перемен в расстановке руководящих персон съезд не принес. Видимо, основные перемещения были произведены раньше. Следует отметить лишь стремительный взлет Л. Н. Зайкова: меньше чем за год он прошел путь от секретаря обкома (правда, ленинградского) до третьего или четвертого человека за партийно-государственным столом. Судя по всему Зайков курирует те же сферы, что некогда Устинов: армию и военную промышленность.

Другая любопытная перестановка — уход со сцены Б. Н. Пономарева. Эта редкостно бесцветная личность долгие годы олицетворяла иностранную политику партии. Пришедший ему на смену А. Ф. Добрынин, несомненно, образованнее, умнее и гибче. При определенных обстоятельствах это может иметь значение. Дело, таким образом, за обстоятельствами...

Мы привыкли к тому, что основные принципы внешней политики излагаются в докладе гене-

рального секретаря, речь же министра иностранных дел выполняет те же функции, что это в годах. На сей раз все было несколько иначе. Михаил Сергеевич Горбачев, как и подобает главному идеологу, клеймил империализм и классифицировал его стадии. Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе говорил так, как говорят о людях, с которыми предстоит вести переговоры.

Когда Горбачев возвел Громыко в сан верховного церемониймейстера, а на прозаическую должность министра иностранных дел назначил мало кому известного на Западе Шеварднадзе, в этом усмотрели прежде всего амбиции нового генсека. Он-де намерен единолично распоряжаться внешней политикой. Опытный и авторитетный Громыко мог бы ему в этом помешать, тогда как "провинциальный" Шеварднадзе, не имеющий опыта в подобных делах, станет его бессловесной тенью.

При этом как-то забылись сопутствующие обстоятельства. Например, роль Громыко. Разумеется, не министр иностранных дел определяет политику. Но он ее проводит. Люди, которым приходилось встречаться с А. А. Громыко за столом переговоров, говорят о нем, как о человеке живом, неглупом, вовсе не лишенном чувства юмора. Однако его публичные выступления были выдержаны исключительно в черно-белой гамме. По одну сторону белоснежные ризы советской политики — политики мира, справедливости, защиты слабых и угнетенных; по другую — черные, как ночь, планы войны, агрессии, порабощения. О чем тут, собственно, было говорить?

Мне всегда казалось, что если капиталисты официально объявят, что осознали свою вину и готовы вручить Советскому Союзу ту самую веревку, о которой некогда говорил вождь, Гро-

мыко в ответ что-то недовольно проворчит. Скажем, что веревка не того типа, или принесли ее не туда, или знаем мы эти фокусы – нас не обманешь. Ясно, что если М. С. Горбачев действительно намеревался проводить новую внешнюю политику, ему следовало отказаться от услуг Громыко, – иначе ему просто никто бы не поверил.

Между тем Э. А. Шеварднадзе вовсе не такой новичок и простофиля. Пост первого секретаря ЦК Компартии Грузии достался ему в трудной борьбе, а сама эта должность – именно в Грузии – требовала ума, смелости и незаурядного такта. То, что он миновал бесчисленные ступени профессионально-дипломатической лестницы, еще ничего не доказывает. Ленин, Троцкий, Чичерин, Литвинов, даже сиятельный князь Талейран тоже не были профессиональными дипломатами.

Язык? Но и русский язык А. А. Громыко оставлял желать лучшего. Не зря шутники уверяли, что по-английски он говорит куда свободнее. Кстати, Шеварднадзе владеет русским вполне уверенно. Правда, акцент. Но в конце концов, он министр иностранных дел, а не диктор Всесоюзного радио.

И если в первые месяцы роль Шеварднадзе можно было оценивать по-разному, то его речь на XXVII съезде свидетельствует, что на сей раз мы во всяком случае имеем дело не с автоматом для штамповки лозунгов. "Когда возникает экстремальная ситуация, – сказал новый министр, – человек начинает мыслить и действовать в особом режиме. Когда мир подошел к критической черте, эта способность может оказаться решающей для всего человечества". Согласитесь, автомат говорить так не может: что ему, запрограммированному исключительно на продвижение по партлестнице, до экстремальных ситуаций и интересов человечества?..

А вот выводы, которые из этого следуют: "Между реальностями атомного века и пониманием стоящих перед миром задач возник опасный разрыв. Коренной пересмотр и решительный отказ от устаревших философий и отживших доктрин – первоочередная, жизненная необходимость". У кого возник этот разрыв? Кому адресован призыв к коренному пересмотру и решительному отказу? Видимо, это надо понимать так, что возник он у обеих сторон, и призыв тоже адресован обеим – и им, и нам. Что ж, тут действительно усматривается предмет для переговоров. Кстати, о языке: не кажется ли вам,

что это совсем не тот ржавый советский жаргон, к которому все мы привыкли?

Дальше. "Новые экономические, научно-технические факторы формируют целостный взаимозависимый мир, в котором действительность предъявляет руководителям каждого государства повышенно жесткие требования, диктует предельную ответственность в поведении и принятии решений". Здесь момент взаимности вполне очевиден. Советские руководители, которые понимают, что мир предъявляет какие-то требования не только к Западу, но и к ним самим, – это, несомненно, что-то новое. Конечно, от простого понимания до пересмотра политики достаточно далеко. Но всякий пересмотр начинается с понимания.

Наконец, третье. "Возможности и характер современного оружия таковы, что лишают смысла политику конфронтации и противоборства". Следствия из этого постулата настолько значительны, что их рассмотрение могло бы увести нас очень далеко – к самым основам марксистской идеологии. Но даже при ближайшем анализе ясно, что ставится под сомнение вся направленность советской политики последних десятилетий. Оказывается, известный лозунг: "Лучше быть красным, чем мертвым" – справедлив лишь наполовину, ибо опасность стать мертвым грозит и красным.

Мне возразят, что в речи нового министра есть не только это, но и немало другого: империализм, который никак не отрешится от навязчивой идеи увековечить свое господство и задерживать поступательный ход истории, решительный отказ Советского Союза участвовать в обмане народов, лицемерие, выражающееся в гнусной попытке увязать ядерное разоружение с урегулированием региональных конфликтов – например, с выводом советских войск из Афганистана...

Все это верно. И однако, появление живых слов и человеческих интонаций там, где их отродясь не бывало, внушает какое-то подобие надежды. Разумеется, это не слишком много. Но и не так уж мало.

Двадцать седьмой съезд закончился, и немедленно в сети партийного просвещения началось изучение материалов. Это разумно: и в докладе генерального секретаря ЦК КПСС, и в выступлениях участников есть моменты, безуслов-

но заслуживающие изучения. Возьмем, для примера, такую проблему, как упрочение социалистической законности, укрепление правопорядка во всех сферах жизни общества.

Область эта бесконечно важна — двух мнений тут быть не может. Естественно, что этому вопросу уделено немало места и в докладе Горбачева, и в резолюции съезда, и в передовых статьях центральных газет, анализирующих и разъясняющих, а иногда и затемняющих, принятые решения. Но как-то так получилось, что наиболее важная и интересная мысль правой части доклада не попала ни в резолюцию, ни в комментарии. Давайте сразу же исправим это досадное недоразумение, благо соответствующая цитата невелика.

“Строжайшим образом должны соблюдаться демократические принципы правосудия, равенства граждан перед законом, другие гарантии, обеспечивающие защиту интересов государства и каждого гражданина. В связи с этим необходимо решительно поднять роль прокурорского надзора, совершенствовать работу судов и адвокатуры, уже в ближайшее время закончить подготовку предусмотренного Конституцией закона о порядке обжалования неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права гражданина”.

Как раз эта последняя идея и заслуживает всяческого внимания. Вообще говоря, принцип судебного обжалования административных решений не нов, он предусмотрен законодательством многих стран. Но особенно последовательно этот принцип действует в США, где гражданин может обжаловать любое решение президента и Конгресса. Бывали случаи, когда люди обращались в суд, требуя отмены договоров, заключенных Соединенными Штатами с другими государствами, признания неконституционным закона, принятого Конгрессом, сообщения данному лицу сведений, которые правительство признало секретными.

Не станем сейчас вдаваться в историю этого принципа (он восходит к теории разделения властей Монтескье) или анализировать практику американского суда (суд не может отменить закон, но, признав его неконституционным, он лишает закон правовой силы). Нас интересует другое: что если бы такой же порядок был введен в СССР?

Первое, что сразу жестораживает, — положение судей. Напомним, речь идет об обжаловании

действий должностных лиц, то есть лиц, облеченных властью. Чтобы суд мог такие действия отменить, он по крайней мере должен быть от этих лиц независим. Доказывать, что судьи в США или любой другой западной стране независимы — глупо, это ясно каждому, кто знаком с советской практикой. Столь же очевидно, что советский судья — это государственный чиновник, вдобавок занимающий в табели о рангах довольно скромное место. Скажем, районный судья зависит не только от вышестоящего суда и министерства юстиции, но и от райкома, райисполкома, от местного КГБ, прокуратуры, от множества других лиц и инстанций. Как же он будет отменять их решения?

Допустим, однако, что нынешнее советское руководство решится на следующий шаг: выведет судей из общей системы управления, сделает судью несменяемым, наделит его реальными правами. Что тогда?

Тогда произойдет многое. Возьмем академика А.Д.Сахарова. Всем понятно, что ссылка в Горький, по решению неизвестных должностных лиц, была не то что противозаконной, но просто вне всякого закона. Подобная мера наказания вообще может назначаться только по приговору суда. Такое же возмутительное беззаконие — съемки Сахарова скрытой камерой и продажа “фильмов” на Запад. Ясно, что независимый суд сразу же отменит и ссылку, и все, чем она сопровождается, привлечет к уголовной ответственности виновных и взыщет с государства многие миллионы рублей: за насилие, оскорбление, неудобства, ущерб работе, здоровью, добродетели имени...

А что происходит с отказниками? Насколько известно, законов, регулирующих порядок рассмотрения заявлений на выезд, в нашей стране вообще нет. Вместо них действуют тайные инструкции и вполне откровенный произвол. Человеку, десять лет назад служившему в стройбате, отказывают по соображениям “секретности”. Сыну, получившему вызов от матери, сообщают, что “родство признано недостаточным”. Существует и вовсе простая формулировка: “за нецелесообразностью”.

Любой объективный суд не оставил бы от этой средневековой практики камня на камне. Пришлось бы срочно принимать закон, публиковать его для всеобщего сведения, а главное, быть готовым к тому, что судья спросит: “Почему? На каком основании? Для кого именно

выезд гражданина К. нецелесообразен?” Сила беззакония – в скрытности, в возможности вершить дела в густом тумане “высших государственных интересов”. При свете дня, в обстановке той самой гласности, о которой так радеет генеральный секретарь, беззаконие сразу сморщится, станет пугливым и жалким.

М.С.Горбачев сообщил почтенному редактору “Юманите”, что политзаключенных в СССР нет, за убеждения у нас не судят. Это верно в том смысле, что нет приборов, которые позволяли бы властям выявлять убеждения непосредственно в человеческом сознании. Но зато мы обладаем могучей техникой, позволяющей подслушивать разговоры на расстоянии, просматривать частные письма, фотографировать граждан в полной темноте, записывать личные разговоры и так далее. Ничего не поделаешь: наше маленькое и слабое государство вынуждено защищаться от могучих врагов, а проще говоря, от нас с вами.

Выставить это государство на открытый и гласный суд значит лишить его возможности защищаться: с помощью резиновых статей УК, тайных инструкций, а также лагерей, психбольниц и других подобных учреждений порядка. Помилуйте, как же можно?

Зачем это нам: процессы над должностными лицами, выплаты миллионных компенсаций, позор новых разоблачений? Тем более, что к законности мы не приучены. Если раньше эпохи различались средствами труда, то у нас они различаются степенью беззакония.

Так зачем? Неужто только для того, чтобы, как сказал Михаил Сергеевич, – “люди в любом населенном пункте чувствовали заботу государства об их покое и неприкосновенности, были уверены, что ни один правонарушитель не уйдет от заслуженного наказания”?

Похоже, что единственный выход – объявить незаконной всю эту часть доклада Горбачева. ●

А.Б.

НОРМАЛЬНАЯ КЛАССОВАЯ БОРЬБА

9 февраля посол США в Москве Артур Хартман праздновал 37-ю годовщину своей свадьбы. Были приглашены, естественно, гости, около 200 человек, в том числе и советские граждане. В числе приглашенных был пианист Владимир Фельцман, сын известного советского компо-

зитор-песенника Оскара Фельцмана. Владимиру предстояло сыграть для гостей на прекрасном рояле “Стейнвей”. Была намечена программа из произведений Ф.Листа.

В.Фельцман был на хорошем счету в СССР до 1979 г. В 1966 г. в пятнадцатилетнем возрасте он получил первый приз на конкурсе в Праге. Через четыре года – первый приз на конкурсе им.Маргариты Лонг в Париже. Все, казалось, сулило ему блестящую карьеру. В.Фельцман разъезжал с гастрольями по Европе, побывал и в Японии.

Все изменилось в один день в 1979 г., когда Владимир с женой Анной подали заявление на эмиграцию. Кончились концерты не только за рубежом, но и в столице, пианисту оставили возможность выступать лишь в глухой провинции. Пластинки с записями В.Фельцмана были изъяты из магазинов. На свое заявление об эмиграции В.Фельцман получил отказ.

В.Фельцман дважды играл в резиденции посла. Каждый раз после выступления, он находил, что шины его автомобиля, оставленного у входа, проколоты. Оба раза его предварительно “убеждали” не ходить. “Убеждали” и на этот раз.

В два часа дня в резиденцию посла пришел настройщик и настроил рояль. Он звучал, как всегда, прекрасно. Затем посол с семьей уехал на дачу и вернулся лишь к пяти. Чуть позже пришел В.Фельцман, пройдя через привычный уже кордон милиции, проверившей документы.

И вот, когда он сел за рояль, его поразило, мягко говоря, странное звучание инструмента. Заглянув внутрь пианист обнаружил, что одна из струн перерезана, три – перекручены, а две другие – просто расстроены.

Концерт все-таки состоялся, хоть и с запозданием. Сотрудники посольства устранили повреждения, хоть и не полностью.

Виновные найдены не были. ТАСС, конечно, заявил о непричастности советской стороны. Заметим, что большую часть обслуживающего персонала в посольской резиденции составляют сотрудники Управления по обслуживанию дипломатического корпуса. Повара, горничные, официанты – все это обычно советские граждане. Их гражданский долг им должным образом и кем надо разъяснен.

Зачем? Ну, конечно, надо было преподать урок наглому отказнику. Но и посол с его

семьей — он тоже не наш человек. В классовой борьбе не может быть перемирий!

Подобные события отнюдь не редкость в домах западных дипломатов в Москве. Вот лишь еще один пример. Питаться членам дипломатического корпуса приходится в основном замороженными продуктами, доставляемыми из-за границы (в советских магазинах достать что-либо трудно). Но не раз уже случалось, что едва дипломат выезжает в отпуск или в поездку по стране, как советская прислуга выключает холодильник и губит продукты. Или разворовывает их, что также вероятно следует рассматривать, как форму классовой непримиримости. Так великая держава напоминает о себе Западу. Иногда ракетами, а подчас и попросту: оборвав струны рояля или выключив холодильник с продуктами. ●

ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ТЮРЬМА В ЛЕНИНГРАДЕ

Есть в Советском Союзе места, которые прочно вошли в историю советской карательной системы, в историю преследования инакомыслящих, политических противников режима. Таковы знаменитая Лубянка, Владимирская тюрьма, Соловки, Воркута... В этом ряду заняла свое бесславное место и Ленинградская психиатрическая больница специального типа (сокращенно — Ленинградская СПБ).

С этим местом связана, пожалуй, наиболее позорная страница в истории советской тайной политической полиции — использование медицины, психиатрии для борьбы с инакомыслием. Именно эта преступная практика привела к тому, что СССР был вынужден уйти из Всемирной психиатрической ассоциации, опасаясь позора публичного осуждения и исключения. Из ВПА Советский Союз ушел, и преступления продолжают. Ленинградская СПБ — одна из 13 известных нам СПБ на территории СССР. И похоже, что ее отнюдь не собираются закрывать, скорее наоборот, она расширяется.

Ленинградская СПБ была открыта еще при Сталине, в 1951 г. Тогда она называлась Ленинградской тюремно-психиатрической больницей. Она расположилась в зданиях бывшей женской тюрьмы, недалеко от знаменитой тюрьмы "Кресты" около Финляндского вокзала. Ее адрес: ул. Арсенальная, 9. Она углом вдается в терри-

торию завода "Красный выборжец". Официальное ее название: учреждение УС-20/ст-5 (слова "тюрьма" или "спецпсихбольница" считаются неудобными в официальной речи — их вроде бы и вовсе нет).

По свидетельству заключенных в первые годы существования больницы от 10 до 50% ее контингента составляли психически совершенно здоровые люди. Они, как, впрочем, и действительно больные, были арестованы по знаменитой 58-й статье тогдашнего уголовного кодекса. Так, в 1956–1964 гг. здесь содержался арестованный по политическому обвинению лауреат сталинской премии геофизик Самсонов.

С введением нового кодекса исчезла 58-я, зато появился целый букет новых, аналогичных статей. С наступлением более вегетарианского времени в Ленинградской СПБ уменьшилось количество политзаключенных — как и во всей советской тюремно-лагерной системе. Но всего лишь уменьшилось. Здесь, уже в послесталинское время, содержались такие известные участники правозащитного движения, как генерал П. Григоренко, В. Буковский, Б. Евдокимов, В. Борисов, В. Файнберг и многие другие.

Сейчас нам достоверно известно о том, что в этой больнице находятся по крайней мере три политзаключенных. Это Николай Баранов, переходящий из одной СПБ в другую с 1968 г. Арестовали его за "антисоветскую агитацию и пропаганду" во второй раз, в первый раз он отсидел 5 лет в лагерях. Баптист Анатолий Рунов в шестой раз уже попадает то в обычную психбольницу, то в СПБ за приверженность к своей церкви. Эстонский рабочий Иво Вярав из Тарту сидит за распространение листовок. Вероятно, есть и другие, но информация из СПБ просачивается с большим трудом.

При открытии в СПБ было 11 отделений, где содержались от 800 до 1000 заключенных. Примерно столько же находится в СПБ и сейчас, но отделений уже 12. В настоящее время идет подготовка к открытию еще двух отделений, каждое не менее чем на 100 чел. Под новые отделения отдан один из производственных корпусов, где работают заключенные. Сейчас его перестраивают. Когда новые отделения вступят в строй, в СПБ будет содержаться около 1200 чел.

Три старых корпуса больницы — это просто корпуса прежней тюрьмы. Камеры, в которых помещаются больные-заключенные — почти точ-

ная копия тех, что можно увидеть в Петропавловской крепости, хотя в некоторых отделениях они обновлены. В 1 корпусе камеры маленькие, на 2 человека. У стен стоят две койки, между ними под окном – тумбочка. Впрочем, последняя (ей, очевидно, придается особое значение) есть не везде. В первом, приемном отделении, тумбочки вообще запрещены. В других – открыт только верхний выдвижной ящик, а нижнее отделение заполнено кирпичами и песком и забито гвоздями. При самом мягком режиме тумбочку открывают полностью.

В отделениях других корпусов камеры побольше, на 10–15 чел., но это всегда камеры, а не палаты. Дверь обита железом (кроме 10-го отделения), в ней прорезаны глазок и “кормушка” – для раздачи пищи.

В 10-м отделении “кормушек” нет, раздатчики открывают дверь целиком и подают миски с едой. На окнах – решетки. В 1-м и 5-м отделениях есть специальные темные камеры с двойной решеткой и закрытыми ставнями. Туда помещают провинившихся. Там же производят и особо зверские экзекуции.

Особенно напоминает о тюремном прошлом – да и о тюремном настоящем – 1-й корпус. Он весь устроен как тюрьма. Ген. П. Григоренко вспоминает:

”Здесь, как и в обычных тюрьмах, нормальные перекрытия имеются только над камерами. Середина же здания полая. Так что из коридора первого этажа можно видеть стеклянный фонарь крыши над пятым этажом. В этом колодце звуки распространяются очень хорошо и даже усиливаются. Именно на этом была основана одна из психических пыток заключенных этой больницы в сталинское время...”

Так же устроена Лефортовская тюрьма КГБ в Москве: те, кому довелось побывать там, помнят; другие могут вспомнить фильмы об антифашистах в берлинских тюрьмах.

Атмосфера Ленинградской СПБ тоже мало отличима от тюремной – да это и есть тюрьма, хотя те, кто в ней содержатся, формально освобождены от уголовной ответственности. Та же прогулка в крохотных индивидуальных двориках для “особо опасных”, в общих – для остальных. То же тюремное питание – правда, получше, чем в обычной тюрьме, но примерно такое же, как в тюрьме для подсудимых. Те же свидания с родственниками через стол и полуметровый

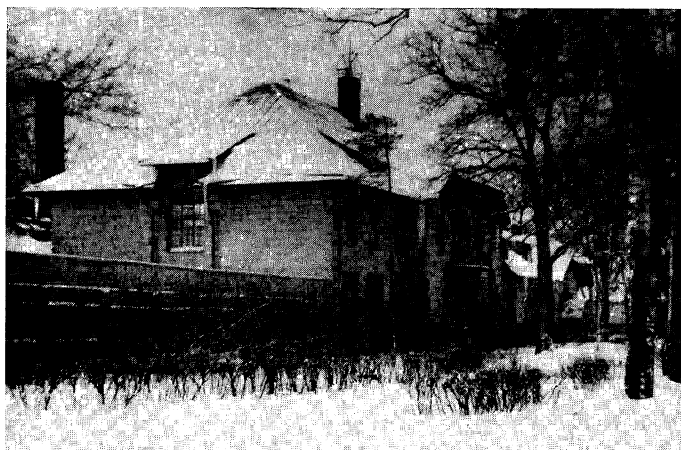
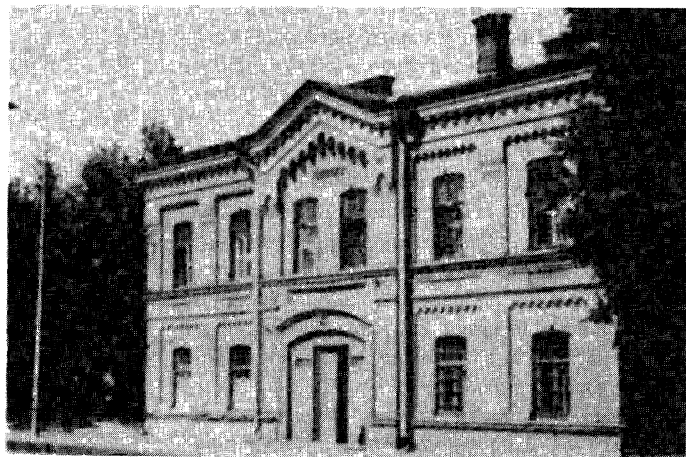
барьер из оргстекла, правда, раз в месяц, а не раз в полгода.

Но есть все же и существенные отличия, и главное из них – это лечение. Помимо “лечения стенами” на первом месте стоят психотропные средства: галоперидол, мотиден-депо и многие другие, не говоря уже об аминазине. Последнее время почему-то перестали применять инсулин. Дозировка и частота введения психотропных средств особенно велики в отделениях так называемой интенсивной терапии – 6-м, 7-м и 8-м. На психически здоровых пациентов, получающих (иногда годами!) такое лечение, оно производит разрушительное действие. Прежде всего, разрушается, страдает психика: известны многие случаи, когда здоровый человек, поступивший в СПБ, к концу своего пребывания там действительно нуждается в помощи психиатра. Но и внутренние органы не остаются незатронутыми. В результате лечения, назначаемого не по медицинским показаниям, а зачастую в качестве репрессивной меры, нарушается обмен веществ. Некогда красивый, изящный юноша Николай Баранов, попавший в СПБ в 1968 г., сейчас весит 138 кг.

Медикаментозное лечение психиатрических больных, как правило, сопровождается крайне болезненными побочными явлениями. Если в отношении действительно больных это хотя бы оправдано, то для здоровых – это просто пытка. Более того, для целого ряда нейролептиков, например, галоперидола, имеются так называемые корректоры – средства, смягчающие побочные явления, но они зачастую сознательно не применяются, чтобы усилить страдания пациента.

Вот как описывает один из бывших политзаключенных свои ощущения после вливания сульфазина: “Как правило, эти вливания делают в ягодицу, в результате чего, как я сам наблюдал, люди месяцами не могли сидеть. Им приходилось обедать стоя, а ночью лежать на животе. Они не могли спать, задыхались, во рту жгло. Вот так и лежали, держась за спинки кроватей, чтобы не задохнуться. Это была такая невыносимая боль, что они не в состоянии были ни сидеть, ни лежать, как нормальные люди”.

Любой акт протеста против творимого беззакония, в частности, голодовка – единственное оружие политзаключенного, – немедленно пресекается. Сразу же принудительно кормят при помощи шланга, вводимого через нос, причем в

Так выглядит Ленинградская психиатрическая больница специального типа с разных сторон

питательную смесь добавляется галоперидол в жидком виде. Проводится так называемая модификация личности (подавление воли), после чего человек теряет всякую способность к сопротивлению.

Применяется и другой тип терапии, который в больнице изящно называют "принудительной иммобилизацией": заключенного привязывают за руки и за ноги к спинке кровати и держат так от нескольких часов до нескольких месяцев. Применяют и так называемую "влажную укрутку": человека пеленают в мокрую простыню в несколько витков. Простыня медленно высыхает и сдавливает тело.

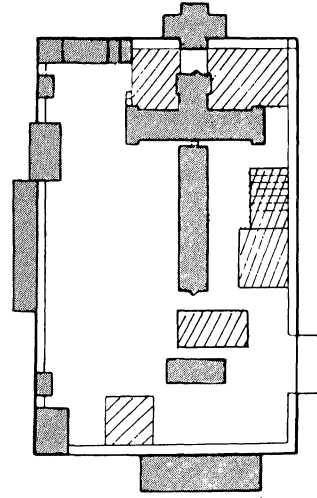
Наконец, есть такая простая и действенная вещь, как избивание (до полусмерти, а в некоторых СПБ — и до смерти). Избивают надзиратели, но чаще — санитары, которыми в Ленинградской СПБ, как и во всех других, работают заключенные-уголовники. Охотно выполняя поручения администрации, они "совмещают приятное с полезным". Наиболее зверские избивания проводятся в тюремных камерах, о которых мы писали выше. В Ленинградской СПБ — 150–180 человек заключенных-санитаров.

На обитателей больницы наложена масса ограничений. Нельзя иметь при себе карандаши, ручки и пишущую бумагу. Лишь два раза в месяц медсестра выдает лист бумаги и ручку — написать письмо близким родственникам. Письма с воли перлюстрирует врач и выдает только то, что, с его точки зрения, не повредит больному (что это такое — никакая инструкция не определяет).

Заниматься физическими упражнениями запрещено (исключая 10-е отделение, да и там — без силовых упражнений).

"Трудотерапия" проводится в швейном цехе, в картонажной мастерской (клейка коробочек) и в недавно созданном цехе Ленинградского оптико-механического отделения (ЛОМО), где изготавливают футляры для киноаппаратов. Работавшим выдают в месяц по 6 руб. вознаграждения, курящим — еще 2 пачки махорки в неделю.

Прочтается коррупция. Средний срок пребывания в СПБ — 4–5 лет, но можно выйти и раньше (разумеется, не для политических). В Ленинградской СПБ находился, например, некто Эрнест Филиппин, осужденный за мошенничество. До ареста он работал в Загорской духовной семинарии художником-реставратором — художник он был талантливый. Главврач отвел Филиппину кабинет в 10 отделении якобы для подготовки выставки творчества больных. Там художник

План Ленинградской СПБ: серым выделены здания СПБ, штриховкой — прогулочные дворы.

написал более 100 икон малого формата. Через 9 месяцев его освободили.

Среди санитаров распространен гомосексуализм, причем для этой цели используются больные. Идет торговля наркотиками, чаем, порнографией — все это с ведома "оперчасти" (естественно, она в СПБ есть, как в любой тюрьме).

Ленинградская СПБ дает Ленинграду 600 хорошо оплачиваемых рабочих мест. Около 50–60 врачей, около 150 человек охраны. Остальные — медсестры, фельдшера, фармацевты, работники лабораторий, вспомогательных служб.

Имена работников СПБ держатся в строгом секрете, но мы предадим некоторые из них гласности. Начальник больницы — подполковник Владимир Алексеевич Острцов, около 50 лет, любитель выпить. Замещает его по лечебной части (главврач) Виктор Петрович Стыжкин, которому в сентябре 1983 г. присвоено звание майора. 2-м отделением (там, где находится Н. Баранов) заведует врач Вероника Лепешинская, но ей скоро предстоит пенсия. Отделения интенсивной терапии возглавляют Владимир Горинков (6-е), Олег Советов (7-е) и Владимир Постников (8-е). Капитан Сергей Шалик возглавляет 10-е отделение, а Георгий Мациоха, бывший парторг — 12-е.

Начальник службы охраны — капитан Владимир Чернявский, режимом ведает майор Козлов, политрук — лейтенант Гасанов.

Ленинградская СПБ обходится государству в 5 миллионов рублей в год.

Комментирует *Г. Бахтатов*

ТРУДНО БЫТЬ ДИРЕКТОРОМ

Рисунки Г. Кофьян

1.

Сиди и не чирикай. — Кому дали выговор? — Всеми своими ошибками... — Мистическая бессмыслица пропаганды. — Товарищ Сталин и девочка Валя. — Сейчас их слишком много. — Что сказал Мильтон Фридман. — Всеопекающее государство. — Кое-что о фундаменте. — Уже и на самом верху.

Собственно говоря, я хотел озаглавить эти заметки: "Если бы я был директором..." Но потом подумал: земля нынче маленькая, кто знает, вдруг эти заметки попадутся на глаза настоящему директору.

— Сразу видно, — с усмешкой скажет он жене, — что автор никогда не был директором.

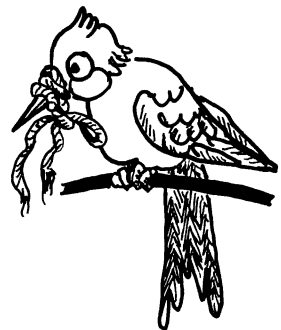
— Почему ты решил?

— Элементарно. Иначе он знал бы, что директор — самый бесправный на свете человек. Рабочий может хоть написать в газету, может уйти, — место он всегда

найдет. А вот когда Василий Федорович подал заявление, в обкоме ему сказали: "Надо будем, снимем. А пока не сняли, сиди и не чирикай. Зарабатывай выговор".

Это верно, я не был директором. Но кое-какие представления о правах директора у меня есть. А равно и о правах начальника главка и министра. Как-то в одном министерстве решили построить завод. Тот отдел ЦК, что ведал валютой, средства на покупку импортного оборудования неожиданно дал. А другой, который распоряжался обыкновенными деньгами, в ассигнованиях на строительство завода отказал. Естественно, что несколько лет оборудование лежало на складах — ржавело, портилось, растаскивалось. Как вы думаете, кому дали выговор? Конечно, министру.

Кто же не знает: всеми своими успехами мы обязаны партии, всеми своими ошибками и неудачами — отдельным руководителям. Для того, в частности, и существует система двойного руководства, чтобы было ясно, кому и чем мы обязаны.

Однако директора бывают разные. Когда я учился в школе, была у нас такая девочка, Валя. Почему-то (наверное, для процента) эту Валю необходимо было принять в комсомол. А она решительно не принималась. То есть заявление, рекомендации и все прочее было. Но на обычные вопросы, которые полагалось задавать вступающему, Валя никак не могла ответить.

Вовсе она не была тупицей, и много чего умела. А тут — ни в какую: что не спросишь — молчит. Сейчас я понимаю, что это была нормальная реакция здорового организма на мистическую бессмыслицу пропаганды. Но тогда... В конце концов на очередном собрании ей задали уж вовсе простой вопрос:

— Что вы знаете об Иосифе Виссарионовиче Сталине?

Молчание. Минута... две... три... Напряжение в зале стало нестерпимым. И тут кто-то выкрикнул:

— Ну, какую должность занимает товарищ Сталин?

— А... — Валя радостно улыбнулась, и все мы улыбнулись в ответ. — Директор СССР.

Не скажу, чтобы идея стать Директором (хотя бы временно, хотя бы сугубо условно) очень меня привлекала. Разумеется, заманчиво совершить несколько простых и заведомо полезных действий: того освободить, этого выпустить из страны, хорошую книгу издать. Но я понимаю, что во всяком деле существуют правила игры. Как при игре в шахматы нельзя просто сбить вражеского ферзя щелчком, так нельзя и мгновенно ликвидировать колхозы, повысить зарплату, передать заводы и фабрики в частные руки, распустить партию. Более того, даже нелепые собрания и лозунги на какое-то время придется сохранить. Либо по русской пословице "назвался груздем...", либо по английской: "Тот, кто живет в стеклянном доме, не должен бросать камни".

Все-таки от совсем уж idiotских лозунгов и починов я бы избавился. Когда нефтяников призывают добывать нефть, а шахтеров — уголь, это уже, по-моему, чересчур. (Вспоминается лагерный девиз: "Дадим стране угля, хоть мелкого, но..." и так далее.) И почин строителей: строить дома с окнами или железнодорожников — возить грузы в положенном направлении меня как-то не вдохновляет.

Я мог бы продолжать в этом роде долго: заманчиво покончить с тем, что давно утратило остатки смысла и существует только по инерции. Гораздо труднее менять реальности, которые не просто что-то значат, но еще и затрагивают чьи-то интересы. И не только, между прочим, интересы начальственных бонз, но и какой-то группы рабочих, крестьян, интеллигенции. Миллионов людей, привыкших к тому, что если государство делает вид, что платит, они могут делать вид, что работают.

Но менять — надо. Дело тут не в моей прогрессивности, а в экономической ситуации. Ситуация до предела плоха, нынче это ясно каждому: от домохозяйки и грузчика овощной базы до академика Татьяны Ивановны Заславской и генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева. И даже, представьте себе, ясно, в чем суть дела. Было время, когда хозяйственный механизм, хорошо ли, плохо, но как-то тянул воз в гору. А теперь перестал тянуть. О том, когда именно это произошло, можно спорить (М. С. Горбачев, например, считает, что в начале 70-х годов), но сам факт бесспорен.

Другой вопрос, *почему* это произошло, — тут снова могут быть разные мнения. "Главное, думается, в том, — сказал Горбачев в апреле 1985 года, — что своевременно не были должным образом учтены изменения в объективных условиях развития производства, необходимость ускорения его интенсификации, перемен в методах хозяйствования и, что особенно важно, не проявилось настойчивости в разработке и осуществлении крупных мер в экономической сфере". Мой знакомый журналист объяснил все это проще: "Пока предприятий было мало, мы еще как-то умудрялись их содержать. Но сейчас их слишком много".

Если же говорить всерьез, то напрашивается такое объяснение. Система хозяйствования (я называю ее административно-политической), введенная в Советском Союзе в начале 30-х годов, действовала более или менее успешно, пока надо было решать преимущественно *количественные* задачи: строить заводы, фабрики, электростанции, прокладывать железные дороги, линии передач, каналы, осваивать месторождения. И оказалась совершенно неприспособленной к тому, чтобы решать задачи *качественные*: создание принципиально новой техники и технологии, интенсификация производства, повышение экономической эффективности, улучшение потребительских свойств товаров.

Что систему нужно менять, согласны, в общем, все. Загвоздка в том, как, в каком направлении менять. Или, иначе, какими критериями следует при этом руководствоваться. По-моему, основных критериев тут совсем не много, всего два. Первый — экономический: интересы народного хозяйства; второй — *политический*: сохранение полноты власти в руках тех, кому она принадлежит.

Понятно, что это схема. В жизни все обстоит сложнее. Скажем, "интересы народного хозяйства" — типичная абстракция. Кто именно, какие группы населения выиграют от того, что экономика страны станет эффективной? Если никто, то этот критерий не стоит ломаного гроша.

Мильтон Фридман, лауреат Нобелевской премии и один из самых блестящих экономистов двадцатого века, недавно сказал: "Советская экономика так неэффективна, что стоит там ввести рыночную систему, как буквально через месяц практически все будут жить лучше, не считая номенклатуры".

Не стоит обсуждать сроки: это как раз частности. Гораздо важнее, что такое "жить лучше". В понимании экономиста, да еще западного, лучше — это зажиточнее, богаче. Конечно, момент и в советских условиях существенный, но далеко не решающий.

По отношению к советскому гражданину государство выполняет множественную роль: няньки, опекуна, наставника, командира, тюремщика, социального арбитра. Это создает особую общественную ситуацию. Человек может не работать (или работать плохо) — и получать типовую зарплату; не иметь денег — и жить в сносной квартире; быть бесталанным, пассивным или неудачливым — и с наслаждением наблюдать, как бьют талантливых, деятельных, удачливых: за нестандартные взгляды, инициативу, деловитость...

Не станем, однако, умиляться. При всей своей относительной беззаботности, это голодная, тяжелая и унылая жизнь. Но после нее обычная жизнь — с ее многоцветием красок, многообразием искушений, с ее ловушками, рифами и мелями — кажется

страшной, как неведомая планета. Так что социальный фундамент строя составляют не только те, кому он дает власть, но и другие, приспособившиеся к этой власти.

Тут я остановлюсь. Не потому, что тема исчерпана, а, напротив, потому, что она слишком обширна. Вернемся к цитате. "Не считая номенклатуры", — заметил Фридман

мимоходом. Но мы-то, увы, никак не можем ее не считать. Если переход к новой системе номенклатуры невыгоден, то, естественно, никакого перехода не будет: преодолеть сопротивление всего правящего слоя бесценен даже генеральный секретарь.

Однако и с интересами так называемой номенклатуры все не так просто. Элементарная механика 30-х годов — еще завод, еще шахта, еще электростанция — буксует: не хватает людей, оборудования, запасов полезных ископаемых. И уж вовсе она не пригодна для таких тонких и сложных материй, как электроника или информатика. А без их развития вполне может оказаться, что могучее здание империи построено на песке.

Да и внутренняя его прочность начинает внушать сомнения. В экономике закрытых распределителей и бронированных мест, в медицине пресловутого Четвертого управления, в тишине спецквартир, спецдач и спецсанаториев, в могилах спецкладбищ есть что-то ненатуральное, тревожащее. Что-то вроде подпольного пира во время чумы. "Экономика — лучшая политика", — предупреждал некогда Ленин. И Лигачев, второй человек в государстве, предупреждает ныне: "Надо

иметь в виду, что политическую стабильность советского общества... во многом определяет правильная социальная политика партии. И потому развитие материально-технической базы социально-культурного комплекса, выход ее на самый высокий уровень — важнейшая задача партийных и государственных органов". Короче, уже и на самом вершине ощущают (понимают? знают?), что систему управления экономикой надо менять.

II.

Теперь я это понимаю. — Логично ожидать. — Вынужден оправдываться. — Просто не приспособлена. — Уф, тяжело. — Скучнейшая материя лозунгов. — У истоков свободного рынка. — Наивно было бы ожидать. — Два крайних случая. — Альфавизор гражданина Невтона. — Мы гуманисты. — Какой продукт натуральнее? — Табуны на ниве. — Экономика и филателия.

Не согрешишь — не покаешься. Каюсь: в тридцать третьем году, подыхая от голода в Казахстане, я не до конца понимал, что благо народа — высшая цель партии. Теперь я это понимаю. "Главной сферой деятельности партии, — сказано в резолюции XXVII съезда КПСС, — была и остается экономика. Именно здесь создаются предпосылки для обеспечения материально и духовно богатой, социально насыщенной жизни советских людей..."

Если так, то логично ожидать, что при выборе новой системы хозяйствования в качестве основного критерия будет принята ее эффективность, способность решать многочисленные проблемы современной жизни. Иначе говоря, все прочие, побочные соображения (скажем, случайное замечание Маркса в более чем столетней давности письме Ку-

гельману или принцип сохранения власти в руках партийного аппарата) уступят место тому, главному.

Что-то непохоже. В системе управления еще ничего не изменилось, а генеральный секретарь уже вынужден объясняться. "Если, например, необходимо и оправдано вместо каких-то директивных показателей применить экономические нормативы, то это означает не отход от принципов планового руководства, а лишь изменение его методов и приемов. То же можно сказать и о необходимости усиления самостоятельности, инициативы и ответственности объединений и предприятий... К сожалению, получила распространение позиция, когда в любом изменении хозяйственного механизма усматривают чуть ли не отступление от принципов социализма..." М-да... (это уже я говорю себе), работа нам предстоит не простая.

Давайте-ка точно обозначим задачу. Вот как ее сформулировал сам Михаил Сергеевич Горбачев: "Суть перемен — в перенесении центра внимания с количественных показателей на качество и эффективность, с промежуточных — на конечные результаты, с расширения производственных фондов — на их обновление, с наращивания топливно-сырьевых ресурсов на улучшение их использования, на ускоренное развитие наукоемких отраслей, производство и социальной инфраструктуры".

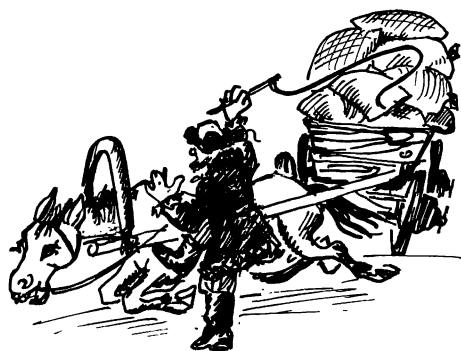
Казалось бы, речь идет всего лишь об изменении шкалы предпочтений, о переносе внимания с количественных показателей на качественные. Однако беда в том, что существующая административно-политическая система управления как раз эти задачи решать не может, она к ним просто не приспособлена. Так что предстоит

не "переносить центр внимания", а менять принципы управления: с административных на экономические.

Понимают ли это нынешние руководители? Сложный вопрос. Впечатление такое, что и не понимают, и не понимают. В докладе М. С. Горбачева и в резолюции съезда сказано: "перейти к экономическим методам руководства на всех уровнях народного хозяйства". Однако тут же рядом предлагается "усилить действенность централизованного руководства в реализации основных задач экономической стратегии партии" и одновременно "поднять роль и самостоятельность предприятий, их заинтересованность и ответственность за достижение наивысших конечных результатов на основе подлинного хозяйства".

Уф, тяжело. Мало того, что даже формально эти требования противоречат друг другу. Творцы нового курса никак не уразумеют, что экономические методы управления не совместимы с административными, что это явления разного плана.

Вернемся на минуту к скучнейшей материи лозунгов и призывов. Пустое сотрясение воздуха пустым звуком — это ясно. Но все-таки их авторы из чего-то же исходят? Конечно. Из того, что все, кому эти призывы адресованы — шахтеры, руководители предприятий, председатели совета министров и секретари ЦК союзных республик, — не заинтересованы и не могут быть заинтересованы в достижении искомым результатов. Именно потому их и приходится беспрестанно понукать: озадачивать, призывать, обязывать, требовать при-

нять меры и сосредоточить усилия. Вот эта *всеобщая незаинтересованность* (или точнее: антизаинтересованность) и есть характернейшая черта административной системы руководства.

И напротив. Особенность экономических методов управления в том, что при их использовании нет необходимости кого-то в чем-то убеждать. Система — в принципе — работает так, что все ее участники заинтересованы в достижении положительного результата. Так что управление сводится, собственно, к тому, чтобы объединить и наилучшим образом направить общие усилия.

Скажут, что я утрирую. Допустим. На практике у административной системы могут быть достижения, а у экономической — сбои и неудачи. Вопрос лишь в том, какой эффект для данной системы случаен, а какой — закономерен.

Принцип действия административного механизма известен — ручное управление. Труднее понять скрытые пружины экономического механизма. Свободный рынок, конкуренция, игра спроса и предложения — все это, по-моему, вторично. А у истоков лежат два момента. Во-первых, принадлежность орудий и средств производства *разным* собственникам. Во-вторых, прямая экономическая *зависимость* производителей от результатов хозяйственной деятельности.

Речь тут идет не просто о разных *формах* собственности, но именно о разных ее *владельцах*, ибо только в этом случае возникает *свободный* рынок с его игрой спроса и предложения и конкуренцией. Равным образом лишь прямая зависимость от результатов экономической деятельности побуждает всех ее участников подчинять собственные желания, настроения, амбиции интересам производства. Разумеется, тут я снова имею в виду не всякий конкретный случай, а тенденцию, если хотите — идеальную модель, ибо на практике бывает разное: никакие высшие соображения не могут заглушить человеческое в человеке.

И все-таки принцип именно таков. В системе нормально организованной экономики человека не надо призывать к увеличению добычи угля или к выпуску кастрюль высокого качества. Он и сам в этом активно заинтересован. Более того, он понимает (или чувствует, или знает по опыту), что уменьшение добычи или снижение качества влечет за собой тяжкие последствия: для хозяина — убытки, для работника — потерю места.

Ну, а если работник (неважно, какого ранга) не умеет, не может, наконец, просто не хочет добиваться лучших результатов, что тогда? Тогда, увы, ничего не поделаешь. Там, где бесильны экономические средства, лозунги и приказы уж наверное не помогут.

Но мы говорим не о париях и не об энтузиастах, а об обычных людях, чья готовность работать зависит по преимуществу от внешних обстоятельств, от условий, в которые эти люди поставлены.

Сосредоточение орудий и средств производства в руках одного владельца (например, государства) ведет к уничтожению свободного рынка, а значит и к разрушению системы прямых экономических связей. Государство берет на себя функции управляющей машины, некоего верховного прораба, который дает задания, оценивает их исполнение и распределяет созданные общим трудом блага в соответствии с собственными критериями. Наивно было бы ожидать, что критерии эти окажутся чисто экономическими.

Считается, что малая производительность труда и низкое качество продукции в Советском Союзе связаны, прежде всего, с оплатой труда: низкие ставки, высокие нормы и т. п. Это верно лишь отчасти. Другая причина (пожалуй, еще более важная) — отсутствие реальной зависимости между результатами труда и его оплатой. Грубо говоря,

все, что производится, поступает в общий котел, а уже затем распределяется правящим слоем сообразно его интересам.

Мне возражат, что и раньше действовали нормы, расценки, премии и иные колесики распределительного механизма, а теперь и вовсе упор делается на оплату по конечным результатам. Тоже верно. Рассмотрим, однако, два крайних случая. То обстоятельство, что они крайние, не должно нас смущать: именно в экстремальных ситуациях с особой наглядностью проявляются общие закономерности.

Итак, представим себе, что предприятие решилось на экстраординарный шаг: не выполнило плана по производству телевизоров (в которых никто не нуждается, рынок затоварен), но зато наладило массовый выпуск альфавизоров, изобретенных гражданином Невтоном. Спрос на альфавизоры огромный — их буквально рвут из рук, так что прибыль предприятия перевалила за миллиард и продолжает угрожающе расти.

Эффект? Самое большое, что получит тов. Невтон (если получит) — 20 тысяч рублей: и не в год, куда там, а за все годы применения изобретения. Получит ли премию директор? Не уверен, скорее его ожидает выговор. В любом случае капиталов он не наживет: это исключено. Инженеры? Допускаю, что какие-то гроши им перепадут — за содействие внедрению. Что касается рабочих, то им не грозит ничего, кроме зарплаты. А размер зарплаты будет зависеть от обстоятельств, уж вовсе не поддающихся учету. От итогов торга между начальником цеха (технологом) и нормировщиком — при разработке норм на альфавизор; от ловкости плановиков — при выбивании фонда заработной платы на новое изделие. Надо ли удивляться, что отечественные Платоны и быстрые разумом Невтоны не слишком часто балуют нас альфавизорами?..

А теперь возьмем другой, несколько более реалистичский пример: предприятие, которое годами выпускает никуда не годные телевизоры. Его директор, инженеры, рабочие могут получать премии, а могут не получать — это зависит от целого набора случайностей. Вообразим, однако, предельную ситуацию: введена система оплаты по самым наиконечным результатам — по деньгам, которые покупатель заплатит в магазине. Точнее, по деньгам, которые он не заплатит, ибо не намерен покупать брак.

Что произойдет? Завод не закроют — это ясно. Директора, если и понизят в должности, то не очень сильно (к слову, вполне возможно, что он и не виноват). Инженеры и рабочие, даже если их уволят, на улице не останутся, безработицы, слава Богу, у нас нет.

Вилка свободного рынка широка: от самого безжалостного кнута до очень сладкого пряника. При административных методах управления диапазон воздействия сжат до предела: и кнут — не кнут, и пряник — не пряник.

Я понимаю, мы гуманисты. Мы не можем допустить, чтобы одни люди (пусть талантливые, пусть работающие) богатели, а другие (тупицы и бездельники) — становились безработными. Пусть так. Но тогда надо быть последовательным и официально уведомить публику, что продуктом социалистического производства является не вещь, но брак. Замечу, кстати, что весь наш предыдущий опыт свидетельствует, что социалистический брак — продукт и в самом деле куда более натуральный, чем, скажем, социалистический гуманизм.

И все-таки, что мешает нам скрестить обе системы хозяйствования, привить на социалистический ствол черенки экономических методов? Увы, мешает многое. Вот, например, как определяет смысл предстоящей перестройки председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков. "Она (задача) состоит в том, чтобы, опираясь на незыблемый

принцип демократического централизма, укреплять и совершенствовать плановое руководство экономикой — великое завоевание и коренное преимущество социализма. И в этом вопросе очевидно, что мы "не оправдали", да и никогда и не оправдаем надежды буржуазных идеологов на наш отход от этого основополагающего принципа".

Ну, на буржуазных идеологов Николай Иванович косит зря — строго говоря, это коренное преимущество социализма им только выгодно: без "планового руководства" Россия давно догнала бы и Европу, и Америку. Перспектива отказа от "незыблемого принципа" пугает вовсе не капиталистов (им-то что?), а партштурманов и хозкапитанов, которых перестройка действительно может лишить власти.

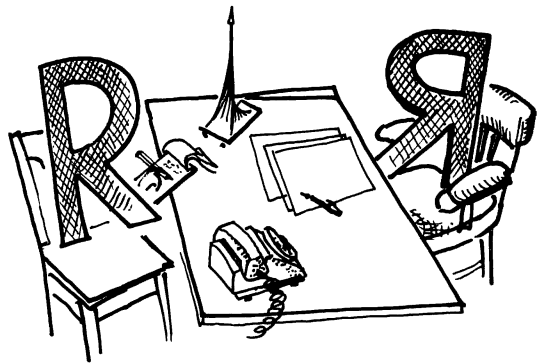
Представьте себе несметные табуны партийных, советских, профсоюзных, комсомольских руководителей, которые пасутся на ниве отечественной экономики. "Пасутся" не только в том смысле, что нива их кормит (это как раз не самое страшное), а в том, что они могут топтать ее как заблагорассудится, ибо, не в пример капиталистам, их материальное благополучие от всходов на зависит.

Не знаю, как Михаилу Сергеевичу, а мне исходная ситуация рисуется так. Во все эти меры, призванные заменить антистимулы стимулами, антизаинтересованность — заинтересованностью, затратный механизм — противозатратным и пр., я не верю. А не верю потому, что в административной системе любая автоматика быстро теряет автоматизм и приобретает все признаки ручного управления.

По-моему, успех перестройки будет в решающей степени зависеть от того, насколько экономике позволят быть экономикой, жить и развиваться по ее собственным законам. Или иначе: от того, сумеет ли генеральный секретарь ЦК КПСС нейтрализовать бесчисленных начальников над хозяйством, озадачив их чем-то другим — хотя бы коллекционированием марок. Если да, успех труден, но возможен; если нет, нам еще долго придется кормить людей перезревшими плодами социализма...

Тут меня перебьют и скажут, что я увлекся: дело директора не критиковать недостатки, а предлагать решения. Каюсь, я и в самом деле увлекся — давно известно, что критиковать легче. Но, с другой стороны, анализ природы существующего хозяйственного механизма был необходим, чтобы понять: латание дыр не поможет, нужна коренная перестройка.

Сейчас мы ею и займемся. Но сначала короткое интервью, которое я как журналист взял бы у себя как у директора.

Ш.

Фрагменты из неопубликованного интервью. — Восемьдесят инстанций. — Потолочный механизм и бижутерия. — А они способны! — Думать надо о другом. — Три неперемных условия. — А судьи кто? — Хитрый барьер. — Жалко не денег, жалко принципа.

— Благодарю вас, товарищ директор, за любезное согласие ответить...

— Пожалуйста. Однако сразу же перейдем к делу — времени у нас мало. Вам надо продолжать статью, мне — заниматься перестройкой.

— Конечно, конечно... С чего вы предполагаете начать?

— Строго говоря, начинать надо сразу со всех концов, слишком много накопилось проблем. Возьмем машиностроение — отрасль, от которой зависят едва ли не все остальные отрасли. Оборудование машиностроительных заводов безнадежно устарело, нужны новые станки, приборы, приспособления. Я имею в виду, понятно, не год выпуска, а характеристики и качество. Но многие типы новых станков устаревают уже в процессе конструирования, да и технология их изготовления далека от идеала. Значит, надо менять сразу технику, технологию, систему оплаты труда конструкторов, технологов, рабочих. А как это сделать, если уже и при нынешней нищенской оплате существует опасный разрыв между денежными средствами населения и товарной массой!.. Но вернемся к вашему вопросу. В прошлом году было опубликовано интервью с академиком Заславской. Читали?

— Разумеется. В "Известиях".

— Так вот, Татьяна Ивановна Заславская считает, что начинать надо с сельского хозяйства, поскольку агропромышленный комплекс наиболее благоприятен для введения новых отношений, наиболее чуток к экономическим формам управления и наиболее гибок. К тому же, замечает она не без ехидства, новые формы хозяйствования рождаются здесь независимо от директив и поверх любого административного контроля... Что ж, я с этой позицией согласен.

— Как вы, товарищ директор, оцениваете создание Агропрома?

— Положительно. Я надеюсь, что одна организация, пусть даже такая огромная, не сможет причинить сельскому хозяйству столько вреда, сколько нанесли ему бесчисленные министерства и ведомства. Например, недавнее обследование показало, что руководство совхозом осуществляет восемьдесят инстанций. Поразительно, как они там, в совхозах, что-то еще производят...

— Подумать только. А я и не предполагал.

— Так вот. Наша линия ясна. Мы собираемся делать упор на первичную сельскохозяйственную ячейку: семью, звено, бригаду. Мы предполагаем закрепить за ними средства производства, включая землю, и установить им твердое задание — что-то вроде ленинского продналога. Все то, что такая артель произведет сверх плана, она может использовать по своему усмотрению: продавать дополнительно государству или на колхозном рынке, применять в своем хозяйстве и т. д. Сверхплановую продажу зерна государству мы намерены стимулировать экономически — выделением материальных ресурсов повышенного спроса, проще говоря, дефицита.

— Значит вы, товарищ директор, стоите, в сущности, на тех же позициях, что нынешнее руководство?

— Э, нет...

— В чем же, простите, разница?

— В степени последовательности. Крайняя непоследовательность — как раз то, что отличает горбачевскую программу перестройки. Логика тут примерно та же, что в известном анекдоте о человеке, которого обвиняют в продаже рваного пальто. "Во-первых, — возражает ответчик, — никакого пальто я не продавал. Во-вторых, пальто было совершенно целое. А в третьих, дырочка, простите, была совсем маленькая..." Впрочем, это уже не для печати.

Многие западные страны используют "потолочные" механизм: систему премий или квот, призванных ограничить производство сельскохозяйственных продуктов. Но, кажется, нет ни одной развитой страны, которая обязывала бы крестьян выращивать не

меньше минимума. Почему — ясно. Крестьяне сами *заинтересованы* вырастить как можно больше. И если не сработает такой могучий механизм, как личная заинтересованность, то призывы, обязательства и прочая бижутерия явно не помогут.

Конечно, психологически Горбачева можно понять. Социалистическая система антизаинтересованности столько лет лишала людей желаний и возможности работать, что сейчас трудно поверить, что они еще на это способны.

А они способны. Об этом свидетельствует хотя бы опыт Китая. После того, как сельское хозяйство КНР было отдано в долгосрочное владение крестьянам, ситуация резко изменилась. По расчетам авторитетного кантонского еженедельника "Экономист", производство зерна за последние шесть лет удвоилось. С прошлого года Китай полностью прекратил импорт зерна из Австралии и других стран Запада.

По-моему, думать надо о другом: о том, как *убедить* людей, что новая система — это всерьез и надолго. Не будем ворошить прошлое, просто отметим, что у граждан СССР (а у крестьян — особенно) есть более чем веские основания не верить в добрые намерения родной партии. Поэтому сразу же уточним условия.

Первое. Закрепление за семьей, звеном, бригадой средств производства, включая землю, должно производиться в договорном порядке и на достаточно длительный срок (скажем, для начала на десять лет) с правом автоматического продления договора при добросовестном соблюдении сторонами взятых на себя обязательств.

Второе. Условия договора должны быть выгодны обеим сторонам и предусматривать четкие взаимные обязательства и санкции за их нарушение. В частности, колхоз, выступающий как представитель государства, должен нести *полную* материальную ответственность за перебои в снабжении, нарушение сроков, за низкое качество вспашки и т. д.

Третье. Отношения между сторонами должны носить исключительно *экономический* характер. Иначе говоря, колхоз и другие инстанции должны быть лишены каких-либо средств административного воздействия на арендатора. Легко себе представить ситуацию, когда секретарь райкома, взглянув в окно, привычно потянется к трубке: "Афанасьич? Ну что же ты там? Полагаю, пора сеять". "Полагаю" — ясное дело, дань новому стилю, а вот "пора", как легко догадаться, — ЦУ. И с каким же наслаждением привыкший к послушанию Афанасьич проворкует: "Да я бы всей душой, многоуважаемый Иван Петрович, так не слушают, а правов и возможностей, сами знаете, нонче никаких. Я ведь только называюсь председателем, а по сути дела мальчик на побегушках: тому — тыфу, трактор, этому — тыфу, азот... Чуть что, грозятся в суд".

Вот, кстати, и четвертое условие — суд по сельхозконфликтам. Трудно, разумеется, представить себе независимого судью в ситуации, когда судья — номенклатурный работник районного ранга: много ниже первого секретаря райкома, председателя исполкома или начальника РО КГБ, но повыше директора школы. Вспомним, однако, что все в наших руках. Выведем мы этих судей из районной номенклатуры, дадим под зад начальнику КГБ, подчиним судей центру, разработаем четкие инструкции, снимем парочку судей для острастки. Короче, и в рамках системы вполне можно создать независимый (конечно, от райкома) суд...

А Агропром — что должна делать эта огромная и могучая армада? Прежде всего, *не руководить*: род деятельности, значение которого в нынешних условиях невозможно переоценить. Да и мало ли дел, кроме руководства? Повышение плодородия земли, выработка рекомендаций (но именно рекомендаций, а не указаний!) по применению ин-

тенсивных технологий, сокращению потерь продукции при перевозке и хранении (до 20–30 процентов урожая), участие в испытании новой сельскохозяйственной техники, защита интересов арендаторов...

Михаил Сергеевич Горбачев прав: "Возможности для проявления инициативы и предприимчивости открываются большие". А вот что касается "надежного барьера бесхозяйственности и иждивенчеству", то такой барьер мы уже поставили, перейдя к экономическим методам хозяйствования. Конечно, и у крестьянской семьи могут быть трудности: засуха, нашествие вредителей. Что ж, на этот случай существуют собственные накопления, страховка, банковский кредит.

А если снова неурожай, если семья (звено, бригада) не умеет или не хочет работать? Тогда ей и в самом деле придется худо. Понятно, что государство — фокус нехитрый — могло бы (за счет налогоплательщиков) покрыть убытки хозяйства. Но как раз этого делать нельзя. Жалко не денег, жалко принципов. Экономика — сфера серьезная и жесткая.

Среди прочего, она еще и учит работать. А нас надо учить, ибо, примирившись со многим таким, с чем мириться стыдно, от серьезной работы мы отвыкли. Машины, механизмы, комплексы, удобрения... Но в основе жизни лежит все тот же древний принцип: "В поте лица своего — хлеб свой".

IV.

Ха-ха! "Правда" и будущие историки права. — В защиту частной собственности. — Скажете, противоречит? — Рискнем сделать следующий шаг. — К вопросу о кастрюльных поверхностях второго порядка. — С некоторой осторожностью. — Цитаты без кавычек. — Привычные стереотипы мышления.

Незадолго до съезда славная наша "Правда" опубликовала два читательских письма о деньгах. В одном случае группа читателей, в другом — сотрудник научно-исследовательского института выступили с предложением, суть которого выражена в словах популярной песенки: "Деньги ваши будут наши, ха-ха!" Речь шла о том, чтобы личные средства граждан, если они превышают некоторую сумму, изымались в доход государства. Гениальная идея.

Будущим историкам права эти два письма дадут неоценимый материал для анализа таких понятий, как правосознание и законность в некоторых государственных образованиях второй половины XX века. Меня же интересует другой аспект — общественное отношение к личной собственности.

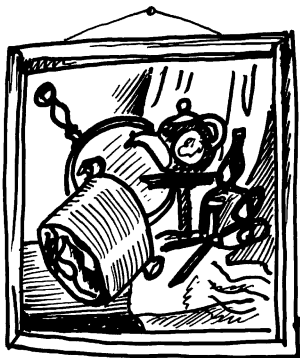
А интересует меня это потому, что я (в качестве директора) намерен узаконить не то что личную, но, страшно вымолвить, частную собственность. И дело не столько в том, что сам я капиталист и реакционер, сколько в необходимости: иной возможности осуществить программу ускоренного развития, перехода на интенсивный

путь, введения энерго- и материалосберегающих технологий, коренного улучшения качества и проч., увы, нет. А поскольку во всем этом страна действительно нуждается, нам придется, видимо, пожертвовать кое-какими идеологическими установками, а заодно и некоторыми расхожими мнениями касательно того, что такое хорошо и что такое плохо.

В самом деле, так ли плохо, если хозяин частной лавочки смотрит на тебя (а не мимо тебя), улыбается, не обсчитывает и даже не обвешивает; если сапожник чинит туфли за час, а не за месяц; если владелец авторемонтной мастерской не требует, чтобы ты сам достал ему запчасти. По-моему, нет. Тем паче, что у клиента есть возможность, коль скоро ему здесь что-то не нравится, сделать налево кругом и зайти в соседнюю мастерскую.

Но главное, может быть, даже не в этих мелких удобствах. Главное, что вместе с еще одной (не государственной) формой собственности у нас у всех появится, наконец, материал для сравнения зарплаты, цены и качества изделий, критерий для оценки быстроты и уровня обслуживания. Не знаю, как вам, а мне без этих критериев всегда было как-то неуютно.

Скажете, противоречит? А чему, собственно? При нэпе все это было, и ничего, обошлось. Так что, если это чему-то и противоречит, то разве интересам бездельников, которых всюду хватает, а особенно в так называемой сфере обслуживания. Хочешь не хочешь, но даже старшие товароведы вынуждены будут считаться с тем, что отныне у нас появится выбор.

Теперь рискнем сделать следующий шаг: разрешим существование небольших промышленных предприятий. Для начала — в тех областях, где годами наблюдается острый дефицит: в производстве ножниц, сковородок, кастрюль с ровным дном и т. п. Понятно, что очень скоро все это у нас будет и, видимо, даже в избытке. А заодно и у предприятий, производящих кастрюли с дном поверхности второго порядка, появится ориентир, которого им так не хватает.

Еще недавно западные теоретики социализма уверяли публику, что возврат к частному предпринимательству в СССР невозможен: у граждан не осталось ни денег, ни предприимчивости, ни опыта. Успехи подпольной экономики заставляют отнестись к этому выводу с некоторой осторожностью.

Но что делать со средними и крупными предприятиями? Ведь на то, чтобы их купить, не хватит средств даже у подпольных миллионеров. Мильтон Фридман, которого мы уже цитировали, считает, что эту проблему решить как раз несложно. Один такой эксперимент имел место, сообщает он. Это было в Британской Колумбии. Правительству принадлежало много полезных ископаемых, нефть, шахты и т. п. Оно объединило их, передало в собственность созданной для этого компании, причем каждый гражданин страны получил право приобрести несколько акций этой компании. Что это даст? По расчетам Фридмана, только один экономический показатель — средний доход населения — возрастет у нас в стране в десять раз.

Правда, М. Фридман сразу же оговаривается. "Конечно же, нереалистично ожидать, — замечает он, — что советское правительство будет вводить рыночную систему". Учтем это замечание и ограничимся небольшими частными предприятиями. Добавим к ним кооперативные и смешанные — с участием государственного и частного капитала.

Много ли от этого изменится? Очень даже много. Тут ведь важно не число таких предприятий, не величина и даже не их доля в валовом продукте страны. Важен принцип их деятельности. Частное предприятие по самой своей природе не может не руковод-

ствоваться экономическими категориями, иначе оно просто прогорит. Хотим мы этого или нет, но вместе с частными предприятиями в нашей жизни начнет восстанавливаться экономический подход к производству, ибо это и есть единственно правильный, разумный, естественный подход.

От рыночной экономики за рубежом можно отгородиться пограничными столбами, колючей проволокой, барьерами таможенных пошлин, монополий внешней торговли. От предприятий внутри страны, использующих экономические методы, никакими заборами не отгородишься. Уже самое существование *смешанной* экономики, *разных* форм собственности вызовет цепную реакцию перемен. У потребителя появится возможность *выбора*, а значит возникнет явление, которое можно назвать как угодно — соревнованием, состязанием, конкуренцией. Важно, что в результате мы автоматически получим тот самый эффект (ускорение, переход, введение, улучшение и проч.), на достижение которого и направлена программа Горбачева.

Не буду уверять, что переход на экономические методы управления принесет одни только радости. Чтобы эти методы были эффективными, они должны действовать "до упора". Предприятие, которое постоянно выпускает неходовую продукцию или годами приносит убытки, теряет право на существование и должно быть закрыто. Конечно, в исключительных случаях государство может ему помочь. Но это должны быть именно *исключительные* случаи.

Легко представить себе, что при нынешнем положении дел в такой ситуации окажется множество предприятий. Какую-то часть из них придется закрыть (страна от этого только выиграет), другие вынуждены будут сократить персонал до размеров, диктуемых подлинными нуждами производства. Возникнет безработица.

О том, что безработица — это плохо, известно каждому. Менее известно, что она выполняет и полезную функцию, побуждая людей работать. Однако в нашем случае вопрос надо рассматривать в ином плане: что хуже — безработица открытая, при которой человек получает пособие и ищет настоящую, полезную работу, или безработица скрытая, когда человек только изображает деятельность, получая зарплату за превращение сырья и материалов в никому не нужные изделия или просто в брак. Другой вопрос, насколько это общее соображение утешит тех, кто окажется его жертвой...

Итак, перестройка экономики — дорога, усеянная не одними розами. Перевод на интенсивный путь такого огромного хозяйства, как наше, — дело непростое, требующее немалых усилий, времени и всеобщей ответственности. Но, начав преобразования, нельзя ограничиваться половинчатыми мерами. Надо действовать последовательно и энергично, не останавливаясь перед самыми смелыми шагами...

Другого пути нет. Без ускорения роста экономики останутся благими пожеланиями социальные программы, а они носят неоглобальный характер...

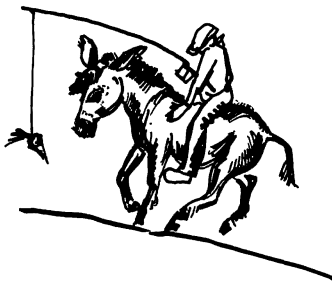
Видимо, проницательный читатель догадался: два последних абзаца принадлежат не мне, это слова, сказанные на съезде все тем же Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Я позволил себе обойтись без кавычек, ибо тут наши мнения полностью совпадают.

Согласен я и с тем, что всякая перестройка хозяйственного механизма начинается с перестройки сознания, отказа от сложившихся стереотипов мышления и практики, ясного понимания новых задач. И если (тут я уже не цитирую) перестройка начнется всерьез, успех ее будет в огромной степени зависеть от того, удастся ли преодолеть сло-

жившиеся стереотипы. Стереотип административно-политического руководства экономикой — у управляющих. Стереотип безделья и равнодушия — у управляемых.

Хватит ли у М. С. Горбачева смелости и упорства, я не знаю, и несколько не стыжусь в этом признаться. Когда я был молод и глуп, я любил посмеиваться над прогнозами бюро погоды. Но однажды крупный ученый и добрый мой знакомый заметил с улыбкой: "Чего вы хотите от бедных метеорологов, если сами тучи не всегда знают, будет ли дождь". ●

Славомир МРОЖЕК

ДОРОГОЙ, МНОГОУВАЖАЕМЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Почтительнейше докладываю, что я отвратительный, злой и очень этого стыжусь.

Прежде моя гнусность не была так заметна. Но теперь, когда вы, дорогой Социализм, существуете на свете, все это видят и могут сравнить. Потому что вы, дорогой Социализм, прекрасны и благородны.

Мне тоже хочется быть таким красивым и хорошим. Но что поделаешь! Морда у меня вся в прыщах — я ведь загниваю; умишка маловато, культуры, особенно гуманистической, и вовсе нет никакой; о сердце лучше не говорить: оно у меня просто каменное; мне бы только эксплуатировать да эксплуатировать. Мерзость!

Так что если вам, дорогой Социализм, что-нибудь надо, я весь к вашим услугам. А все потому, что мне стыдно. А также, если можно, пропросил бы, чтобы вы меня, дорогой Социализм, не били. То есть по морде — пожалуйста, мне даже приятно, но только не по глазам и не где-нибудь еще.

Может, вам денег надо? Или в кредит товара какого-нибудь? Я сейчас... я с дорогой душой... Конечно, деньги — это гадость, и вы, дорогой Социализм, правильно делаете, что презираете деньги, у вас другие ценности. Поэтому прошу извинить меня за подобные гнусные предложения. Мне-то что, мне об этом говорить не стыдно; я свинья, мне все равно; а вот вам, дорогой Социализм... нет, я, конечно, все понимаю. Так что если вы, дорогой Социализм, все же преодолеете свое отвращение и будете столь добры принять малую толику, то я обещаю: никогда, ни словом!.. Только перечислением.

Итак, вы согласны, дорогой Социализм? Принимаете! Видите ли, дорогой мой, мне тоже хочется сделать что-нибудь для человечества. Но что может сделать такая свинья, такой негодяй, как я? Ничего! Только поддержать Социализм.

Прошу, дорогой Социализм, не отказать в моей просьбе. Нижайше кланяюсь.

Капитализм.

Из сборника "Доносы", 1983

Пров СЛОБОДКИН (Западно-Бурухтанская обл.)

ВРЕМЯ НАДЕЖД

Записки делегата XXVII съезда КПСС

Так движенье времен изменяет значенье предметов.

Лукреций

Только верблюд знает дорогу в песках, только река знает путь к морю, только луна знает тайны неба. Только Аллах знает, что ждет нас впереди.

Тяжко отцу, отдающему дочь в чужую семью, тяжело бедному родственнику в доме богатого, тяжело царю у престола Аллаха, но самое тяжелое бремя — бремя напрасных надежд.

Ходжа Насреддин, Книга мыслей, XVI,
стихи 80—88

1. Поднять и опустить

Никогда не забуду этого ощущения. Уходящий ввысь потолок Кремлевского Дворца съездов, юпитеры, мгновенная тишина и сразу как лавина, как горный обвал, — грохот аплодисментов. Это огромная сила: пять тысяч человек, сливших сердца и ладони в едином порыве.

Сейчас, поздно вечером, я сижу в гостинице "Россия" и — стараюсь постичь все бесконечное величие этого дня. самого долгого, самого значительного дня в моей жизни. Когда О. К. сказал мне: "Поедешь на съезд", я, понятно, сделал умильное личико, а про себя подумал: знаем мы эти обещания да и эти съезды. Одни говорят, другие хлопают. Но это так, между нами. Просто в душе я боялся поверить, что жизнь возьмет и круто так обернется ко мне светлым своим ликом. Прежде, что говорить, поворачивалась она ко мне другим местом.

До чего же нелепые мысли лезут в голову. Пытаюсь вспомнить и все вижу как в тумане. Помню одно: поразило меня, как все блестяще организовано — нам бы так, в колхозе. Приветливые молодые люди мягко подхватывают тебя под руку, и вот я уже сижу в одном конце зала, О. К. в другом, там, конечно, люди куда старше и не в пример солиднее. Ясное дело, гусь свинье не товарищ.

Не успел оглянуться, как товарищ Лигачев Егор Константинович уже объявляет: "Поднять временные удостоверения... опустить... поднять...". Поднимаю и, само собою, опускаю. Оказывается, это мы решили по первым трем вопросам повестки отдельных докладов не делать, а их суть изложить в Политическом докладе. Едва соседка (кстати, вполне, вполне...) успела мне это объяснить на ухо, как снова буря аплодисментов: на трибуне сам Михаил Сергеевич.

Доклад, скажу я вам, всем докладам доклад — пять часов! Однако не в часах дело. Михаил Сергеевич Горбачев много сказал такого, над чем думать и думать. А время позднее. Ложись-ка ты, кирюха, спать.

2. Тенденции

По поводу этих самых заметок был у меня разговор с О. К., — это ведь его идея. "А к чему это, — спросил я, — если все и так будет в газете?" — "Что ж ты, станешь все газеты читать? — усмехнулся он. — Да и не в этом дело. Не об этом надо писать". "А о чем?" — "О тенденциях", — сказал он загадочно.

Слово-то я знаю, а смысла не понял. "Тенденции, — продолжал О. К., — важнее политики. Политика, понимаешь, это то, что есть; тенденции — то, что будет. Ты же у нас человек молодой, растущий".

Тут я возьми и брякни:

— А оставлять заметки дома, в номере то есть, можно?

Он сделал вид, что не понял. Потом поморщился.

— Фи, — говорит, — какие у тебя мысли... Ты — делегат съезда, тракторист. Кто в тебе усомнится. В общем, пожалуй, лучше не оставлять: береженого... сам знаешь... А парень ты азартный.

3. В Москву

Странные бывают в жизни вещи. На съезд я попал через брак. "Беларусь" — ничего себе машинка, только хлипкая — нашего галопного темпа не выдерживает. А тут попался диковинный экземпляр: прет и прет. День прет, ночь прет. Ну, а у меня тоже свои амбиции: десять минут пожую — и дальше. Знаю, вот-вот полетит какая-нибудь шестеренка, тогда и будет долгий перекур с пересыпом. Пока механика вызовут, пока он придет, пока шестеренку откуда-нибудь сдерут, запасных-то нет. А трактор, собака, хоть бы хны!

К утру подъехал Михаил Кузьмич. Орет: "Эй ты, полоумный! Кончай! Техника безопасности". Я отмахнулся — вошел в азарт. Нарочно рву рычаги, кручу так, что трактор танцует. И, представьте себе, ничего. Ладно, думаю, или ты меня, или я тебя доконаю.

К вечеру, вижу, хлопает обкомовский газик — держат его специально для нас, для глубинки. Вылезает незнакомый тип: худой, высокий, в очках. Подходит, и негромко так, но очень внятно:

— Слезайте, поговорим.

Ну, слез. Стою, молчу. Много я видел таких фертгов в городе, пока не понял: там мне не светит, все места давно расписаны. Начинать надо в колхозе. И трактор — машина для этого самая подходящая.

— Наслышан, — говорит. — Если и дальше сумеете в таком роде, будет у нас другой разговор, серьезный. В феврале съезд, вакансии, между прочим, не закрыты.

— Где уж нам уж, — отвечаю, а сердце в горле. Физия, чувствую, — вареный буряк.

— Только не пить. — А сам смотрит в сторону.

— А я, между прочим, как раз и не пью, — говорю. И самое смешное, что это чистая правда.

Тут он поворачивается ко мне, в глазах смешинки.

— А я, между прочим, это знаю. — И сразу как-то просто, бесфокусно: — Олег Константинович, будем знакомы.

— Пров Слободкин, — жму руку.

— Значит договорились, Пров Рудольфович. (И отчество знает.) Бог даст, вместе в Москву поедем.

И вот приехали.

4. Соседка

Воротникова и Щербицкого слушали вяло: казенные люди, что они скажут? Когда объявили Ельцина Б. Н., Раечка мне шепнула, дескать, делай стойку: больше узнаешь, чем от Самого. "Это он тебе по дружбе доложил?" — съехидничал я. "Не, другие доложи-

ли, — смеется она нахально. — А друзья у него не мне чета, куда как выше”. Я отмахнулся. Баба она что надо, но я давно заметил, по части цинизма самым отъявленным мужиком до баб далеко.

Начал Ельцин с обличения предшественников. Кто командовал до него в Москве — не секрет. Порочные методы руководства — сказано резковато. Ну, брали, — а где сейчас не берут, слухи о том, что здешний шизофреник метил в главные, не вовсе лишены основания...

Метод знакомый: о бывших — или ничего, или плохо. Но вот Ельцин дорвался до своих “почему”, и стало мне как-то колготно. В свое время родному папане намотали десятку за куда менее интересные вопросы. А задавал папаня их, учтите, не всему свету, а ближайшему другу, с которым вместе уносили ноги из-под Варшавы. Почему, спрашивает Ельцин, мы из съезда в съезд поднимаем одни и те же проблемы? Почему за столько лет не удалось вырвать из нашей жизни бюрократизм, несправедливость, злоупотребления? Почему даже сейчас требование радикальных перемен (то есть не сами перемены, а только разговоры о них) вязнет в слое приспособленцев с партийным билетом?

Конечно, мое дело — сторона, но это о ком же речь? Не о трактористе, ясно, и, наверно, даже не о секретаре райкома. Долбанув по дороге Совмин, Ельцин взялся за ЦК. Дескать, захлебывается ЦК в простых вопросах. Надо менять структуру. И, похоже, не одну лишь структуру. Неужели в ЦК КПСС, спросил он и резко обернулся к президиуму, никто не видел, к чему идут дела в Узбекистане, Киргизии, ряде областей и городов, где шло, прямо скажем (это не я говорю, это он!), перерождение кадров? Москву он не называет, но тут и цыпленку ясно, что не видеть того, что творилось в Москве, ЦК никак не мог. Значит, покрывали. А позвольте спросить, кто и почему?

“И вполне правомерно связать спады в темпах экономического развития страны в течение последних пятилеток с руководством партии и государства. Ошибки отдельных лиц слишком дорого обходятся стране, авторитету партии и социализму в мире...”

Тут меня стало потрясывать. Я понимаю, дело прошлое, но все-таки трогать руководство партии и государства! Успокаиваю себя: что тебе до всего этого? А внутри трясет. Кто-то там ошибался, а мать всю жизнь горбила, чтобы накормить нас с сестренкой хлебом да кашей. А этот, Ельцин, рубит с плеча: “Особенно становится больно, когда напрямую говорят об особых благах для руководителей... мое мнение — там, где блага руководителей всех уровней не оправданы, их надо отменить”.

Как же, отменишь! Горло перегрызут. И до того стало мне муторно, что я не выдержал:

— Пойдем, — говорю, — Зинка, в запой.

Тут моя соседка так глянула, что я сразу пришел в себя.

— Простите, мужчина, но вы ошиблись адресом.

Так оно всегда бывает: одно к одному.

5. О ржавчине

С Раей мы помирились быстро — от унынья. Раньше я думал, что делегатствовать — одно удовольствие. Какой там! Работа, тяжелая работа. Сидишь, глаза слипаются, перемолвиться словом или там почитать газету нельзя. А слова журчат и журчат; от них, как от бегущей воды, тянет в сон и укачивает.

Товарищ... товарищ... товарищ... Только фамилиями товарищи и отличаются. Будто писал один человек, которому это занятие смертельно надоело. Да и всем надоело: и кто читает, и кто пишет. А спать нельзя, ни-ни.

И вдруг вылезает на трибуну узбек, фамилию не выговоришь — Усманходжаев, и бульдозером прет на бывшего своего, Рашидова: “Ржавчина разложения и перерождения поразила многие наделенные самыми большими полномочиями кадры”. Это о чем: об Узбекистане или вообще?

Понятно, перед речью Лигачева все проснулись: второй человек в партии. И вообще, говорят, мужик умный. Оно и правда: ничего в лоб, все тихо так и деликатно. Дескать,

для многих руководителей стало привычным срывать задания по строительству жилья, школ, больниц... Между тем речь идет о большой политике, поскольку все, что делается или не делается в этой области, не ускользает от внимания трудящихся.

Верно, не ускользает. А что с того? Оказывается, от этого нынче зависит "политическая стабильность нашего общества". Неужели до того дошло? Видно, дошло, если товарищ Лигачев считает нужным воззвать к верховному политическому мышлению всех наших кадров.

Дальше? Ага, критика и самокритика. Ну, про это наслышаны: мода. Однако и нынче зарываться не следует. А некоторые газеты именно зарвались. В том числе "Правда". Интересно, в каком это смысле? О. К., когда я его спросил, буркнул невразумительно: "Чего-то о партийцах". А чего? Любопытно.

Про безработицу я не понял. Потом перечитал: "Социализм не может допустить и не допустит, чтобы в результате научно-технического прогресса значительные группы трудящихся, а счет их может идти на миллионы, оказались лишними людьми в обществе, не подготовленными к работе в новых условиях".

Нет, не понимаю. То ли это предупреждение: мы-де постараемся, но против прогресса не попрусь. То ли намек директорам: прогресс прогрессом, а увольнять не позволим. По крайности, до тех пор, пока не переучим. А быстро ли переучишь, если счет идет на миллионы?..

6. Гм, гм...

Выступления Манякина ждали. Кажется, единственный на весь Союз секретарь, который пер против течения: поддерживал крестьянина, разрешил частные сады, огороды. В Омске на базаре самое дешевое мясо, картошки навалом, яблоки. За одно это спокойно могли снять. Не сняли. Однако же, заметим про себя, и не повысили.

Значит, так. Хвалит, одобряет, поддерживает. Партийное начальство не трогает, валит на министерства. "История не простит министерствам допущенного отставания в темпах экономического развития..."

И тут — кажется, первый раз — вмешался Сам. Правда, уважительно. "Сергей Иосифович, история-то не простит, а мы вот прощаем".

Омский секретарь, сразу оживился, воспрял. Видно, понимает, зубы на него давно точат. Об освоении Сибири сказал, что надо бы по этому поводу употребить выражения покрепче, да на съезде язык не поворачивается. А вообще Сибирь, дескать, надо не осваивать, а обживать.

Бывал, насмотрелся. До того, суки, Сибирь загадили, что уже и воду из Лены пить нельзя — сплошная нефть. Это Лена, где нефть и не добывается. А в общем, ждали большего. Не силен мужик говорить. Ничего, зато делать силен. Может, один такой у нас во всю Россию.

7. Анекдот

Скукота. В перерыве рассказываю Раечке старые анекдоты. Вроде того, как Рабинович сразу выявил на собрании шпиона. "Как же вам удалось? — спрашивает его в Кремле Калинин. — Руководствовался исключительно указанием товарища Сталина: "Враг не дремлет".

Сам-то я дремлю, но ушки на макушке. Вот и дождался. Вологодский секретарь взял да процитировал то место из "Правды", где чернили кадры: "малоподвижный, инертный и вязкий партийно-административный слой". "Нетрудно понять, — объявил он под аплодисменты, — кого имеют в виду такие авторы".

Понять и в самом деле легко. Только насчет инертности я не согласен. Очень даже подвижная публика. Вроде борзых. Беда, по-моему, в другом: во все нос суют. А менять они, правда, не хотят. Зачем менять, если им и так хорошо.

Смех. Вскидываю голову. Соседка шепотом объясняет: это главный кинематографист прикидывает, как бы половчее лизнуть Михаила Сергеевича. Тот, должно с привычки, увертывается. Но разве от этого ускользнешь — извилист до невозможности! Вот и японку какую-то выгасил, которая целыми днями плакала от умиления, что сам Горбачев ей письмо прислал.

Нет, тут дело посерьезнее, сказал мне О. К. Этот Кулиджанов заранее объявил, что с кардинальной перестройкой кино они, видишь ли, своими силами не справятся, им нужна поддержка ЦК. "Как же, Проня, вами не руководить, — пошутил О. К., — если вы сами требуете". "А вы попробуйте, Олег Константинович, — пошутил и я в ответ. — Начет режиссеров не знаю, а с крестьянами определенно получится".

Нет, что у нас на всю страну один Манякин, это я, пожалуй, зря: очень даже толковые вещи говорил секретарь Свердловского обкома Петров. Об экономическом парадоксе: чем лучше потребителю, тем хуже производству. О важнейших хозяйственных вопросах, которые не решаются десятилетиями. О том, что план есть, а материалов под него нет. О практике, когда заказывает один, проектирует другой, планирует третий, финансирует четвертый, контролирует... "Ну, контролирующих у нас органов столько, — добавил он мрачно, — что их перечень и Минфин СССР не весь знает".

А что это, интересно, за личность такая — И. О. Горбачев? Инициалы не совпадают, по должности — главный режиссер ленинградского театра, по взглядам — куда праввернее тетки. Может, родственнику так и полагается? Все-таки, думаю, родственник.

8. Очевидное невероятное

Должно быть, устал. Была, говорят такая казнь: капля за каплей по темечку. А тут словами — бьют и бьют. Сейчас сел к столу, а в башке звенит: бесхозяйственность... требовательность... экономические методы... новый стиль. Между тем в речи нашего нового шефа товарища Мураховского попадались толковые мысли. Скажем, что надо повсеместно внедрять бригадный подряд, а где это диктуется условиями — семейный и личный. Правда, и нелепого много. Когда слышишь, что перед Госагропромом "стоит первостепенная задача — обеспечить высокую отдачу", смех берет. Да не нужно ему ничего обеспечивать, пусть только не мешает. Глядь, отдача сама и обеспечится. Очевидное невероятное.

9. Рыжков

Долго, ох долго говорил тов. Рыжков. Вроде бы и по делу говорил, и факты интересные есть, а мысль ускользает. Не у меня ускользает, у него. Крутанет чего-нибудь разумное — и назад, в кусты. То ли боится поперек батьки, то ли не быстро в себе уверен. Хотя и то сказать, положение диковатое: премьер-министр, который глава правительства во вторую очередь, а в первую — член Политбюро. Не поверите, а предложи мне сегодня его место — откажусь. Правильно орут комсомольцы: не казаться, а быть!

10. Можно и так, или Бремя надежд

Сидим в ресторане, пьем боржом. Тот несчастный случай, когда партия и народ натурально едины.

— Один интересный момент ты все-таки упустил, — добродушно смеется О. К.

— Может быть... Может быть..., — вяло киваю я. — А какой именно?

— Выступления представителей иностранных компартий.

— Их тоже надо было слушать?!

— По существу — необязательно, а одну тенденцию стоило бы отметить... — О. К. шурится. И тут я замечаю, что он стар: не лицо, а печеное яблоко.

— Учись, — говорит он задумчиво, и отхлебывая боржом, принимается объяснять.

Начинает он почему-то издалека, с Мао Цзедунa. Оказывается, знаменитый доклад Хрущева Мао вовсе не возмутил, он и сам покойника не очень жаловал. В 1957 году этот Мао выступил со знаменитым лозунгом "Пусть расцветают сто цветов".

До расцвета в самом Китае дело, понятно, не дошло: великий кормчий был крут характером и не терпел вольнодумства. Но лозунг очень пригодился для других компартий — особенно, когда началась грызня с нами. Так появились параллельные компартии: просоветские, прокитайские, а потом и вовсе Бог знает какие.

— Мы всю жизнь руководствовались платоновским принципом: "Истина одна, заблуждений много". — Нет, до чего все-таки образованный! — Ладно, — продолжал он, — обойдемся без Платона. Идея была та, что никаких нескольких компартий нет и быть не может. Марксистско-ленинская партия в стране всегда одна, прочие — агенты империализма, сионизма, реваншизма, гегемонизма и адвентизма седьмого дня. Уразумел?

— Понимаю, — сказал я спокойно. — Истина одна, и никак невозможно, чтобы ею владели разные партии.

— Примерно так. С тех пор, однако, жизнь усложнилась. Стало ясно, что кроме истин существуют еще личные амбиции, самолюбия, просто дурные характеры. Кто-то с кем-то поссорился, вот тебе и параллельная компартия. А у нас нынче, — О. К. понизил голос, хотя сидели мы в отдельном кабинете, — не тот кучер, чтобы мы могли бросаться партиями. При умелом подходе ни одна блоха не плоха.

Понятно, дело это тонкое, и товарищам из международного отдела пришлось поломать голову. И все-таки возникла толчея. Из некоторых стран прибыло по три делегата: две от компартий, да еще одна от правящей. Какую-то зачуханную Коста-Рику представляли две могучие компартии, каждая из которых давно исключила другую из своих рядов; Австралию — местная компартия и — отдельно — изгнанный из нее старикан Клэнси, коего пришлось срочно произвести в руководители тут же изобретенной Ассоциации за единство коммунистов Австралии...

О. К. вздохнул и достал "Кент". Мы закурили, хотя курили оба очень мало. Говорить не хотелось, устали.

— Ладно, — вздохнул О. К., — кто-то из выступавших сказал на съезде, что сейчас время надежд.

— Бремя надежд? — переспросил я.

— Что ж, — О. К. побарабанил по столу. Можно и так. Бремя надежд. ●

Эрнст ОРЛОВСКИЙ (Ленинград)

НЕКОТОРЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ СЪЕЗДА

В "Литературной газете" № 1 от 1.01.86 (на стр. 4, в диалоге литературных критиков А. Латыниной и С. Чупринина) содержится такая фраза: "Все мы живем сейчас в ожидании перемен и, кажется, чувствуем их первые дуновения". Мне представляется эта фраза довольно удачной: действительно, такие "дуновения" очень заметны, перемен же существенных пока нет.

В этом ничего не изменил и прошедший XXVII съезд КПСС. Я внимательно следил за его работой. Нет недостатка в высказываниях делегатов съезда и советской печати, характеризующих этот съезд как исторический, переломный. Оправдает ли история такую характеристику, мы увидим в будущем.

Разумеется, кое в чем съезд отличался от предыдущих. Конечно, не тем, что на открытии не зачитали список иностранных делегаций (во-первых, вопреки убеждению некоторых советологов, так уже было, помнится, на предыдущем съезде; во-вторых, это вызвано не столько желанием уменьшить парадную шумиху, сколько желанием избежать лишних вопросов, относящихся к составу делегаций). Но вот, скажем, впервые доклад начат не с перечисления успехов, а с указания на недостатки. Хотя, конечно, новому генсеку легче признать недостатки, в возникновении которых его вины нет или она незначительна, так как он даже и членом Политбюро стал не так давно.

Я согласен с тем, что доклад М. С. Горбачева носит во многом новаторский характер и производит гораздо более приятное впечатление, чем затхлые и ничего конкретно

не говорящие доклады Брежнева. Особенно много новых и привлекательных идей высказал М. С. Горбачев по поводу управления экономикой и некоторых проблем международных отношений. Его высказывания в области расширения демократии и прав человека куда более неопределенны. Но даже в области экономики конкретные очертания реформ изложены лишь применительно к сельскому хозяйству — и надо сказать, весьма далеко идущие, в том числе закрепление земли и средств производства за отдельными семьями. Впрочем, и это пока предложения, не утвержденные законодательно. Что касается управления промышленностью и строительством, то высказывания Горбачева значительно менее конкретны. Разумеется, никто не будет предлагать семейный подряд в крупной промышленности, но многие экономисты предлагали (в том числе на страницах "Труда") дать право предприятиям самим выбирать поставщиков, договариваться (в определенных пределах) о ценах своих изделий, обеспечивать сбыт своих изделий; предлагалось также после введения этих изменений главным критерием оценки работы предприятий сделать сумму прибыли как синтетический показатель, определяющий народнохозяйственную эффективность деятельности предприятий. Эти предложения поддержаны многими газетами и журналами, но, скажем, журнал "Коммунист" не опубликовал ни одной статьи в этом духе, а, наоборот, в декабрьском номере 1985 года (№ 18) опубликовал сразу две статьи диаметрально противоположной направленности, где в поток псевдонаучных слов с цитатами не столько из Горбачева, сколько из Лигачева, упрятаны требования не расширять самостоятельность предприятий, а также не расширять, а ограничивать еще более возможности индивидуальной трудовой деятельности и т. п. Правда, обе статьи напечатаны в дискуссионной рубрике, но возражений я не видел. Доклад Горбачева вроде бы предусматривает расширение самостоятельности предприятий, но об этом говорится довольно туманно, как и об индивидуальной деятельности. Можно предположить, что по этим вопросам в руководстве КПСС еще не выработано единого мнения.

Многие выступавшие на съезде упоминали, что нередко перестройка на "новый лад" оказывается чисто словесной, инициатива снизу и предприимчивость, как и прежде, не поощряются, многие руководители на местах как бы выжидают. Это так именно и есть. В выступлениях на съезде не только Лигачев (занимающий второе место в ЦК — впрочем, неясно, не оттеснил ли его теперь Зайков на третье место), но и, скажем, Калашников из Волгограда заклинили редакцию "Правды" за пресловутую статью "Очищение", напечатанную 13 февраля. Но ведь упомянутый в этой статье "малоподвижный, инертный, вязкий слой", конечно же, реально существует и противодействует реформам. (Впрочем, редактор "Правды" Афанасьев остался на своем посту.) Замечу к слову, что Хрущев, по-видимому, очень сильно ощущал противодействие подобного слоя. Как пример его глупых решений приводят решение о разделении каждого обкома, крайкома, облисполкома, крайисполкома, района на два: "промышленный" и "сельский" — такая чересполосица действительно выглядела нелепо, создавала путаницу, да и не могла быть проведена в жизнь последовательно; эту систему отменили немедленно после снятия Хрущева. Но я думаю, что Хрущев и его советники были отнюдь не дураки. Это решение (в сочетании с созданием совнархозов), как мне представляется, должно было помочь Хрущеву изменить состав этого среднего слоя (аппарата партийных и хозяйственных органов среднего звена управления) без того, чтобы идти на конфликт со значительной частью этого слоя. Действительно, эти решения предусматривали ведь увеличение этого слоя вдвое, то есть введение туда новых, свежих людей без устранения прежних, окостеневших. А затем, через несколько лет, я думаю, и сам Хрущев провел бы новую реорганизацию и сравнительно безболезненно убрал бы противников реформ. Мне давно пришлось в голову такое объяснение — и чем дальше, тем больше я убеждаюсь в его правильности. (Вроде бы никто пока такого объяснения не предлагал?)

Но дело, конечно, не только в консерватизме среднего слоя "аппаратчиков": неясно, возможны ли вообще глубокие экономические реформы при сохранении основ нашего строя. Из книги А. Федосеева "Западня" вроде бы вытекает, что невозможны. Книга Федосеева мне очень понравилась, и она очень убедительна. Но его выводы основаны на предпосылке всеобъемлющего централизованного планирования и исключения возможности безработицы. Если эти предпосылки слегка ослабить, реформы, я надеюсь, бу-

дут возможны. Это вроде бы подтверждает и опыт Венгрии (а отчасти также Польши, Югославии и в последнее время — Китая). Но вряд ли можно представить себе развязывание инициативы и предприимчивости без ослабления преследования инакомыслящих, цензуры и т. п. Пока ничего этого нет. Хотя все без исключения выступавшие на съезде выражали свою полную поддержку Горбачеву, мне не показалось, что все они говорили в том же духе, что и он. Кроме речей Горбачева и Рыжкова выделялись лишь выступления Ельцина и Мураховского (кстати, я удивлен тем, что Мураховский не стал даже кандидатом в Политбюро). Большинство остальных произнесли похожие друг на друга речи из четырех пунктов: 1) я поддерживаю Горбачева, нужны радикальные меры, глубокие перемены не на словах, а на деле; 2) моя отрасль (или область, республика) в глубоком долгу перед партией и народом, мы не выполнили планов пятилетки и последних лет; 3) новые планы еще более грандиозны, но мы твердо уверены в том, что их выполним, и клянемся в этом партии и народу; 4) однако для выполнения этих планов абсолютно необходимо, чтобы нам добавили (по сравнению с тем, что заложено в проекте пятилетнего плана) денег, дефицитных материальных ресурсов и т. д. и т. п. Откуда, за счет чего предлагают взять эти ресурсы — не говорят. Совершенно ясно, что всем, кто просит, дать вряд ли возможно. Так выполняют они план или заранее дают понять, что это пустые слова? Что же в таких выступлениях нового? Я думаю, ничего. Наиболее глупыми мне показались речи на съезде президента Академии наук СССР Анатолия Александрова и руководителя Союза писателей СССР Георгия Маркова. Причем, похоже, они настолько глупы, что даже не заметили расхождения своих выступлений с провозглашенной Горбачевым линией. В том же духе выступал и режиссер Пушкинского театра в Ленинграде (Александринки) Игорь Горбачев. А. П. Александров, по существу, выступил за автаркию, против международного разделения труда, против тезиса о допустимости и даже желательности постепенного роста взаимосвязей с капиталистическими странами, а в конечном счете вообще против любых внешнеэкономических связей. Если мы будем только продавать, но не покупать, то кто же и за какие деньги будет покупать у нас. Да и возможно ли, чтобы абсолютно все товары (не все выпускаемые, как говорит М. С. Горбачев, — он допускает, что какие-то товары выгоднее покупать, а уж если изготавливаем сами, то они должны быть лучшими, — с этим можно согласиться; нет, Александров говорит обо всех вообще возможных разновидностях товаров) были лучшими в мире, чтобы нигде не выпускался никакой товар, который не выпускался бы — и еще лучше — у нас. А чего стоит его высказывание о закупке лишь отдельных образцов и их копировании вместо закупки серий изделий либо лицензий на их производство?! Это идея сталинского времени, которая, казалось бы, давно отброшена жизнью. К чему она приводила, очень хорошо показано в той же книге Федосеева "Западня", да впрочем, и во многих советских публикациях (помнится, у Н. Н. Смелякова). Трагикомичным мне представляется руководитель Союза писателей Марков, который (добро бы такое говорил Чебриков или Лигачев) главным недостатком нашей литературной критики считает недостаток единодушия в оценке тех или иных произведений! Он хотел бы, чтобы министерство культуры, Госкино, Гостелерадио, Союз писателей (и, вероятно, еще отдел культуры ЦК КПСС и Главлит?) заранее согласовывали бы оценки каждого произведения, с тем чтобы было полное единодушие в оценках.

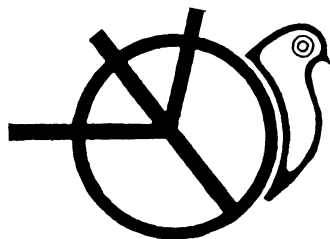
Возможны ли в таких условиях творчество, инициатива, предприимчивость, научно-технический и иной прогресс? Весьма сомнительно! ●

*Редакция журнала "Страна и мир" напоминает авторам и подписчикам, что адрес редакции изменился: Sendlinger Str. 37, 8000 München 2, Fed. Rep. of Germany.
Tel. (089) 2605046-47. Telex 5218017 unbt d*

Марк РЕЙТМАН

МИР И НЕ ОТ МИРА СЕГО

Заметки о группе "Доверие"

1. Сначала было слово

Прошло более трех лет с момента образования Московской группы за установление доверия между СССР и США. Не знаю, стоит ли регистрировать этот юбилей в качестве рекорда, но мало какое из независимых открытых общественных движений сумело существовать столько в советских условиях. Тем более, что попытки похоронить его никогда не прекращались.

С одной стороны выступали благожелатели, не раз объявлявшие об уничтожении группы: они не могли допустить, чтобы поколебалась их исходная концепция о невозможности существования в СССР независимого движения. По этой причине несколько уважаемых авторов преждевременно возвестили, что членов группы, пользуясь выражением Л. Тимофеева, теперь "и по биркам на костях не распознаешь". С другой стороны действовали гебисты. Обнаружив кого-то из членов группы у подъезда "нехорошего" московского дома, нас приглашали на "беседу". Обычно она сводилась к простой формуле: "Вас осталось всего трое, да и тех мы берем в начале следующего месяца".

Тон был, однако, не слишком уверенный. Действуя испытанным методом приписок, они, очевидно, успели отрапортовать о прекращении нашей деятельности, а мы вновь и вновь возникали на выставках, научных семинарах и прочих "преступных" акциях. Оставалась единственная возможность — привести действительность в соответствие с несколькими преждевременным рапортом. Иначе начальство могло бы возмутиться и заслать в Афганистан, а там грубые муджахиддины, чего доброго, убьют...

Мы, конечно, несли потери: сначала по политическим статьям, потом по дежурному обвинению в хулиганстве. Но разгрома не было. Мы позволяли себе открыто встречаться с иностранцами, разъяснять последствия ядерной схватки, строить тонкие научные теории и затем погружаться в тяжкую практику защиты прав членов группы защищать мир самостоятельно, а не долбить до бесконечности унылые прописи, что таращатся на человека с железнодорожных насыпей и неоновых этажерок над крышами домов, с телевизионных экранов и газетных страниц, с заборов военных баз...

Даже люди, искренне к нам расположенные, нередко удивлялись. "Слышал о вас, сочувствую, но не понимаю, что стоит за вашим движением? Ведь не то же тоскливое и лицемерное занудство, что зовется в СССР "борьбой за мир"?" Мне трудно ответить на этот вопрос. Движение живо и полно упругой силы, так что сейчас рано впадать в исповедальный тон и выворачивать душу каждого из очень разных участников московской группы. Поэтому я коснусь лишь тех обвинений, которые нам иногда приписывали враги или люди малоосведомленные.

1) Это все затея ЦРУ, направленная на то, чтобы скомпрометировать главный оплот мира — советское государство. Что ж, может быть, когда-то и ЦРУ поддержит эту лестную для него версию.

2) Это все затея КГБ, цель которой показать миру, что и в СССР возможна независимая общественная деятельность. Допускаю, что на каком-то этапе подобное соображение учитывалось. Однако слишком это сложная и многоходовая комбинация, чтобы ее придумали те серые людишки, что охотились за нами по московским подворотням. И, наверное, еще труднее им было бы убедить свое начальство в полезности столь дальнего расчета.

3) . Это все евреи мутят воду. Довод убедительный, если учесть обилие антисемитов и их готовность верить любому бреду. С фактической стороны версия обсуждается ниже, хотя для антисемита любая аргументация бессмысленна.

4) Они просто хотят таким способом уехать из страны, потому что иначе из СССР не выпускают. Стоило им оказаться за границей, как они сразу умолкали. Теперь ни в какую мирную деятельность их трактором не затащишь... Это неверно фактически. Почти все высланные из СССР "мирники" не оставили общественной деятельности, хотя в некотором смысле стало труднее — надо еще и на пропитание зарабатывать. Никаких скидок на "общественную работу" на Западе не делают. Скорее наоборот.

5) Это блаженные, идеалисты, толстовцы, не от мира сего. Может, люди они и честные, но за ними никто не пойдет. Характеристика, конечно, и трогательная, и почетная, но соглашаться с ней не хочется. О полезности движения поспорим ниже, а пока скажу, что зачислять нас в жители иного мира не стоит.

6) Вы призываете доверять советскому правительству, но ваша деятельность сеет лишь недоверие к нему — вот почему она фальшива. О нет, не надо путать *доверие* с *доверчивостью*. И утверждаем мы другое: что меры по укреплению доверия важнее числа ядерных боеголовок, которых ныне вообще не сосчитать.¹ Если же СССР и США ежегодно будут посещать миллионы граждан другой страны, это действительно повысит безопасность в мире.

Показательна беспомощность советской пропаганды в оценке независимого мирного движения в СССР. За три года появились лишь два открытых материала: статья В. Лушина в "Литературной газете" (конец 1982 г.) "О чем воркуют дохлые вороны" и статья Ю. Корнилова, распространяемая ТАСС. Обе статьи, несомненно, принадлежат одному автору, скрытому под разными псевдонимами. В "ЛГ" текст оказался настолько обтекаемый, что в нем вообще никто ничего не понял. Газета, обычно выполняющая роль пропагандистской кувалды, попыталась действовать лазерным микроскальпелем. Ясно, что затея провалилась. И настолько, что к ней больше не возвращались, постарались забыть.

Правда, статья обвиняла членов группы в сотрудничестве с ЦРУ. Но когда Владимир и Мария Флейшгакеры обратились в прокуратуру с жалобой на клевету, им ответили: "В статье группа названа группой за *восстановление*, а не за *установление* доверия. Следовательно, это не о вас. Обычное художественное произведение, памфлет против кого-то. У нас свободная страна, каждый может публиковать что хочет, не опасаясь преследований. Если, конечно, редакция примет".

2. Подоплека

Группа "Доверие" учла опыт ее предшественников по независимой общественной деятельности. Мы жили в стране ГУЛага и Шостаковича, Высоцкого и первых боевых

¹ В згляните, как велик разброс оценок ядерных вооружений, которые приводит наивысший авторитет в этих делах — SIPRI Manual, Stockholm, 1984, а ведь оценки эти обновляются каждый год!

термоядерных устройств, физико-математических школ и спецхранов. Поэтому прежде всего мы поставили себе за правило не критиковать правительство. Это ограничило и притупило режущие свойства движения, но сделало нас юридически неуязвимыми.

Правда, вскоре КГБ нашло противоядие: наших друзей стали сажать за хулиганство — благо хулиганства в стране предостаточно, и самым фактом принадлежности к этой почтенной корпорации никого не удивишь. Первыми прошли через эту оригинальную судебную процедуру Ю. Хронопуло и Ю. Медведков: в августе 1982 г. их обвинили в избиении женщины и произнесении матерных слов. Когда жены обвиняемых обратились в прокуратуру с жалобой на явную нелепость этой версии, поскольку их мужья — доктора наук, им спокойно ответили: "И академики попадались".

Каковы же все-таки глубинные цели движения? Почему нам постоянно задавали вопрос: "Что же за этим стоит? Ведь не типовая идеологическая чепуха, которую бормочет официальное советское движение за мир, возглавляемое партийным чиновником Юрием Жуковым?"

Разумеется, такая постановка вопроса правомерна. Однако и прежде в русской истории бывали случаи, когда независимые движения не афишировали свои цели или смещали акценты. Так, декабристы, чтобы сделать свое движение понятным солдатам, — а только солдаты и составляли в России реальную общественную силу — объявили, что их цель состоит в утверждении царем России законного наследника великого князя Константина в противовес незаконному, Николаю. В действительности, как мы знаем, цели движения были гораздо шире и значительнее — введение в России конституции. Вспомним, что и большевики в 1917 г. объявили своей наипервейшей задачей прекращение войны. Последующие десятилетия показали, что уж в чем другом, а в безудержном пацифизме большевиков никак не упрекнешь. Просто лозунг "Мир народам" был самым привлекательным для русских солдат. И большевистские прагматики Ленин и Троцкий это отлично понимали.

Необходимость сохранения мира в наш ядерный век столь очевидна, что ее и провозглашать-то совестно. Физики доказали, что даже 5% имеющегося ядерного арсенала достаточно, чтобы уничтожить на Земле разумную жизнь. При этом не так уж важно, где эти 5% будут взорваны, на советской или на американской стороне. Разница в том, что сторонников превентивного удара ждет мучительная смерть от голода и болезней, в то время как их удачливые противники, не успев ничего почувствовать, станут жертвами мгновенного испарения.

Короче, участие в движении за мир в мотивировках не нуждается. Скорее стоило бы рассмотреть обратный тезис: почему советские граждане проявляют такое безразличие к защите мира? Почему вся их деятельность ограничивается участием в субботниках и пустой говорильне на собраниях? Но и это ясно. Кто же не знает, что участие в субботниках и собраниях обязательно, что отказ будет воспринят как антисоветская демонстрация?..

Так что, выходит, движение и в самом деле боролось не за предотвращение войны, а за получение выездных виз для участников — нечто вроде премии для наиболее послушных и идейно стойких граждан, а также форма ссылки для граждан наиболее непослушных и неуправляемых? Конечно, в печати вопрос так прямо не ставился: газеты уверяли, что лишь сумасшедшие могут стремиться к замене нашего рая на капиталистический ад. Но в беседе с иностранцами гебисты, постоянно блокирующие квартиры московских мирников, охотно объясняли, что означенные лица — отнюдь не миролюбцы, а евреи, стремящиеся услужить воинствующему Израилю. Посему наказывать их должно не за политику, а как-нибудь пооригинальнее.

Психушка? Ну, сажали уже туда Батоврина, Кабанову, Акуленок, Крочика (у последнего, кстати, было подлинное расстройство), еще двум-трем грозили тем же. Однако это крайне отрицательно сказывалось на настроении зарубежных пацифистов. Нет,

нужно было что-то действительно оригинальное. Этого и требовало начальство от непривычных к тонкостям чинов КГБ. Те по мере сил старались.

На процессах Медведковой и Бродского фигурировало обвинение в хулиганских действиях. Судьи стыдливо прятали глаза, когда свидетели немилосердно путали зазубренные показания. Но приговор вынесли. Я уже упоминал дежурное обвинение, не миновавшее ни врача Бродского, ни ученого Медведкову, ни будущего журналиста Храмова — никого! — обвинение в матерной брани. Тут, пожалуй, тоже есть своя логика. У офицеров милиции, сотрудников КГБ, многих других советских граждан мат прикован к языку. Чтобы отключить его, нужно усилие. Поэтому карательные органы искренне убеждены, что это преступное деяние присуще каждому.

К тому, что в СССР инакомыслящих сажают в психушки, мы привыкли. Но вот недавно Храмова поместили в венерологическую больницу с принудительным содержанием. Это, несомненно, что-то новое. Даже врачи и сестры в недоумении разводили руками: у них еще нет опыта психиатров...

Беда в том, что с правовой точки зрения подступиться к группе было трудно. Следователь В. Мелехин, допрашивавший меня в августе 1982 г., предъявил мне потрепанную копию постановления Совета народных комиссаров от 1932 г., которое запрещало создание организаций, "защищающих политические и экономические права граждан" — так прямо и было сказано! Я, однако, возразил, что подобных прав мы не добиваемся. Единственное право, на котором мы настаиваем, — право защищать мир. А это право, согласно ст. 69 конституции, является не только правом, но и обязанностью каждого советского человека!

На том мы стояли и дальше, а осенью 1983 г. еще и подкрепили свою позицию заявлением об отказе от любых утверждений, противоречащих данному. Позднее к нему присоединились новые члены группы. О том, что такое заявление нелишнее, свидетельствует история Олега Радзинского, которого заставили покаяться в грехах. Я его не виню, и я, наверное, не устоял бы в жутких условиях пересылки, когда с помощью овчарок в купе загоняли по 20 человек (что было очевидной пыткой, так как другие купе оставались пустыми). Но если бы меня арестовали, люди хотя бы понимали, отчего это вдруг я изменил позицию, а Радзинский, к сожалению, сделать предупредительного заявления не успел.

Теперь я опытнее. Прошу учесть, что если во время туристской поездки в Англию я исчезну и вынырну на Московском телевидении, то ни одному моему слову, сказанному перед экраном, верить не следует.

3. "Много ли среди вас евреев?"

Этот вопрос члены группы "Доверие" слышали нередко. Но еще чаще он звучал неслышно. Много раз мы объясняли положение. Ни разу эти объяснения не появились в полном виде на страницах печати — ни официальной, ни какой-либо иной. Неужто, черт возьми, это табу? Неужто табу прочнее даже советской цензуры?

Начну с последней. Когда недавно праздновали юбилей Шекспира, в СССР вышло подробное перечисление всех постановок его пьес на советской сцене. Оказалось, что если "Отелло", "Гамлет", "Ромео и Джульетта" и прочие шедевры ставились сотни раз, то "Венецианский купец" — ни разу!

Что ж, и в некоторых других странах эта пьеса имела ограниченное хождение. Скажем, в Англии ее изыали из школьных библиотек, но потом вернули. Почему? Видимо, из-за антисемитизма. В пьесе еврей Шейлок олицетворяет, кажется, все земное зло. Даже его центральный монолог, утверждающий, что евреи тоже люди, лишь свидетельствует, что при случае еврей способен и слезу пустить. Похоже, однако, что юдофобское звуча-

ние придала образу театральная традиция, берущая начало от великого английского трагика прошлого века Эдмунда Кина.

“Что ж, выходит, — спрашивали нас зарубежные пацифисты, — что в СССР власти борются с антисемитизмом?” Приходилось долго и нудно объяснять, что вовсе не борются. Просто в Советском Союзе на все существует государственная монополия, даже на антисемитизм. И она не позволяет нарушать себя никому, даже Шекспиру.

Так вот, евреев в мирном движении действительно много, как, впрочем, и в международном. Поройтесь в памяти, и вы наверняка вспомните хотя бы имена Джона Бернала и Изабеллы Блюм, Ильи Эренбурга и Анны Зегерс. Врагом войн (в том числе и Балканской войны 1877–78 гг., за которую он ратовал) объявил “жидов” Ф. М. Достоевский: “Не все же одним жидам в карман”, — так Достоевский определил преимущество войны над миром.

Что ж, тут есть доля истины. Военные поставки обычно доставались крупным купцам, среди которых преобладали русские. Мелкой розничной торговле война приносила одни убытки, а именно ею промышленяло большинство евреев.

Сейчас резоны, конечно, иные. Самую большую группу “врагов народа” ныне составляют евреи, подавшие заявления на выезд и получившие отказ. Эти люди практически бесправны: они пересекли рубеж, разграничивающий еще дозволенное от уже недозволенного. Правда, преследуют их пока тихо и немассово: того с работы уволят, у этого квартиру отсудят, кого-то зацепят за преподавание иврита. Но все понимают, что это — пока. Любое серьезное осложнение международной обстановки — и с них полетят головы. Таким образом, эти люди обречены даже в случае неядерной войны, даже при простом обострении конфликта. Естественно, что они составляют питательную среду всех независимых общественных движений, а тем более движения за мир.

Среди одиннадцати человек, подписавших первое обращение к правительствам СССР и США в июне 1982 г., было пятеро евреев. Много это или мало? Когда осенью 1917 г. ЦК партии большевиков принял решение о вооруженном восстании, в заседании тоже участвовало 11 человек, а евреев среди них было четверо.

Немало евреев было и среди тех, кто присоединился к нашей группе позднее. Многие из них действительно подали заявления на выезд или собирались это сделать. Отразилось ли это реально на авторитете движения? Безусловно. Нам больше бы подошли коренные русаки, которых в движении тоже немало (Шатравка, Киселев, Медведков, Лусников и многие другие). Но мы считали, что не вправе ограничивать рамки движения по национальному признаку. Мало того, что отказников дискриминировали официальные советские инстанции. Не хватало только, чтобы к этой кампании присоединились еще и независимые общественные организации!

Впрочем, так рассуждали мы, московская группа. А вот ленинградская рассудила иначе: отказников не брать. Что ж, это их дело. Мы с самого начала стремились установить контакты с такими группами. Обычно это удавалось, если их раньше не лишали свободы передвижения. Например, с Одессой, Новосибирском, Ленинградом, Ригой связь наладилась, а имена отказников в Донецке, Горьком, Рыбинске, Элисте мы узнали гораздо позже.

Об оппозиции мирному движению я скажу ниже, а пока упомяну лишь один, несколько странный вариант еврейской оппозиции: “чистые отказники”. Эти люди полагали, что евреям не следует ставить перед собой какие-то иные цели, кроме специфически еврейских. Это они ворчали на Щаранского и Меймана за то, что те тратили силы на чужое “хельсинкское” дело. Мы же всегда были противниками любого изоляционизма: бомбы, если они начнут сыпаться, лишены всяких пристрастий. Вот где пристало вспомнить шекспировского Шейлока: “А разве еврей не человек?”

4. Явное и тайное

Советская система — самая консервативная в современном мире. Это определяется и громоздким механизмом смены власти, и некоторыми особенностями национального развития, и традициями государственных институтов; некоторые из них (например, институт патриотизма) имеют многовековую историю. Понять механизм действия этой системы человеку со стороны трудно. Но, пожалуй, не легче постичь его нам — слишком ужасна система, где маски приросли к лицам, а кожа болтами прикручена к позвоночнику.

Казалось бы, чем мешает властям наша группа? Монополия — ладно. Но тут было и нечто более серьезное: мы раскрывали тайный механизм всей той деятельности, которая в СССР называется "борьба за мир".

Советские граждане хорошо знают, что газеты — весьма сомнительный источник информации. Газеты не просто умалчивают о многом, они врут. Дабы компенсировать эту ложь (будто ложь можно компенсировать!) в СССР действуют еще несколько информационных систем. Начнем с радио.

Мы так привыкли к пустым словам, что не замечаем, что радиопропаганда сильно отличается от газетной, даже когда обращена к одному и тому же кругу лиц. Дело в том, что выступления по радио не публикуются. А поскольку автора передачи нельзя схватить за руку, радио позволяет себе такое, что никогда не позволили бы печатному слову. Приведу один такой случай. Осенью 1984 г. по центральному радио выступил писатель Анатолий Тимофеевич Марченко. Объявляя, диктор сделал ударение на отчестве, чтобы мы, не дай Бог, не спутали его с другим Анатолием Марченко, диссидентом. Итак, Россия, по этому Марченко, страна исконно миролюбивая. Никогда за всю свою многовековую историю она не нападала на своих соседей. Они же нападали на нее постоянно. Однако сознание своей правоты удесятерило силу народа, и он изгонял агрессоров.

Достаточно взглянуть на карту Руси начала нашего тысячелетия, чтобы убедиться в лживости такой версии русской истории. Только вот где эта радиоверсия зафиксирована? Взял я и написал опровержение, сославшись на такой заведомо дружественный к России источник, как БСЭ. Вроде бы даже Ленина процитировал, а заодно и Маркса. Ответом было молчание. А ведь это совсем не безобидно. Наверное, у кого-то подобное изображение событий выжмет слезу жалости ко всеми обижаемой родине, а может, и искушение напасть хоть на кого-то — впервые за всю многовековую историю...

Но и радио — не главный источник военной пропаганды. Куда опаснее лекторы о международном положении. Свежую информацию они доставляют тоже непосредственно потребителю — только не на дом, а на работу. Тут уж слушателю не ускользнуть в иронию от ехидной реплики жены (давно замечено, что женщины менее восприимчивы к ложной пропаганде, чем мужья; то ли оттого, что задержаны в очередях, то ли просто реже читают газеты). Так вот появится такой лектор на предприятии в рабочее время, окинет взором собравшихся (а их тысячи), иногда еще кивком поблагодарит личную официантку директора за поставленный на трибуну стакан с водой и начнет примерно так:

"Товарищи, вы все здесь сознательные. Вы понимаете, что мы не можем написать в газетах всю правду — враг не дремлет и не замедлит эту правду использовать. Тем более, что недостатков у нас действительно много. Например, работать никто не хочет, а потреблять — каждый горазд".

Обеспечив себе таким образом доверие слушателей, прожевав два-три десятка газетных штампов (слушатель терпелив, штампы он, позевывая, пропускает, но не спит, зная, что главное впереди), лектор переходит к делу. Слушателям сообщают, что афганцы — темные, невежественные люди, которые предательски отталкивают щедрую руку помощи. Что поляки — бездельники, которые хотят работать, как мы, а зарплату полу-

чать — как американцы (высокий уровень потребления в США лекторам рекомендуется не скрывать, разумно полагая, что доза здоровой зависти русскому человеку не помешает). Что арабы нам вовсе не друзья: с нашей помощью они живо разделались бы с Израилем, но тут же оплевали бы нас как "неверных" и ринулись бы в объятия американцев. Что касается последних, то на них неизменно навешивают всех собак, которые попадутся под руку, не стесняясь противоречий. Американцам отведена главная роль в том "железном кольце врагов", без помощи которого советская система рискует утратить свою стабильность. Иногда лекторы добавляют в эту компанию китайцев — те ближе и многочисленнее, но и сомнительнее — все-таки классовые друзья.

В ответах на вопросы лектор распоясывается окончательно. Чем нелепее, чем доверительнее звучат его откровения, тем выше пропагандистский эффект. Порой лектор позволяет себе такое, что слушатели испуганно переглядываются: не провокация ли? Правда, в таких случаях обычно следует ссылка на "личное мнение", но это лишь усиливает эффект. Например, лектор охотно дает такую убийственную характеристику предыдущему правителю страны, что нынешний — по контрасту — выглядит праведником.

Формально лекторы-международники представляют общество "Знание" или райком партии. Но их подготовкой занимаются куда более серьезные инстанции. Поэтому тут особенно важна *тенденция*. К примеру, о зарубежных защитниках мира лекторы чаще всего говорят с ненавистью и презрением, убеждая слушателей не идти у них на поводу. И это не случайно.

Осенью 1984 г. у нас в квартире была организована небольшая выставка рисунков, посвященных трагедии Хиросимы. Посетителей было много, и мы решили из принципа приглашать всех желающих. Особенно запомнилась мне одна группа посетителей. Человек десять, многие навеселе, а двое — просто пьяны. Экскурсовод наш, в тот раз это была Мария Флейшгакер, говорила обычные вещи. Но пьяный посетитель сразу же стал грубо ее прерывать. "Все, что вы тут бубните о Хиросиме, — ерунда, — сообщил он. — У нас, я точно знаю, есть тайное оружие, так что ни одна вражеская ракета не упадет на советскую землю".

Я вмешался, объяснив, что такого оружия нет и быть не может: это противоречит технической теории надежности. Если подобная оборонительная система и будет создана, она уничтожит много ракет, но никогда не сможет сбить все. Да и советское правительство утверждает, что такой системы у СССР нет.

"А я точно знаю, что есть", — возразил пьяный и принялся срывать рисунки со стен. Но некто трезвый и молчаливый его уверенно пресек — видно, имел на то власть. В общем попытка запугать нас не удалась, хотя, сказать по правде, за Марию, пришедшую по осеннему дождю с годовалым ребенком и снова беременную,¹ было страшновато.

Но больше всего нас заинтересовал вопрос: что послужило источником информации? Откуда пьяный "рабочий" (так он себя назвал), мог знать о "сверхсекретном" оружии? Вскоре это выяснилось. В Москве прокатилась волна занятий по гражданской обороне. Сначала инструктировали инструкторов, а потом уже те пересказывали сослуживцам, что ядерная война для нас вовсе не так опасна, потери будут куда меньше, чем в прежних войнах. Далее следовали многозначительные намеки на лазерное оборонительное оружие...

Вскоре, однако, эта спасительная ложь мягко сошла с пропагандистской арены. Может быть, потому, что уж очень плохо вязалась с самой практикой занятий по гражданской обороне, которая все-таки имела целью подготовить людей к разумным действиям на случай ядерного удара.

Главная мишень советской "борьбы за мир" — Соединенные Штаты. Какими бы ни были отношения на правительственном уровне, читатель, развернув советскую газету,

¹ Интересно, повернется ли у кого язык осудить Марию за то, что ее второй ребенок родился уже в США?

всегда найдет пять-шесть антиамериканских материалов. И это — на шесть стандартных страниц! Чтобы выполнить норму, от газетчиков порой требуется немалая изобретательность. Читаешь, например, в "Известиях": "Наглая провокация Вашингтона". Ну, думаешь, не иначе как высадили морскую пехоту. Очередная Гренада. А речь в заметке идет о том, что США сократили на 20% квоту Парагвая на ввоз в страну текстиля. Ясно, что простым парагвайцам это сулит неисчислимые беды...

Существует негласный мораторий на любую информацию, рисующую США в выгодном свете, — это могло бы исказить тот образ Америки, над созданием которого неустанно трудится пропаганда. На Новый год традиционные Дед Мороз и Снегурочка вовлекают детей — взрослые с шубками дежурят в вестибюле, их в зал не пускают — в веселую игру. Требуется спасти двух пионеров или симпатичного зайчишку. От кого же? Угадали, от "зеленых беретов", которые носят елки со зверскими рожами и с автоматами наперевес, что-то выкрикивая на своем "капиталистическом" языке.

История — штука тонкая и знавала самые диковинные обороты. Однако американские морские пехотинцы никогда не гонялись за советскими пионерами. Видно, кому-то очень нужно внушить детям ненависть к американцам, к людям, от которых мы получаем сейчас каждую пятую булку.

Тема войны для советского народа особенно болезненна. Искусство, в том числе важнейший его вид — кино, вновь и вновь обращается к военной теме. Бороздят экраны советские танки Т-34, трещат дисковые автоматы, зарываются беспомощными колесами в жуткие военные дороги жалкие трехтонки ЗИС-5, кое-как склеенные в студийных мастерских. Не надивись мужеству солдат, которые, хотя и с невероятными потерями, все же сумели в таких хлипких экипажах добраться до Берлина. Казалось бы, зачем стесняться того факта, что русским солдатам помогли могучие американские "Студебеккеры"? Но путь на экран им заказан. Американцы быстро забыли пятиллиардный долг по ленд-лизу, а Советы в благодарность забыли сам ленд-лиз.

5. Наука и мир

Научно-исследовательская деятельность группы "Доверие" замалчивалась с удивительной последовательностью. Между тем стремление выразить свое понимание ситуации в цифрах и формулах было для нас совершенно естественным, если учесть, что большую часть группы составляли ученые.

И все-таки стоило ли о войне и мире говорить языком науки? Сомнения такого рода рассеялись уже на первых научных семинарах, проходивших на квартирах Рейтмана и Дудкина. Не скрою, чувство неуверенности у нас вначале было: оправдан ли такой подход? Оказалось, да. Уже хотя бы потому, что обилие научной информации из-за рубежа, пробивающейся через всякого рода глушилки, странным образом контрастировало с бедностью отечественных источников. Ни одно "мироведческое" издание в библиотеки СССР не поступало. Наши статьи, адресованные в Академию наук СССР, упорно попадали на Лубянку.

Правда, у нас возникли контакты с сотнями представителей мирного движения на Западе. Однако среди них почти не было ученых: те считали слишком важными свои личные контакты с советской официальной наукой, чтобы подвергать их риску из-за общения с чем-то неподзволненным.

Некоторые наши исследования, попавшие на Запад, были встречены враждебно, ибо противоречили "здравому смыслу". Мы, например, высказывались за *многостороннее* ядерное разоружение. Статья, в которой мы кощунственно ставили проблему отыскания оптимального уровня ядерных вооружений, обеспечивающего максимальный ожидаемый срок жизни земной цивилизации, была встречена гробовым молчанием, а все по-

сланные на Запад ее копии таинственным образом исчезли. Как-то из третьих рук удалось узнать, что она оскорбила тех, кто верил априори: упомянутый уровень должен быть нулевым. Видимо, многие на Западе никак не могут понять, что максимализм требований — далеко не лучшее средство достижения договоренности. Недаром американец Беверли Вудворт призвал своих единомышленников отказаться от насильственных методов борьбы с насилием. Призыву не откажешь в актуальности, а Московская группа "Доверие" разделяла этот взгляд всегда.

Другая наша статья — о математической модели оптимального управления гонкой вооружений за счет усиления обмена людьми (туристами, эмигрантами, командировочными) — заинтересовала сразу двух редакторов журналов, одного в США, другого в Норвегии. Проследить за судьбой своих материалов мы не могли, ибо барьеры на пути почтовой переписки почти непроницаемы. В итоге возникли слухи касательно научной недобросовестности: публиковать статью в двух изданиях у ученых не принято — хоть словечко в названии полагается изменить! А я узнал о публикациях только через полтора года, после того, как редакции надумали чуть ли не судиться.

К сожалению, нам нередко приходилось отвлекаться от мирных дел и ненасильственно воевать с теми организациями в СССР, которые преследовали группу. И здесь помогала наука. Нами постоянно занималась одна и та же группа гебистов. Мы уже знали имена — из их уст, из иногда предьявляемых документов. Мне бросилась в глаза безликость фамилий: все они непременно оказывались Ивановыми, Степановыми, Орловыми и т. д. Когда таковых набралось больше двух десятков, появился соблазн уличить их владельцев в самозванстве.

Сделать это было не трудно. Обследование московского телефонного справочника показало, что "популярные" фамилии, а такими мы с Алексеем Лусниковым сочли те, которые занимают в справочнике не менее страницы, принадлежат только 26% граждан. Все остальные 74% — фамилии "редкие". Следовательно, вероятность случайного проявления русской компании, хотя бы из десятка людей, почти все члены которой носят популярные фамилии, близка к нулю. Таковы выводы бесстрастной теории вероятности, которая давно знает, что нормальный человек не способен назвать не то что случайные фамилии, но даже случайные числа.

Другой непростительный ляп совершили гебисты во время балаганного суда над Ольгой Медведковой. Ну то, что свидетели обвинения немилосердно путали факты, это ладно — они не профессионалы: вызвали трех студентов заштатного ПТУ и сказали им, что так требует родина. Но четыре свидетеля защиты (в том числе и я), показали, что на Ольгу набросились не неизвестные нам люди, а Орлов, Симонов и Казарян. Органы КГБ и МВД Москвы на запрос суда ответили, что в штатах означенных организацией сотрудники с подобными фамилиями вообще не значатся.

Эта ложь прямо-таки взывала к опровержению опять же на основе теории вероятности. Отсутствие людей с такими фамилиями в любой организации с более чем тысячей сотрудников столь же невероятно, как и массовое присутствие — об этом свидетельствует все тот же телефонный справочник.

Несколько слов о милиции. У многих ее сотрудников явственно ощущается ненависть к ГБ. Один дежурный по отделению милиции сказал мне прямо: "Вы же понимаете, я не стал бы вас задерживать ни минуты. Это *они*". Пишу об этом без риска навлечь на дружественного милиционера беду — слишком уж часто меня арестовывали для "проверки паспорта".

Попытки поделиться такого рода соображениями с широкой публикой тоже успеха не имели. Один из западных специалистов объяснил отсутствие интереса к статистике тем, что и без того известно, что ГБ лжет на каждом шагу. Но нас интересовала не этическая окраска этих эпизодов, а интеллектуальная. Видимо, желающих служить в ГБ не так уж много, коль скоро места там достаются таким болванам. А может, туда попа-

дают по блату, чтобы зацепиться в Москве, поближе к гастроному на пл. Дзержинского, где самые лучшие "заказы", где можно получить по талону финскую колбасу? Пусть не отпираются, сам видел, когда однажды блокировку моей квартиры проводили сотрудники с одинаковыми полиэтиленовыми сумками, из которых предательски выглядывала колбаса.

Перед самым отъездом я имел случай убедиться, что НИИ мира продолжает существовать, разрастается и увлекает в Москве многих.

6. Предварительные итоги

Нас часто спрашивают, дала ли наша деятельность хоть какие-то результаты, не было ли это всего лишь сотрясением воздуха? Мне кажется, что каких-то, пусть косвенных, успехов мы добились. Прежде всего, немало значит сам факт существования независимого движения в СССР, где все, даже церковь, подчинено партии. Далее. Движение получило поддержку людей, в которых советское руководство кровно заинтересовано. В итоге не очень многочисленная группа стала заметным элементом международной безопасности. Ее сейчас и уничтожить нельзя, не задев чувствительных струн западной общественности. Именно общественности, а не правительств. Западные правительства пытались выступать в защиту членов группы, но такое заступничество только вызвало приступ ярости.

В советском обществе возник чужеродный "дух соперничества", как его удачно определил Юрий Медведков. Советский комитет защиты мира, столкнувшись с конкуренцией, вынужден был что-то бормотать о проблемах мира, а не ограничиваться ободрением западных мирных движений в надежде, что они заблокируют еще одну американскую базу.

Конечно, председатель комитета Юрий Жуков на такую гибкость не способен. Но его заместитель академик Примаков уже высказался в "ЛГ" в том смысле, что и официальное мирное движение — тоже, дескать, независимое. А поскольку его мнение всегда удивительным образом совпадает с позицией советского правительства, — это уже кое-что.

Узда на советских гражданах явно ослабла — официальное мирное движение стало размножаться делением. Появились отдельные организации врачей, физиков, даже гимнастов. Вроде бы, что с того, разве все они не управляются из одного центра? Управляются, конечно, но за всеми организациями уже не уследишь в деталях. Понятно, войну в Афганистане такое движение не осудит. И все же появляется некий люфт, болтанка.

Меньше стало слышно о советском фонде мира, который объявил едва ли не главной своей задачей поддержку национально-освободительных движений. А помочь им — это всем известно — можно только оружием, бинтами поможет Красный Крест. Однажды даже Ю. Жуков, выступая по телевидению, похвалил инициативу каких-то домохозяек в сочинении собственных мирных воззваний и продемонстрировал подготовленные ими тетрадки с подписями.

Западное мирное движение тоже переживает сейчас сложный этап. Как-то в августе прошлого года я бродил по главной площади кампуса огромного Илинойского университета. Студенты праздновали начало учебного года. Было много самостоятельного: сотни организаций выставили свои столы и предлагали записываться всем желающим. Кого и чего тут только не было! Теннис, моделирование железных дорог, поклонники кошек, гомосексуалисты, лесбиянки — весь свободный мир, нравится он вам или нет. Если нет, пройдите мимо. Не увидел я только "мирников". А когда позвонил по нескольким знакомым телефонам, то узнал, что владельцы их к миру охладели. И напрасно. Они "нужны не только Советскому Союзу", как гласил увиденный мной ехидный

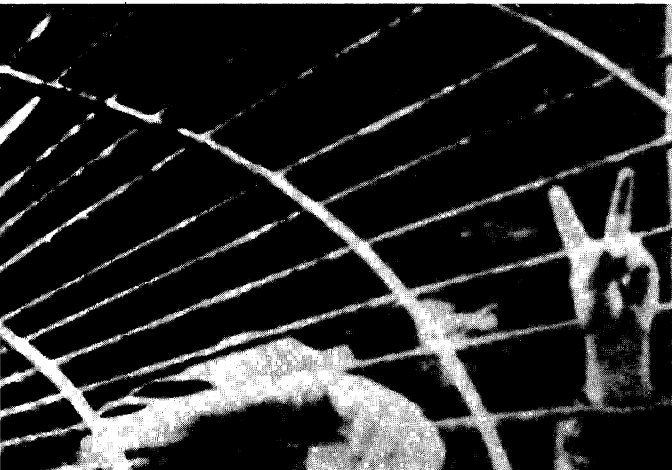
Собрание членов Группы доверия

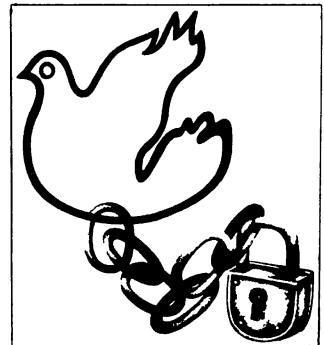
Александр Шатравка

Арест Алексея Лусникова

Сергей Батоврин в психбольнице

Рисунок, сделанный
С.Батовриным в психбольнице

плакат "молодых республиканцев", но и миру — в каком смысле его ни понимаем. Хотя бы уже потому, что без западных пацифистов Московской группе придется трудно.

Не так давно наши западные друзья создали информационную сеть в поддержку группы "Доверие". Надо ли объяснять, насколько это важно. Мы уже привыкли, что западные средства массовой информации при первых признаках "потепления" (например, в период подготовки к встрече Рейган—Горбачев) сразу о нас забывают. Но и в мирные времена в сводке новостей встречаешь такие перлы: "Ночь в Бейруте прошла спокойно, убито всего 14 человек. В Москве был задержан на три часа член группы "Доверие" Александр Рубченко".

Но куда хуже другая крайность. Процесс над В. Бродским по типовому обвинению в хулиганстве прошел почти незамеченным. Хочется верить, что общественная информационная сеть сумеет отличить действительных хулиганов от тех, кто в хулиганстве обвиняется.

Здесь, в Штатах, друзья часто затевают со мной спор. "Неужели ты не видишь, что американская военная мощь, руководимая демократическими и открытыми институтами страны — президентом и Конгрессом, — единственный залог мира. Что стоит ей ослабнуть, лишиться своего устрашающего ореола, и иная мощь, построенная по меркам закрытого общества, развяжет войну, губительную для всего мира, в том числе и для этой второй мощи?" Все это я вижу, как вижу и то, что на стороне социализма тупая сила его пропаганды и контрпропаганды, глушилок и пограничных кордонов, всеобщей воинской обязанности и трудовых повинностей, прописки и запрета на выезд за границу.

И все-таки я убежден, что правительству любой страны не обойтись без контроля уважаемой и представительной общественности. Ее роль на Западе понимают многие. Остается добиться такого же понимания в социалистических странах. Вот почему мы призываем к поддержке Московской группы "Доверие", аналогичных организаций в Венгрии, Чехословакии и Польше. Даже если они смогут лишь оттянуть, а не исключить навсегда ядерную войну, — это тоже немало. Все остальные инстанции не могут сегодня обещать и этого. ●

НОВОГОДНЕЕ ОБРАЩЕНИЕ К СТОРОННИКАМ МИРА

Наступает Новый, 1986 год. Этот год объявлен Организацией Объединенных Наций Международным годом мира.

Что он принесет нам? Хотелось бы назвать этот год Годом надежды. Надежды на то, что политики смогут совместными усилиями уменьшить взрывоопасную напряженность, что мир станет более прочным. Но как бы ни были утешительны результаты советско-американской встречи в Женеве или других возможных в будущем подобных встреч, мы вновь и вновь повторяем: не может быть прочного мира до тех пор, пока политики за закрытыми дверями в Женеве, Москве или Вашингтоне распоряжаются судьбами миллионов. Люди должны иметь право сами распоряжаться судьбами мира, в котором они живут. Для этого должны быть устранены по возможности все барьеры и рогатки, воздвигнутые между народами стран НАТО и Варшавского пакта, необходимо самое решительное увеличение обмена идеями, людьми и информацией. Только при таких условиях возможно устранение недоверия и ненависти и установление действительно прочного мира.

Мы поздравляем всех искренних сторонников мира во всех странах с Новым Годом, Международным годом мира! Но как бы ни переполнялись радостью и надеждой наши сердца в эту новогоднюю ночь, мы призываем не забывать о мирных активистах, которые встречают Международный год мира в лагере, за колючей проволокой. Не забывать о членах московской группы "Доверие" Александре Шатравке и Владимире Бродском, отбывающих наказание по сфабрикованным обвинениям с 1982 и 1985 года соответственно. Не забывать о нашем товарище Дмитрие Аргунове, отказавшемся два месяца назад от военной службы по пацифистским убеждениям и бесследно после этого исчезнувшем, о польских пацифистах Катувльском и Крафте, приговоренных несколько дней назад к тюремному заключению за отказ от военной службы по соображениям совести, о сотнях и тысячах их сверстников, выбравших тюрьму вместо армейской казармы, ибо так велела им совесть.

Помните о всех тех, кто страдает за свою приверженность идеалам любви, мира, свободы и встречает этот Новый год не под звон бокалов, а под громыхание тюремных ключей. ●

БЕЗРАБОТИЦА

Не так давно в газетах промелькнуло сообщение о том, что в связи с перестройкой народного хозяйства в СССР и сокращением рабочих штатов будет уволено 19 миллионов трудящихся. Возможно, тем из них, кто не сумеет вовремя подыскать новое место, будут выплачиваться временные пособия. Должна возрасти роль так называемых бюро по трудоустройству, созданных еще в шестидесятых годах и отчасти напоминающих биржи труда, которые существовали до революции и во времена НЭПа.

Означает ли это, что Советскому Союзу не удалось миновать пути развития, по которому идут другие промышленные страны, и социалистическое плановое хозяйство не может обойтись без "язвы капитализма" — резервной армии труда?

Оговоримся, что безработица в СССР существовала всегда. Этот факт для живущих в стране отнюдь не тайна, хотя статистики безработных не существует (или, во всяком случае, она не публикуется) и любые упоминания о безработице как о социальном явлении строжайше запрещены. Само собой разумеется, лишившимся работы не платят никаких пособий. (Точнее, выплачивается одноразовое выходное пособие и больше ничего.) В конце 60-х годов автор этой статьи провел исследование безработицы в СССР, опираясь главным образом на данные советской печати, и пришел к выводу, что в стране постоянно имеется несколько миллионов безработных различных категорий (см. написанную совместно с проф. А. Швендтке работу "Streiks, Arbeiteraufstände, Entlassungen" в сб.: А. Schwendtkе (Hg.), Arbeiter-Opposition in der Sowjetunion, Reinbek b. Hamburg, 1980).

Но, говоря о безработице в Советском Союзе, мы не хотели бы ограничиться констатацией более или менее банального факта, что и в этой области в СССР дело обстоит "не лучше", чем на Западе. Приглядимся повнимательней, что собственно представляет собой пресловутая язва капиталистического строя.

Подступ к теме

Безработица в странах капитализма — дежурная тема советских газет, радио и телевидения. Армия пропагандистов неустанно разъясняет советскому обывателю, как ужасно жить в странах, где никто не может быть уверен в завтрашнем дне, где каждого трудящегося могут в любую минуту вышвырнуть на улицу и оставить без средств. При этом пресса, для вящей убедительности, широко пользуется цитатами из западных источников: вот, дескать, что они сами пишут, вот факты. Таким образом удается создать в умах людей, не знающих контекста, не знакомых с реальной жизнью на Западе, весьма далекую от действительности картину.

Прежде всего стоило бы напомнить о том, что во всех развитых странах Западе ведется суммарная регистрация незанятости: в число безработных попадают и лица, меняющие работу, независимо от того, как велик перерыв, и те, кто вообще не стремится работать, предпочитая жить на государственное пособие, на иждивении у родственников и друзей и т. п.

Может ли, однако, здоровая экономика вообще обходиться без резервной армии труда? Даже в периоды экономического зстоя открываются новые предприятия, расширяются и модернизируются старые, возникают целые отрасли. Все это требует рабочего пополнения. С другой стороны, закрывают нерентабельные предприятия, прекращается производство товаров, не имеющих спроса, — освободившаяся рабочая сила уходит в резерв. Считается, что в условиях сбалансированной экономики количество трудоспособных, но не работающих граждан должно примерно соответствовать числу незанятых рабочих мест (которые тоже тщательно учитываются). Под безработицей, собственно, подразумевается положение, при котором количество безработных намного превышает наличный спрос на рабочую силу. Обратное соотношение — нехватка рабочих рук — представляет собой не менее болезненный фактор, но с ним бороться легче: на Западе, где границы открыты, рабочих в случае необходимости можно приглашать из одной страны в другую.

Сама по себе безработица, вообще наличная ситуация на рынке труда, может быть оценена отнюдь неоднозначно, и это также не всегда понятно жителю тоталитарного государства: ведь там ко всем социальным явлениям существует однообразный и не допускающий возражений подход. Между тем достаточно перелистать западные газеты, чтобы увидеть, как многообразно освещаются факты, сколько разных, подчас исключаящих друг друга мнений существует в странах многопартийной плюралистической демократии. Профсоюзы используют прессу для борьбы за повышение уровня жизни трудящихся и часто склонны сгущать краски. Союзы работодателей, заинтересованные в "социальном мире", предпочитают с ними не спорить, но доказывают, что чрезмерное повышение заработной платы ведет к разорению предприятий. Столкновение интересов в собственном смысле слова переплетается с борьбой традиций, с многочисленными культурными, политическими, религиозными влияниями, так или иначе затрагивающими сферу социальной жизни. В свою очередь, правительство, выступающее в качестве арбитра, соблюдает большую осторожность в попытках ограничить претензии профсоюзов, ибо хочет сохранить голоса избирателей, большинство которых — все те же трудящиеся.

В каждой стране ведется учет уровня жизни, исчисляется средняя заработная плата, индекс цен, прожиточный минимум. Организации трудящихся — рабочих и служащих — весьма бдительно следят за этими показателями, и едва только работодатели или правительственные органы запаздывают с повышением зарплат, окладов, пособий и пенсий, — бьют тревогу. Газеты начинают пестреть такими словами как "эксплуатация" и "нищета", смысл которых, однако, совсем не тот, который мы привыкли вкладывать в них у себя в СССР.

Например, Германия

Автор этой статьи много лет прожил на Западе, сам был безработным, много занимался проблемой занятости. Чтобы сделать картину нагляднее для читателя на родине, расскажем о безработице в наиболее развитом и богатом государстве современной Западной Европы — Федеративной республике Германии. Напомню, что ФРГ — самая многолюдная из западноевропейских стран (63 млн. чел.), занимающая третье место в мире — после США и Японии — по объему валового национального продукта. Экономически активное население составляет около 44% общего народонаселения страны. Несмотря на постоянный рост промышленной продукции, в Германии в настоящее время числится около двух с половиной миллионов безработных.

С проблемой безработицы как частью "рабочего вопроса" немецкое общество столкнулось еще в минувшем веке. В решении рабочего вопроса германское правитель-

ство использовало британский опыт, ибо Великобритания, как известно, раньше других европейских стран вступила на путь современного промышленного развития. Однако именно Германия стала классической страной рабочего движения, которому мы во многом обязаны социальными завоеваниями, преобразившими облик западного общества.

В первой половине прошлого века в Германии не существовало организованного трудоустройства. Безработным рабочим приходилось ходить с предприятия на предприятие, спрашивая работу. В ту пору весьма распространенной была категория бродячих подмастерьев. Оригиналы, продолжающие эту традицию, сохранились до наших дней. Их можно узнать по одежде: черный бархатный пиджак с серебряными пуговицами, жилет с часовой цепочкой, широкополая шляпа.

Первая частная биржа труда, "Объединение по подысканию рабочих рук и рабочих мест", возникла в столице Саксонского королевства Дрездене в 1840 г. Довольно скоро, однако, трудоустройством занялись новорожденные профсоюзы и союзы работодателей.

Профсоюзы были заинтересованы разместить на предприятиях как можно больше своих членов, используя трудоустройство и как рекламу для вербовки новых членов. Работодатели, в свою очередь, предпочитали принимать на работу не привыкших отстаивать свои права пришельцев из деревни. Профсоюзные активисты, "смутьяны", заносились в черные списки. Трудоустройство использовалось как средство борьбы между профсоюзами и работодателями.

Помощь безработным и их семьям первоначально оказывали церковные и благотворительные организации, а также городские власти. Позднее начала складываться система взаимопомощи в рамках профсоюзного и кооперативного движений. Кое-где были основаны страховые кассы и фонды, в которых работодатели не участвовали. Вместо этого фабриканты выплачивали увольняемым единовременные пособия из специально создаваемых фондов (например, фонд знаменитой фирмы оптических изделий "Карл Цейс" в Йене). Нередко в профсоюзных мероприятиях взаимопомощи участвовал городской совет. В конечном счете рост рабочего движения, борьба профсоюзов с работодателями вынудили городские советы создать собственные службы трудоустройства, недостатком которых, конечно, было то, что они состояли из чиновников, а не специалистов; поэтому муниципалитеты очень быстро перешли к организации трудоустройства на паритетных началах с участием представителей профсоюзов и союзов работодателей. Эти "комиссии по трудоустройству" стали прообразом нынешних *Arbeitsämter* — бирж труда.

Государство занялось проблемами безработицы впервые в 1902 году. Тем не менее во время дебатов в рейхстаге по вопросу о том, не следует ли к другим видам социального страхования (больничное, пенсионное и пр.) прибавить страхование на случай потери работы, это предложение было отвергнуто.

Профсоюзы добивались создания организаций по трудоустройству на прочной законодательной основе. В самом начале Первой мировой войны правительство уступило этим требованиям: при имперском министерстве внутренних дел было учреждено Центральное управление по трудоустройству. Конец войны и массовая демобилизация сделали законодательство о трудоустройстве абсолютно необходимым. Это было тяжелое время экономической депрессии, инфляции, массовой безработицы. Одним из мероприятий нового республиканского правительства был закон о помощи "лицам, не имеющим средств к существованию, которые способны и желают работать". Функции распределения пособий были возложены на муниципалитеты, которые определяли вид и размер помощи продолжительностью не более 26 недель. Финансирование наполовину обеспечивалось государством, наполовину — из средств земель и муниципалитетов. Но такая нагрузка оказывалась не по плечу обедневшим городским властям. Муниципалитеты требовали государственного страхования от безработицы. По новому закону 1922 г.

были созданы общегерманское и земельные управления по трудоустройству с сетью контор по трудоустройству на местах. Частные коммерческие фирмы такого рода были запрещены, но допускались некоммерческие организации. Завершением всего этого процесса стал закон о трудоустройстве и страховании от безработицы, вошедший в силу 1 октября 1927 г.

С этого времени Веймарская республика ввела у себя всеобщее обязательное страхование от безработицы, причем сумма страховых взносов делилась пополам между работодателем и трудящимся, в зависимости от его заработка. Важнейшим элементом этой реформы была замена скромного и ненадежного благотворительного пособия более высокой и гарантированной страховкой в случае потери работы. Управление по трудоустройству платило за безработного и взнос в больничную кассу, который обеспечивал ему и членам его семьи бесплатное медицинское обслуживание.

Мы предприняли этот небольшой экскурс в историю немецкого трудового законодательства, чтобы показать читателю, что реформа 1927 года (которую не сумел отменить даже нацистский режим) не упала с небес, но была результатом длительной и упорной борьбы профсоюзов за права трудящихся. Эта реформа остается основой и ныне действующего законодательства. В компетенцию центрального государственного (но организованного на общественных началах) органа — Федерального управления по труду (Bundesanstalt für Arbeit) включены и мероприятия по предотвращению роста безработицы: профессиональная переподготовка трудящихся, меры по созданию новых рабочих мест, учет и исследование рынка рабочей силы, трудоустройство инвалидов и многое другое.

Что значит быть безработным

Все знают, что безработный получает пособие. На каких условиях и какое именно?

Пособие по безработице высчитывается по весьма сложной и дифференцированной шкале. Оно зависит от семейного положения и от размера взносов в порядке страхования на случай потери работы. Вместе с взносами в счет будущей пенсии и страховкой на случай болезни страхование от безработицы является обязательным для всех работающих (вычеты по трем видам страхования составляют примерно одну пятую номинальной зарплаты). Сумма, которую трудящийся вносит в кассу страхования от безработицы, составляет половину взноса; другую половину выплачивает фирма (работодатель). При исчислении пособия по безработице за основу берется следующий расчет: пособие бездетного безработного — 63% его последней зарплаты, которую он получал после всех вычетов; пособие безработного с детьми — 68% зарплаты, остающейся после вычетов.

Пособие по безработице выплачивается биржей труда (Arbeitsamt) один раз в две недели. Максимальное пособие бездетного безработного — 498 немецких марок в неделю (примерно 2140 в месяц), семейного с детьми — 537 марок (2300 в месяц). Кроме этого Федеральное управление по труду платит за безработного взносы в пенсионный фонд и в больничную кассу, обеспечивая безработному и его семье бесплатное медицинское обслуживание. На детей выплачивается отдельное государственное пособие: на первого ребенка 50 марок в месяц, на второго 100 и т. д.; отец трех детей будет, таким образом, получать дополнительное месячное пособие в размере 300 марок. Существует и ряд других пособий, которые здесь нет возможности рассмотреть подробно.

Мы назвали цифры максимального пособия по безработице. Минимальное назвать трудно, оно может быть совсем небольшим — несколько десятков марок, однако в этом случае к пособию по безработице прибавляется социальное пособие, которое выплачивает отдел социального обеспечения муниципалитета (общины), с тем чтобы общая сумма помощи была не менее 400 марок в месяц. Четыреста немецких марок — это установ-

ленный в ФРГ прожиточный минимум без учета квартирной платы. В этом случае она оплачивается отделом социального обеспечения так же, как и стоимость отопления.

Обязательное пособие по безработице выплачивается в течение одного года, трудящимся старших возрастных групп — до двух лет. После чего, если человек все еще не устроился на работу и не имеет других средств к существованию, ему оказывается так называемая "помощь по безработице" из расчета последней зарплаты. Эта помощь может продолжаться как угодно долго. Если она ниже минимума в 400 марок в месяц, снова подключается отдел социального обеспечения муниципалитета.

К вопросу о нищете

Банковский курс (курс свободного обмена в западных банках) западногерманской марки по отношению к советскому рублю в настоящее время (апрель 1986 г.) — 54 пфеннига (0,54 марки) за 1 рубль. В СССР для приезжающих из ФРГ туристов норма обмена валюты существенно другая: 3 марки 30 пфеннигов за 1 рубль. Столь высокая разница — проще говоря, грабеж — объясняется тем, что немецкая валюта, в отличие от советских денег, является не только конвертируемой (то есть может быть обменена на любые другие деньги), но и одной из самых устойчивых валют в мире: ее охотно принимают во всех странах. Таким образом, немецкий безработный, приехав в СССР, мог бы обменять свое минимальное месячное пособие в 400 марок на 120 рублей. Это соответствует окладу советского "майонеза" — младшего научного сотрудника в научно-исследовательском институте. Безработный с максимальным пособием (2300 марок в месяц) мог бы в СССР обменять его на 700 рублей — это несколько выше зарплаты министра.

Звучит эффектно. Но, конечно, простое сопоставление сумм еще ни о чем не говорит. Важно знать, что можно на эти деньги купить.

Положим, сравнить цены нетрудно, хотя и тут есть много важных нюансов и оговорок. В СССР цены во всех государственных магазинах по всей стране, если не считать незначительных наценок в определенных географических поясах, одинаковы. В Федеративной республике в одном городе и на одной улице в двух разных магазинах цены на одни и те же товары могут изрядно отличаться друг от друга. То и дело устраиваются распродажи по сниженным ценам и т. п. В СССР, чтобы приобрести приличную вещь или мало-мальски сносные продукты, мало иметь деньги в кармане — нужен блат. В Германии никакого блата и никаких знакомств не требуется: в любом магазине вы желанный гость, продавец нуждается в вас не меньше, чем вы в нем. Дефицита в том смысле, какой это слово приобрело в русском языке, не существует. В СССР для приобретения даже товаров первой необходимости приходится ехать из деревни в город, из провинции — в столицу. В Германии в каждом населенном пункте есть магазины, где вы можете приобрести или заказать все необходимое. О качестве и ассортименте товаров и продуктов питания в обеих странах и говорить не приходится: они несопоставимы. Скажем, в немецкой мясной лавке средней руки имеются в продаже десятки, если не сотни, сортов колбасных изделий как местного, так и иностранного производства. Ассортимент сыров исчисляется многими десятками названий. В магазине радиоприемников, в магазинах готового платья, в книжных магазинах даже у привычного человека разбегутся глаза.

Однако оставим все это. Задача нашей статьи — дать представление о положении безработных в ФРГ; ограничимся самыми краткими сведениями о том, что может сделать со своим пособием человек, потерявший работу.

Вот сугубо ориентировочные цены на некоторые товары и услуги в ФРГ (в немецких марках): килограмм сливочного масла — от 8; килограмм мяса — от 6 до 20; кило-

грамм колбасы — от 10; десяток яиц — 1,5—3; обед в дешевом ресторане — 6—7, в ресторане средней руки — 12—15; пачка сигарет — 4, стограммовая пачка курительного табака — 7; билет в кино — 8—9 (впрочем, безработный предпочитает смотреть телевизор); мужской костюм — 200—400; молодежная куртка — от 50 до 150; пара обуви — 50—100; цветной телевизор — от 600; автомобиль "Жигули" (новый) — 11000, хотя в магазинах фирмы, торгующей этими машинами, вам отдадут его за полцены; автомобиль "Мерседес-190" (новый) — 35000; двухнедельный отдых на юге Европы с полным содержанием, включая проезд, — от 1200.

Что можно купить на прожиточный минимум 400 марок? 50 кг масла, 65 кг мяса, от 200 до 400 кг хлеба, 250 кг сахара, 40 бутылок водки или дешевого коньяку, 100—130 литров недорогого, но вполне приличного французского, итальянского или испанского вина, 500 бутылок пива, один или два двухкассетных радиомagneфона, 35—40 рубашек.

Почитайте: вдруг пригодится?

В прошлом году Союз немецких профсоюзов выпустил брошюру под названием "88 советов безработному". Речь идет о некоторых дополнительных льготах, цель которых — облегчить положение безработного. Вот некоторые из них.

Лицам, заболевшим в то время, когда они не имеют работы, срок выплаты пособия по безработице удлиняется; если же биржа труда прекратила выплату пособия, остается возможность получать деньги по больничному листу. Биржа труда оплачивает расходы по поискам работы — транспортные и почтовые, а также стоимость копирования документов.

Правом на социальную помощь от муниципалитета пользуются и те, у кого на банковском счету находится до 2 тыс. марок.

Увольняющиеся по собственному желанию почти всегда имеют право на пособие по безработице, ибо уход по собственному желанию основан, как правило, на уважительной причине.

Безработный трудящийся имеет право не согласиться на предложенную ему работу, если она ниже по оплате и квалификации, чем его прежняя работа, или если место работы находится далеко от его дома. Безработному предоставлено также право на оплачиваемый отпуск, другими словами, во время отпуска продолжается выплата пособия. Он должен лишь при отъезде поставить об этом в известность биржу труда.

Отделы социального обеспечения муниципалитетов выделяют нуждающимся безработным средства на покупку мебели и зимней одежды.

Все граждане с низкими доходами имеют право на государственную дотацию для оплаты квартиры.

Безработные молодые люди до 21 года имеют право также и на детское пособие, если почему-либо это пособие на них не получают их родители.

Во многих городах безработным предоставляются удешевленные билеты для пользования общественным транспортом.

Безработные могут получить освобождение от платы за радио и телевидение, от налога на бесплатные лекарства в аптеках, не должны платить за пребывание детей в детском саду, вносят телефонную плату по сниженному тарифу.

Безработным обеспечивается переучивание и повышение квалификации на курсах, оплачиваемых биржей труда.

Несколько слов напоследок

Мы не собираемся убеждать читателей, что безработица — это синоним райской жизни. Но еще дальше от действительности картина, которую рисуют перед советскими гражданами газеты, телевидение, лекторы и пропагандисты в СССР. Не зря советская власть не выпускает своих граждан "за бугор". Ведь тогда они увидели бы собственными глазами, что все, чем их пугают или утешают, — ложь.

Конечно, безработица — не только экономическая проблема. Это и проблема социального самочувствия. Нужно, однако, признать, что положение безработных в Федеративной республике Германии за последние десятилетия заметно улучшилось не только в правовом и экономическом смысле (об этом говорилось выше), но и психологически.

Отпала неприятная, долгая и скучная процедура регистрации и получения пособий. Больше не нужно, как это было в пятидесятых годах, дважды в неделю отмечаться в местном отделении биржи труда, теряя полдня, а потом еще стоять в очереди у кассы за еженедельным пособием. Сейчас процедура предельно упрощена.

Получив документы после увольнения с предприятия, безработный сдает их в местное отделение биржи труда. Его ставят на учет и делают для него заявку на пособие. Так как вычисление размеров пособия и разрешение в Федеральном управлении труда длится месяц, а то и полтора, безработный имеет право на аванс (впрочем, этим правом мало кто пользуется). Далее пособие автоматически поступает два раза в месяц на личный счет в банке. (В западных странах практически каждый человек имеет свой банковский счет).

Вежливый чиновник беседует с безработным — это занимает несколько минут, — чтобы напомнить ему, что хотя биржа труда и будет всемерно стараться подыскать ему подходящую работу, в его интересах параллельно искать ее самому. После чего назначается следующее свидание — обычно раз в три месяца, пока не подвернется рабочее место.

Хотя формально, согласно уставу, главной задачей Управления по труду продолжает оставаться трудоустройство, фактически безработные этой услугой почти не пользуются, ибо считается, что подходящую работу легче найти самому. Работодатели хотя и делают бирже труда заявки на рабочую силу, предпочитают тоже в первую очередь принимать на работу тех, кто обратился к ним лично или был кем-нибудь рекомендован.

Чтобы найти работу, не надо обивать пороги, необязательно обходить все предприятия, как это приходилось делать в прошлом веке (и как это принято до сих пор в СССР). Обычно просматривают объявления в газетах или дают объявления сами (это стоит недорого), пишут письма, звонят по телефону и, разумеется, пользуются рекомендациями друзей, знакомых, бывших сослуживцев.

Сошлюсь еще раз на собственный опыт. Высокие заработки, независимость, которую они дают, престиж, которым вообще окружена всякая работа на Западе, — все это заставляет людей иначе относиться к труду, чем в СССР, где в сознание многих миллионов, если не большинства трудящихся, прочно впечаталось знаменитое правило: где бы ни работать, лишь бы не работать. Но я должен сказать, что при достаточном пособии и отсутствии страха за будущее оказаться один или два раза в жизни на положении безработного — отнюдь не трагедия. Можно отдохнуть, набраться сил, использовать свободное время для устройства домашнего очага, заняться любимым "хобби" или пополнить образование. Автору этих строк, пожалуй, особенно повезло: годы безработицы оказались для него даже самым счастливым периодом жизни, не только помогли набраться сил и подготовиться к новой работе, но и дали возможность заняться свободной творческой деятельностью, а также попросту отдохнуть. Впрочем, психология безработицы, отнюдь не выдуманные страдания, которые она причиняет, — это уже особая тема, выходящая за рамки нашего по необходимости краткого обзора. ●

ЧЕЛОВЕК БЕЗ МЕСТА

У них и у нас

Проблема безработицы — главная и наиболее болезненная проблема для всех развитых демократических стран сегодняшнего мира. Она — в центре всех межпартийных схваток и программ, о ней без устали говорят и спорят в газетах, по радио и на телевидении. Специально созданные институты занимаются демокопическими исследованиями, регулярно публикуются статистические данные и прогнозы на будущее. Скажут устрашающие цифры: США — 8! 9! 10 миллионов безработных! Англия — 3,5! ФРГ — свыше двух миллионов! Весь западный мир выглядит изъеденным проказой безработицы.

Огромный эмоциональный накал вокруг проблемы безработицы весьма на руку советской пропаганде. Безработица на Западе — наиболее действенный жупел для советского человека. Нет почти ни одной статьи о жизни в капиталистических странах, где бы проблема безработицы не выдвигалась на первый план. Даже мало-мальски объективный показ зарубежной жизни обязательно уравнивается демонстрацией ужасов безработицы — отчаянию отцов семейств, хмурые лица в коридорах "трудоустраивающих" учреждений, растущая преступность среди безработной молодежи, унижительная тарелка бесплатного супа за счет Армии Спасения...

Насколько эта мрачная картина соответствует действительности? На самом ли деле безработица — некая незаживающая и даже, более того, все углубляющаяся язва западного мира, мира демократии и свободной рыночной экономики? Настолько ли страшна эта болезнь, что "простой советский человек" может утверждать и порой совершенно искренне, что он предпочел бы жить беднее, но быть уверенным в своем завтрашнем дне, не страшиться перспективы потерять работу и перестать ощущать себя кормильцем семьи и полезным членом общества?

Да, проблема безработицы в развитых странах серьезна и многогранна. Но при этом она в корне извращена коммунистической пропагандой, сознательно утрирована и фальсифицирована. Советские социологи и экономисты не делают даже попытки проанализировать проблему в разных аспектах — экономическом, социальном, психологическом. Проблема безработицы используется для очернения "бесчеловечной капиталистической системы", чтобы запугать советского человека и действительными трудностями, и мнимыми ужасами, чтобы отвлечь внимание от пороков своей собственной экономической системы, своей практики хозяйствования.

Все ли безработные хотят работать?

Прежде всего следует поставить под вопрос саму статистику безработицы. Разумеется, формально публикуемая статистика законна и с фактической стороны данные безупречны. Вопрос, однако, в том, кого же следует считать безработным?

По советским меркам многие западные граждане, получающие пособия по безработице, должны быть зачислены в тунеядцы, злостно уклоняющиеся от общественнополезного труда, в захребетники, живущие за счет честных и трудолюбивых граждан. И это — не преувеличение. Посмотрим хотя бы на практику выдачи пособий по безработице. По закону, безработный имеет право несколько раз отказаться от предлагаемой ему работы (число допустимых отказов зависит от страны, но это не меняет сути дела), не те-

ряя при этом права на получение пособия. Инструкциями оговорено, кому, в каких случаях и какую работу могут предлагать местные бюро по трудоустройству. Оговорены и условия, при которых безработный имеет право отклонить не подходящее ему предложение.

Сегодняшний безработный в странах Запада, особенно в наиболее благополучных странах, — это не бесправный проситель, готовый на что угодно, а человек, который имеет право выбирать и отказываться, полноправный партнер государственной службы трудоустройства.

Западные социологи говорят уже о целых категориях граждан, которые либо вообще не желают менять свое пособие по безработице на какую-либо работу, либо согласны на это лишь при строго определенных условиях. Вот лишь некоторые из них.

1. Жены работающих мужей, которые ищут занятости на полдня. Полный день они работать не согласны, им это не нужно.

2. Жены работающих мужей, которые вообще никакой работы не хотят — ни на полный день, ни на полдня. Нередко для предупреждения "риска" предоставления ей работы безработная указывает в анкете, что она именно теперь нуждается в работе, так как они с мужем пришли к решению рожать еще одного ребенка... При нынешних социальных гарантиях для беременных и кормящих матерей мало, разумеется, шансов на то, что какая-то фирма захочет взять на себя новое добровольное бремя.

3. Специалисты, потерявшие высокооплачиваемые должности. В течение ряда месяцев им платят высокое пособие по безработице, и им нет смысла менять его на рядовую зарплату.

4. Многие бездетные или бессемейные мужчины, которые пришли к выводу, что им нет смысла "портить себе день" ради разницы между фактической зарплатой и пособием по безработице. Из-за высоких прогрессивных налогов современного социального государства (а из чего же платить те же пособия по безработице?) стимул к тому, чтобы зарабатывать как можно больше, а иногда и стимул для работы вообще становится все меньше и меньше.

5. Люди, которые имеют возможность зарабатывать "по-черному", втайне от налогового управления, с ненормированным рабочим днем. Некоторые такие "безработные" работают в одном месте, а получают пособие в другом. Пособие по безработице плюс заработок, пусть даже неполный, но зато без всяких вычетов — это намного превышает даже высокую зарплату хорошего специалиста.

6. Иногда те, чья специальность стала прочно "безработной", упорно отказываются переучиваться, хотя государство берет на себя львиную долю расходов по переобучению. Особенно это относится к тем, у которых второй супруг имеет постоянную работу либо побочный заработок.

Разумеется, эти категории весьма условны. Варианты использования гуманных сторон системы социального страхования в развитых странах Запада очень разнообразны и с трудом поддаются классификации. Чем выше производственно-организационный уровень данной страны, тем мягче и благосклоннее, как правило, условия социального страхования. Определенную роль играют и особенности национального характера.

Длительный период высокой безработицы в середине 80-х годов привел к тому, что в ряде стран был продлен срок выдачи пособий по безработице. Естественно, это потребовало увеличения страхового фонда, а следовательно, и увеличения отчислений из зарплаты. Это, в свою очередь, еще больше снизило стимул к высоким заработкам и увеличило стремление использовать неизбежные "прорехи" социального страхования в корыстных целях. Создался своего рода порочный круг.

Сегодняшняя массовая безработица на Западе в корне отличается от безработицы в периоды экономических кризисов 1920—1930-х гг. Сегодня не увидишь на улице человека с плакатом "Ищу любую работу!". Сегодня редко кто ищет л ю б у ю работу за л ю б у ю зарплату. Общество научилось регулировать свои кризисные ситуации, иногда даже перегибая палку в другую сторону.

Катализатор общественных бед

Что касается передовых стран, то основной порок безработицы видится отнюдь не в том, что страна не использует полностью все свои трудовые ресурсы. Для чего — чтобы еще больше производить? Современное "общество потребления" и так захлебывается в изобилии вещей, которые человеку фактически не нужны. Его материальные потребности во многом искусственно (и искусно!) взвинчиваются. Поэтому тормоз безработицы как бы показывает необходимость снизить скорость "прогресса". Да, прогресс в каких-то случаях справедливо приобретает кавычки...

Беда не в самой безработице, то есть в недоиспользовании трудового потенциала страны. Безработица, особенно в результате своего стрессового, приливного характера, обостряет сопутствующие социальные национально-этнические проблемы. Безработица усиливает напряженность между различными социальными группами, между партиями, между руководителями производства и работающими по найму, между промышленниками и профсоюзами. Она уменьшает возможность солидарного сотрудничества и успешного поиска компромиссов.

Эта вредная роль безработицы хорошо видна на примере иностранных рабочих в развитых странах Европы. Когда экономика страны на подъеме и рабочих рук не хватает, широко распахиваются двери для малоквалифицированной рабочей силы из слабо развитых стран. Постепенно в отдельных отраслях производства и сферы обслуживания накапливается большой процент иностранных рабочих, "гастарбайтеров". Особенно это заметно на тяжелых, грязных, непрестижных работах.

Пока все идет хорошо, обе стороны довольны, во всяком случае, конфликтность ситуации остается под спудом. Приобретать зримые и грозные формы конфликт начинает по мере замедления экономического роста, наступления кризисных явлений. Тогда безработица автоматически возрастает, ее "хрипы" в государственном организме слышнее и болезненнее. Это сразу же сказывается на взаимоотношениях между основным населением страны и иностранными рабочими. Чем сильнее безработица, тем больше широкими массами овладевает ощущение, что "эти иностранцы отнимают у нас наши законные рабочие места". А те из них, кто потерял работу, "живут на нашем социальном обеспечении". Логические возражения и объяснения помогают мало. Ксенофобия — чувство иррациональное.

В периоды стойкой повышенной безработицы в развитых странах Европы усиливаются крайне националистические, шовинистические группировки и партии. В стране усугубляется политическая поляризация со всеми ее отрицательными последствиями. Под давлением таких настроений любое, самое демократическое и либеральное правительство вынуждено принимать меры по сокращению иностранной рабочей силы. Труднее выдаются разрешения на работу, ограничиваются визы на въезд родственникам иностранных рабочих, предпочтение в приеме на свободные места отдается безработным "аборигенам". Выдвигаются даже различные социальные программы, стимулирующие отъезд к себе на родину иностранных рабочих, оставшихся без работы. В традиционных странах иммиграции (США, Канада, Австралия) уже давно существует практика иммиграционных квот, позволяющая законодательным путем регулировать приток иммигрантов в зависимости от экономического состояния страны на данный момент. Европейские страны с наиболее гуманным и либеральным законодательством в вопросе предоставления политического убежища и прав на жительство, такие, как ФРГ, Франция, Швеция, Дания, Австрия, Бельгия и др., испытывают сильный наплыв беглецов из тоталитарных и авторитарных стран. И сегодня, в середине 80-х годов, мы наблюдаем, как эти демократические страны, одна за другой, законодательно и конституционно ужесточают "правила приема". Повышенный уровень безработицы стал основным препятствием в благородной практике приема беженцев. В самом деле, что делать с желающими получить политическое убежище? Предоставлять им одновременно право на работу — означает отбирать вакантные рабочие места у "своих" граждан, усиливать их недовольство и ксенофобные настроения. Предоставлять политическое убежище без права на работу — значит создавать дополнительную нагрузку на государственное социальное обеспечение.

Бастионы национального эгоизма — стойкие бастионы. Пробить их пропагандой общемировых гуманно-либеральных концепций чрезвычайно непросто. И это особенно ощущается, когда данная страна переживает экономические трудности. Степень этих трудностей в сравнении с проблемами тоталитарных стран играет малую роль. Важно психологическое восприятие людей, затронутых трудностями. Свой грипп переживается болезненнее, чем чужая лейкемия.

Что могут правительства?

Создается довольно противоречивая картина. С одной стороны, кризис безработицы искусственно драматизируется. Общественное мнение развитых стран как бы забывает о том, что сегодняшшний безработный зачастую обладает большим материальным достатком, чем его напряженно работавший коллега еще 40—50 лет назад, или чем его коллеги из коммунистических стран, работающие полную рабочую неделю. С другой стороны, безработица резко обостряет общественные конфликты.

Все большее число людей и групп на Западе призывает к тому, чтобы смягчить эти противоречия "сверху". Правительства должны осуществлять меры по снижению безработицы. Почему нельзя поделить работу более равномерно, чтобы имеющие работу работали немного меньше, но зато чтобы стало меньше безработных? Почему нельзя снизить среднюю продолжительность рабочей недели, существенно сократив тем самым безработицу?

В странах свободной рыночной экономики именно это в общем-то и происходит. За последние десятилетия средняя продолжительность рабочей недели сильно сократилась. Еще в начале XX века профсоюзы боролись за 8-часовой рабочий день, то есть за 48-часовую рабочую неделю. А сегодня в развитых странах Европы и Северной Америки на повестку дня встал вопрос о массовом переходе на 35-часовую рабочую неделю.

Существенно увеличилась также длительность отпусков. В ФРГ, например, большинство рабочих имеют 30 отпускных рабочих дней в год, то есть 6 полных недель. Число праздничных дней в большинстве демократических стран тоже насчитывает до двух недель в году.

Однако опыт показывает, что правительства отнюдь не всемогущи. Если бы правительства стран, страдающих от безработицы, попытались в законодательном порядке повысить занятость населения, уменьшив для этого среднюю продолжительность рабочей недели, то это не только не дало бы желаемого результата, но во многих случаях могло бы вызвать обратный эффект. Сегодняшняя мировая экономика, свободная рыночная система в целом — это сложный организм со всевозможными внутренними переплетениями и взаимозависимостями. Экономика любой страны сегодня весьма существенно зависит от соотношения экспорта и импорта. Сокращение средней рабочей недели (разумеется, без соответствующего сокращения зарплаты, но на это никто не согласится) не может не привести к повышению себестоимости изделий и потере конкурентоспособности по отношению к больше и дешевле работающим соседям.

Улучшится ли положение с безработицей, например в Испании, если там будут приняты законы о сокращении средней недельной занятости? Сейчас в Испании примерно 2,5 млн. безработных. В соседней Франции примерно столько же, но уровень промышленно-технологического развития этой страны много выше. Свои экспортные позиции Испания может отстаивать только за счет более дешевого труда, а следовательно, более дешевой продукции. Пойди Испания на существенное сокращение рабочей недели, это резко урезало бы ее возможности экспорта, даже в области дешевой сельскохозяйственной продукции. В результате же — потеря конкурентоспособности, разорение многих фирм и опять увеличение безработицы, может быть, еще в большей степени. Не может себе позволить такого общенационального метода борьбы с безработицей и Франция. Она и без того проигрывает конкурентную борьбу своим заокеанским и европейским партнерам, например, ФРГ.

Может быть, ФРГ, самая развитая из европейских стран, должна стать пионером сокращения рабочей недели и перераспределения занятости? Какие-то шаги в этом направ-

лении под давлением профсоюзов ФРГ делает. Но страна благоденствует главным образом благодаря экспорту промышленной продукции. Она не может здесь давать большую фору своим конкурентам, в первую очередь, такому агрессивному мировому экспортеру, как Япония. И без того эта фора весьма велика. В ФРГ все металлисты уже перешли на 38,5-часовую рабочую неделю, профсоюзы ведут упорную борьбу за установление в ближайшие годы 35-часовой рабочей недели во всех отраслях народного хозяйства. В Японии же повсюду — 40-часовая рабочая неделя, а на ряде мелких предприятиях даже выше. Многие западногерманские трудящиеся с большим стажем работы имеют отпуск до 30 рабочих дней в году. В Японии средний годовой отпуск почти вдвое меньше. Производительность труда японского рабочего выше, как много выше и автоматизация труда. В то же время среднечасовая зарплата в этих двух странах примерно одинакова. Зато в ФРГ почти в 3 раза выше социальные расходы по пенсиям и больничному страхованию. Совершенно очевидно, что при таких условиях для ФРГ пойти на еще большее сокращение средней продолжительности рабочего дня (без эквивалентного сокращения его оплаты) — значит существенно подорвать свои экспортные возможности.

Япония тоже не в безвоздушном пространстве живет. Из-за ее спины уже выглядывают другие "догоняющие" страны Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг, Малайзия и др.). Они только и ждут, чтобы их общепризнанный дальневосточный лидер сбавил темпы...

Ускоритель будущих изменений

Правительства не могут больше, чем они могут. И тем не менее, заметные изменения в средней продолжительности рабочей недели и в перераспределении занятости уже происходят и будут, несомненно, происходить в будущем. Безработица как глобальное социально-экономическое явление заставляет людей вольно или невольно тормозить галопирующий рост своих потребностей, больше обращать внимания на надежность и устойчивость жизненного уровня, а не на быстроту его роста, заставляет общество активнее заниматься более справедливым перераспределением труда и занятости, реагировать на нужды слабых социальных групп населения. В своей практической деятельности правительства демократических стран не могут не учитывать этих изменений общественного сознания. Борьба с безработицей на правительственном уровне идет все время, а в перспективе она наверняка усилится. Наступление на этого главного врага современного развитого общества будет идти, как это видят специалисты-футурологи, по четырем основным направлениям.

1. Сокращение средней продолжительности рабочей недели. Барьеры национального эгоизма будут медленно преодолеваются. Уже имеющиеся "прорывы фронта" — 39-часовая рабочая неделя во Франции, 38,5-часовая рабочая неделя западногерманских металлистов — характерные, но не единственные примеры этого, уже начавшегося процесса.

2. Более гибкие условия коллективных договоров — как в отношении продолжительности рабочего дня, так и в отношении минимального возраста выхода на пенсию. Растет количество фирм, которые не возражают против заполнения одного рабочего места двумя работниками при трудовой норме в 4—6 часов в день. Это особенно устраивает семейных женщин. В ряде стран также разрабатываются системы досрочного (в 57—58 лет) выхода на пенсию — при согласии самого работника на неполный размер пенсии. Эти меры в общей сложности могут высвободить миллионы рабочих мест по всем высокоразвитым странам.

3. Законодательное запрещение сверхурочных работ при наличии в стране высокого процента безработных. Социальные обязательства предприятия по отношению к каждому принятому на работу сегодня настолько велики, что предприятие старается брать новых работников лишь тогда, когда твердо уверено в рыночной конъюнктуре. В условиях неустойчивой конъюнктуры оно предпочитает переплачивать сверхурочные уже работающим, чем нанимать новых работников. Методом законодательного давления на фирмы правительства здесь тоже могут добиться более равномерного распределения занятости, а следовательно, и сокращения безработицы.

4. Образование сотен тысяч и миллионов рабочих мест в сфере охраны окружающей среды. Речь идет о создании замкнутых очистных циклов, о более чистых газах сгорания и сточных водах, об обязательной установке на автомобилях катализаторов для разложения выхлопных газов, о химической и биологической очистке рек и других водоемов и т. д. Все это — "непроизводительные" расходы, которые ничего материального потребителю не принесут. Наоборот, он должен через налоговую систему оплатить эти производства. В обмен будет получено "лишь" на первый взгляд незаметное улучшение среды обитания. Фактически же это приведет к улучшению качества жизни последующих поколений. Но высокоразвитые демократические страны уже вполне созрели для подобных жертв, созрели как по уровню материального производства, так и по уровню сознания большинства населения.

Таким образом, сегодняшняя безработица в западных странах имеет и ряд положительных элементов. Она заставляет общественное мнение задумываться над перспективами развития, искать новые соотношения между мощью материального производства, охраной окружающей среды и более равномерным и справедливым распределением занятости.

Безработица без пособий

Расписывая ужасы безработицы в странах свободной рыночной экономики, советская пропаганда противопоставляет ей "неотъемлемое право каждого гражданина СССР на труд". Ничто так часто не подчеркивается, как уверенность советского человека в завтрашнем дне. Нужно признать, что, пожалуй, ни одно из стандартных пропагандных клише так не действует на рядового гражданина, как это. "Пусть мы живем беднее и хуже, зато у нас нет страха перед завтрашним днем", — вот мнение многих простых советских людей.

Можно было бы, конечно, на это возразить, что еще более уверены в своем завтрашнем дне заключенные тюрем и лагерей: причитающуюся им пайку они получают во всех случаях... Однако дело не только в этом. Пропаганда тем и отличается от реального трезвого анализа, что она грубо подтасовывает факты и умело использует психологические и общественные комплексы и страхи.

Усиленно распространяемое советской пропагандой мнение, что в СССР никакой безработицы нет, просто не соответствует действительности. Она есть, и не какая-то там скрытая, завуалированная, а самая обыкновенная. И существуй в Советском Союзе пособия по безработице и соответствующая официальная статистика, СССР наверняка не занимал бы последнего места по числу безработных.

Да, в целом по стране постоянно не хватает рабочих рук, да, всегда требуются рабочие — станочники, разнорабочие, грузчики, вообще работники физического, черного, непрестижного труда. Но ведь это не означает, что безработицы нет. В развитых странах Запада даже в периоды высокого прилива безработицы существует спрос на целый ряд непрестижных, непопулярных профессий. Охотников на них мало, и места заполняются главным образом приезжими рабочими из слаборазвитых стран. Однако на Западе это не служит основанием не выплачивать пособий по безработице.

Чрезвычайно неодинаково в СССР порайонное распределение занятости. При общем по стране дефиците рабочих рук, особенно в сфере физического труда, есть географические районы (в Средней Азии, Молдавии, Западной Украине и др.), где, наоборот, работы не хватает. Здесь — большая плотность и высокий прирост населения, и как правило, относительно слабо развита промышленность, в недостатке природные ресурсы и полезные ископаемые. Однако безработица и в этих районах официально не признается. Хотите работать? Пожалуйста, поезжайте на стройки Сибири и Дальнего Востока, завербуйте на лесозаготовки или в старательские артели, создайте бригады шабашников для обслуживания дальних колхозов и строек.

Можно себе представить, насколько сократилось бы официальное количество безработных в странах Запада, если бы подобная альтернатива служила основанием не считать человека безработным! Здесь, если государственное учреждение по трудоустройству предлагает работу в радиусе более 100 км, у безработного есть полное право от такого предложения отказаться — далеко! А ведь человек на Западе не связан пропиской

по месту жительства и гораздо менее связан жильем: квартиру в принципе можно снять в любом месте, были бы деньги, то есть работа.

В Советском Союзе существует еще один род безработицы, не имеющий аналога на Западе. Речь идет о временном состоянии незанятости, когда человек уволился с одного места, но еще не поступил на другое. Такое состояние на практике затягивается порой на долгие недели и месяцы.

В большинстве стран рыночной экономики такого положения практически не бывает. Здесь между оформляющимся по найму и работодателем (фирмой или государством) заключается письменный договор, в котором среди прочего оговорен и порядок увольнения или добровольного ухода с работы. Обе стороны обязаны в этом случае предупредить друг друга за строго определенное число недель. Это чрезвычайно дисциплинирует не только порядок увольнения, но и прием на новую работу. Работающий по найму точно знает, когда он сможет заступить на новое место, а фирма точно знает, с какого числа она может рассчитывать на нового работника. Промежуточного состояния вынужденного безделья фактически не существует.

Рабочий или служащий в СССР нередко увольняется, не подготовив себе место на другом предприятии. Увольняется под влиянием эмоций, в результате ссоры с начальством, повторяя извечное: "На эти деньги я работу всегда найду!". Но находит ее не так быстро, иногда его поиски затягиваются на месяцы. На Западе, даже уволившись по собственному желанию, он бы уже через месяц получал пособие по безработице. В СССР он, естественно, не получает ничего, сбережений у рядового труженика тоже, как правило, немного. Под финансовым давлением человек вынужден хвататься за первое, что подвернется под руку. Это, конечно, создает хорошую предпосылку для быстрого увольнения вновь.

Статистической оценки общего количества таких "промежуточных" безработных в стране нет. Можно только предположить, что это приводит к потере миллионов рабочих дней в год. Людей, часто меняющих работу, в советских газетах любят называть летунами. Но никто не пишет о безответственном способе найма на работу, присущем советской трудовой практике. Система не воспитывает уважения к рабочей должности ни у руководителя предприятия, ни у самого работника.

Мусор заматывается под ковер

Особенно интересно рассмотреть безработицу среди специалистов, в первую очередь среди окончивших высшие учебные заведения. Это тем более интересно, что и в Советском Союзе, и почти во всех развитых странах Западе динамика высшего образования обнаруживает схожие тенденции.

Молодежь во всех странах мира все больше стремится получить специализированное высшее образование. Ее не останавливают трудности и лишения, которые нужно преодолеть на пути к получению диплома. Считается общепризнанным, что лишь институт или университет открывают путь к интересной, творческой деятельности, к возможности сделать карьеру. Как в СССР и других социалистических странах Восточной Европы, так и в развитых демократических странах социальная структура общества все больше насыщается специалистами с высшим гуманитарным либо техническим образованием. Во многих странах этот процесс идет столь интенсивно, что уже возникло серьезное нарушение равновесия в результате излишнего, с точки зрения общества, количества специалистов с дипломами. На образование их затрачено много сил и средств (как своих, так и общественных), но специалисты эти зачастую не находят себе оптимального применения либо остаются без применения вообще.

Но тут сходство и заканчивается. Две социально-экономические системы демонстрируют совершенно разные блокирующие механизмы, предупреждающие безудержный рост числа специалистов с высшим образованием. Собственно, о наличии такого блокирующего механизма можно говорить лишь в отношении системы рыночной экономики.

Жизненный опыт показывает, что единственно действенная блокировка — это безработица молодых специалистов. Как только избыток специалистов тех или иных профес-

сий на рынке труда становится очевидным, западные средства массовой информации со свойственными им эмоциональными перехлестами сообщают своим молодым читателям и слушателям, что найти работу в таких-то профессиональных областях им будет чрезвычайно трудно. "80% социологов работают не по специальности!", "Юристы продают обувь в магазинах!", "Филологи вынуждены переучиваться!", "Женщины-хирурги годами не могут получить хоть какого-то места!" — подобными заголовками пестрят газеты и журналы. Тревожные перспективы трудоустройства молодых специалистов в настоящем и будущем обсуждаются на разных форумах, эти обсуждения транслируются по радио и телевидению.

Общественный резонанс получается быстрый и действенный. Молодой абитуриент серьезно задумывается, прежде чем подать свои документы в тот институт, по окончании которого у него мало шансов найти работу.

Практика показала, что никакие другие ограничительные барьеры: жесткий отбор по школьным оценкам, ликвидация студенческих стипендий или даже установление довольно высокой платы за обучение — не служат для молодежи серьезным препятствием. Оценочные требования преодолеваются упорством и настойчивостью, финансовые — помощью родителей и собственными приработками. А вот перспектива остаться с данной специальностью без работы, мыкаться потом неудачником — эта перспектива действует отрезвляюще. Безработица оказывается наиболее надежным регулятором, предохраняющим общество от расточительных и не нужных ему диспропорций.

Совсем иначе обстоит дело в Советском Союзе, где этого регулятора нет принципиально. Все новые порции молодых специалистов выпускаются безостановочно и не снижая темпов, без всякой оглядки на вопрос: а нужны ли они в таком количестве народному хозяйству?

Перепроизводство молодых специалистов в отдельных отраслях начало проявляться еще 25—30 лет назад. Уже 15—20 лет назад в газетах стали появляться статьи, показывающие, что стране не нужно выпускать, к примеру, инженеров в таком количестве, что промышленность все равно не может это количество поглотить и использует инженеров лишь формально, с весьма малым КПД. Но ровным счетом ничего не менялось. Наступление на здравый смысл велось тремя сомкнутыми колоннами: дневным, вечерним и заочным высшим образованием. Инженеры всевозможных профилей штамповались в неумещающемся количестве. В результате сегодня СССР насчитывает 3 млн. инженеров, то есть в 4 раза больше, чем США, — при существенно более низком уровне промышленного развития. В СССР людей, занятых ручным, немеханизированным трудом, в 4 раза больше, чем в США. В чем же смысл такого количества инженеров в советском народном хозяйстве?

Ничего удивительного, что престиж звания инженера в стране необычно низок и все время падает. Среднестатистический инженер зарабатывает ниже среднего по стране уровня, его заработок намного ниже, чем средний заработок квалифицированного рабочего. Сейчас на страницах советской прессы стали довольно много рассуждать о том, как же исправить существующее положение. Но что можно сделать, если болезнь диспропорций и все сопутствующие явления зашли так далеко? Прекратить выпуск инженеров на несколько лет?

Зато избыточное количество всевозможных инженеров создает хорошие предпосылки для организации все новых и новых институтов, бюро, филиалов и т. д. Всегда есть номенклатурные руководители, желающие такие учреждения возглавлять. Руководить ими намного легче и приятнее, чем предприятиями, навьюченными конкретным государственным планом. А какой в этом толк для государства, для общества? Предоставим слово генеральному секретарю ЦК КПСС М. Горбачеву:

"Государство несет огромные затраты на содержание отраслевых научных и технических организаций. Здесь сосредоточено более половины ученых страны, сюда направляются около 90% всех ассигнований на исследования и разработки. В подчинении только промышленных министерств — сотни научно-исследовательских учреждений, проектно-технологических и конструкторских организаций. Конечные результаты деятельности многих из них, выраженные в научно-техническом облике отрасли, весьма низки". (Запись доклада М. Горбачева "Коренной вопрос экономической политики партии" на

совещании в ЦК КПСС 11 июня 1985 г., в передаче по радио. В тексте доклада, опубликованном советскими газетами, этот абзац переделан и смягчен.)

Зато все при деле, безработицы нет, сколько специалистов ни штампуй!

Не только количество инженеров растет в СССР такими бурными темпами. Сейчас в СССР насчитывается более 1,1 млн. врачей — почти в 3 раза больше, чем практикующих врачей в США. Пропагандисты чрезвычайно гордятся этим фактом, выставляя его как показатель успехов социалистического здравоохранения. Но гордиться тут нечем. Одно лишь количество врачей отнюдь не определяет уровень здравоохранения в стране. После достижения какой-то оптимальной цифры простой рост числа врачей ничего не улучшает. Функционирование всей системы медицинского обслуживания зависит еще и от целого ряда других факторов — таких, как уровень врачебной квалификации, прогресс медицинской техники и оборудования, степень развития фармакологической промышленности, организация больничной службы, укомплектованность средним медицинским персоналом и многое другое. Без этого рост числа врачей превращается в излишнюю нагрузку на общество.

Огромный разрыв между громким названием и мизерностью социальной роли вызывает у советского специалиста стойкое чувство неудовлетворенности, переходящее в отчуждение от труда, апатию и цинизм. Низкая оплата труда вынуждает многих специалистов прятать свой диплом и идти в сферу обслуживания, где есть возможность дополнительного приработка. В масштабе всей страны теряются огромные суммы, затраченные на обучение этих специалистов. Для самих же несостоявшихся инженеров, педагогов, юристов — это тяжелая моральная травма.

Сплошная занятость — но какой ценой?

В диспропорциональном распределении специалистов с дипломом еще можно попытаться найти какие-то положительные моменты. Пусть советские молодые специалисты бедны, пусть они сплошь и рядом используются не по назначению, но все-таки они получили высшее образование. Несколько лет проучились, повысили свой общий интеллектуальный кругозор. Есть даже такая теория, что, плоды неудовлетворенных "высших специалистов", система рождает своих могильщиков...

Но ровным счетом ничего положительного нельзя найти в том, что люди, напряженно трудясь, производят ненужные, не пользующиеся спросом вещи. А это в последние годы наблюдается в Советском Союзе все чаще.

Особенно часто занимаются работой ради работы многие текстильные, швейные и обувные фабрики страны. Советская легкая промышленность крайне тяжела на подъем. У нее нет стимулов оперативно перестраиваться в вечной погоне за меняющейся модой. В результате "работы на склад" миллионы погонных метров дорогих материалов (драп, ратин, синтетика, хлопчатобумажные ткани, дефицитная кожа и т. д.) заполняют все свободные складские помещения. Никому не нужная товарная масса успешно фигурирует как показатель роста благосостояния советского человека, ибо продукция, переданная торговым организациям, считается реализованной и в качестве таковой включается в отчеты ЦСУ. Все больше оседают на складах не только устаревшие текстильные или обувные изделия, но и товары длительного пользования. Но что делать? Срочно перестраивать заводы на выпуск новой, более современной и качественной продукции? На это уходят годы, если, конечно, не заниматься этим постоянно, как динамичные частные фирмы на Западе. Или останавливать заводы, а всех работников увольнять? Но в СССР ведь нет безработицы. Нет ни государственного социального страхования по безработице, ни действующей системы массовой и быстрой переквалификации работников. Нет и реальной возможности оперативно переехать на новое место работы. Переезд в Советском Союзе связан с целым клубком трудноразрешимых проблем. Как обойти барьер прописки? Как получить жилье в другом городе?

Проблема обостряется еще и тем, что самые некачественные, неходовые изделия выпускаются, как правило, в глухой провинции. Чем провинциальнее предприятие, тем труднее ему и с кадрами, и со снабжением и с передовой техникой. Но именно провинциальные предприятия болезненно всего закрываются: работающие на них люди чаще всего не имеют альтернативы.

В странах рыночной экономики руководители фирм следят за сбытом своей продукции непрестанно и перестраиваться начинают заблаговременно, а не тогда, когда рынок уже завален товарами. Иначе они разорятся. А если нет смысла перестраивать производство на другие, перспективные изделия, то их просто сокращают. Вводят неполную рабочую неделю или увольняют часть персонала.

Последнее обычно не протекает гладко. Если профсоюзы успешно этому процессу препятствуют (как было, например, при лейбористах в Англии), то ничего хорошего для экономики страны в целом от этого не проистекает.

Безработица служит естественным предохранительным клапаном от перепроизводства и затоваривания. Обществу гораздо выгоднее платить работнику часть его заработной платы просто так, за ничегонеделание (предварительно изъяв у него же страховые взносы на случай безработицы), чем платить ему полную зарплату за перемалывание в пыль овеществленного труда — как своего, так и предшественников и смежников.

Советской промышленности, выпускающей потребительские товары, было легко работать, когда в продаже буквально всего не хватало. Сегодня, когда произошло определенное насыщение, образовалась новая экономическая опухоль — затоваривание продукции.

А ведь при этом нужно учесть, что почти все производственные отрасли, выпускающие потребительские товары, не испытывают никакой иностранной конкуренции. Что же было бы, если бы иностранным фирмам вдруг открылись двери на внутренний рынок? Неготовые к полнокровной конкуренции отечественные предприятия пришлось бы закрывать пачками. Тут уж впору было бы говорить о безработице как о стихийном бедствии.

Функции предохранительного клапана безработица может выполнять удовлетворительно (то есть с минимальными издержками для общества), если производство не поддерживается искусственно. Об этом говорит опыт даже некоторых стран с рыночной экономикой. Бывает, что под давлением групповых политических интересов правительства отступают от апробированных экономических принципов. Например, опасаясь закрытия каких-то крупных предприятий или даже целых отраслей и связанного с этим резкого увеличения безработицы (что особенно неприятно в преддверии выборов), начинают субсидировать неконкурентоспособную отрасль, допустим, металлургическую или судостроительную. Субсидирование, как правило, не улучшает экономических показателей, даже если в результате политики протекционизма и достигнуты временные экспортные успехи. Конкуренции в общемировом масштабе такая отрасль выдержать не может. Но от своего правительства она требует все новых, увеличивающихся субсидий, которые, естественно, ложатся на плечи всего населения страны. Однако теперь уже пойти на банкротство целой отрасли еще тяжелее: безработица подскочит сразу и резко. Вот и приходится стране и дальше тащить груз убыточной, неконкурентоспособной отрасли. Этот пример — один из доводов против решения экономических проблем страны путем национализаций и общегосударственного субсидирования. Кажущаяся простота таких решений через какое-то время оборачивается огромными потерями в масштабе всего государства. А исправлять их потом очень трудно как технически, так и психологически.

Сизифов труд

Выпуск потребительских товаров еще как-то поддается контролю со стороны потребителя. Пусть никаких товаров, кроме отечественных, в СССР купить невозможно, пусть даже лучших отечественных образцов не достанешь, но все же, если уж потребитель забастует, то его не проймешь. Нельзя же бесконечно работать на склад. Поневоле, хотя бы с большим запозданием, приходится все же "неходовые" изделия списывать, а выпускающие их предприятия закрывать.

Но вот как быть с производством средств производства, с выпуском оборудования и станков, машин и материалов для других предприятий? Здесь ведь можно десятилетиями "клепать" как в прорву, — насыщения все равно не получается. Директор государственного предприятия-заказчика, или, точнее сказать, предприятия-потребителя, все

возьмет, независимо от того, нужно ему это на самом деле или нет. Возьмет по указанию сверху. На всякий случай. Про запас. В обмен. Не взять — больше ответственности. Взять — проще и спокойнее. Ведь советский директор, хоть и называют его на заводе частенько "хозяйном", отличается от настоящих хозяев, как советский универмаг от западного супермаркета.

Механизм распределения средств производства по-советски хорошо показал доктор экономических наук Отто Лацис в статье "Перестройка" ("Известия", 25 июля 1985 г.). Его герой, директор одного завода, рассказывает:

"Заказываю расточные станки — не дают, предлагают токарные. Мне они не нужны, но беру: не используешь деньги — на следующий год не выделят. А наверху фиксируют: есть спрос на токарные, продолжать выпуск".

Бессмысленный выпуск средств производства не подвержен никакому контролю рублем, истинный объем диспропорциональных избытков скрыт от постороннего глаза.

Истинный масштаб, истинная цена полной занятости и отсутствия безработицы в социалистическом государстве видны редко. Разве что за критику советской экономики принимается сам генсек, разумеется, новоиспеченный: через какое-то время он уже не захочет уподобляться унтер-офицерской вдове и сечь самою себя. В этом плане интересно процитировать отдельные пассажи из доклада М. Горбачева, прочитанного им на совещании в ЦК КПСС 11 июня 1985 г. (запись радиотрансляции). В печатном варианте доклада, опубликованном всеми газетами страны, эти места смягчены, изменены или просто выпущены.

"СССР располагает мощным топливно-энергетическим комплексом. Но наращивать добычу топлива и сырья все труднее. Между тем, многие страны пошли (рядка наша. — А. Ю.) более рациональным путем всемерной экономии, широкого внедрения ресурсосберегающих технологий. Это обходится в 2—3 раза дешевле".

Слова, выделенные в рядядку, в "Правде" и других газетах отсутствуют. Зачем советскому читателю знать, что есть страны, да еще многие, которые уже идут таким экономичным путем? Экономить ресурсы — это одновременно экономить и труд по их добыче и переработке.

"Из-за несовершенства оборудования тепловых электростанций мы ежегодно перерасходуем свыше 20 миллионов тонн условного топлива. В стране насчитываются сотни тысяч примитивных котельных, нерационально расходующих топливо".

Зато несколько сотен тысяч людей там трудоустроено!

"Вследствие старения производственного аппарата непомерно разбухла сфера капитального ремонта. В прошлом году на эти цели израсходовано 35 млрд. рублей. В ремонтных цехах занята четвертая часть станочного парка страны и 6 млн. работников, затрачивается почти пятая часть черных металлов".

Весь абзац с цифрами в газетах отсутствует: он очень красноречиво показывает, как советская экономическая система борется с безработицей.

Или такая вот невинная самокритика генсека:

"...мы больше всех производим стали, а металла у нас хронически не хватает. Главные причины — недостаточное качество, ограниченный сортамент, да и расточительное использование".

Горбачев призывает советскую промышленность увеличить долю "пластмасс, керамики и других прогрессивных, неметаллургических материалов".

"В мире, — пишет он, и читать надо, конечно, в несоциалистическом мире, — нарастает настоящий бум малотоннажной химии, производства чистых и сверхчистых материалов, во многом определяющих уровень современной техники".

Но надо быть последовательным и признать непрерывный рост производства металла показателем технической отсталости. И соответственным анахронизмом считать огромное число занятых в металлопроизводящих отраслях.

Однако столь обличительные высказывания генсека (порочащие, если вдуматься, советский общественный и государственный строй больше чем порочили его все вместе взятые обвиняемые по 70-й статье УК РСФСР) прекрасно уживаются с преувеличенно-злорадным возмущением советских журналистов, пишущих о безработице среди металлургов на Западе. Пишут ли они об американской Пенсильвании или немецком Сааре,

французской Лотарингии или бельгийских Арденнах, пропагандное клише всегда одно: "Бедные металлурги, жертвы типичного кризиса перепроизводства! Вот они, волчи законы капиталистического общества!".

Но ведь если замена стали другими материалами — явление прогрессивное, то свертывание металлургического производства и профессиональная безработица металлургов — последствия естественные. Неестественно и порочно как раз обратное — безостановочно гнать вверх выплавку стали. Рано или поздно все равно ведь придется переходить на более выгодные и прогрессивные материалы и технологические процессы. И вот тогда структурная безработица в металлургической области примет уже катастрофический характер.

Перспективы

В западной прессе сверхзанятость на советских предприятиях часто определяется как своего рода скрытая безработица. Звучит это так, как будто у одной системы — свои трудности, у другой — свои, но в целом они сравнимы. Безработица, конечно, плохая вещь, но и скрытая безработица — не лучше...

На самом деле никакого сравнения между этими двумя социально-экономическими явлениями быть не может. Безработица в результате перепроизводства, а тем более структурно-отраслевая безработица — естественные проявления современной сложной экономики. Безработица — такое же нормальное социально-экономическое явление, как инфляция, государственная задолженность (превышение расходов над доходами госбюджета), внешнеторговый дефицит, борьба между предпринимателями и профсоюзами при заключении ежегодных коллективных договоров и т. д. Как и некоторые из перечисленных явлений, безработица становится тяжелой и вредной нагрузкой для общества лишь тогда, когда существенно и длительно превышает оптимальный предел. Но, как уже говорилось, в целом как явление безработица имеет и ряд положительных сторон. Она препятствует "разбалтыванию" трудовой морали населения, ускоряет прогрессивные структурные перемены, заставляет общество быстрее пересматривать приоритеты в распределении занятости и общественно полезной деятельности.

А вот избыточная, сплошная занятость, характерная для директивно-плановой экономики, никаких положительных элементов в себе не содержит. Тем более нелепо производство излишних, неиспользуемых, устаревших средств производства или предметов потребления. Никаких положительных, выгодных обществу последствий избыточная занятость не вызывает, отрицательных же — сколько угодно. Полная занятость лишь позволяет советскому руководству демагогически использовать для целей пропаганды "реально гарантированное право на труд гражданина СССР", одновременно привлекая этого гражданина к уголовной ответственности за уклонение от осуществления своего права.

Как результат этого основного различия весьма различны и перспективы безработицы в условиях двух социально-экономических систем. Система свободной рыночной экономики будет и дальше сосуществовать с безработицей, стремясь одновременно снизить ее отрицательные последствия и поддерживать ее на оптимальном уровне.

Перспективы советской экономики в этом, как и в других планах, тонут в густом тумане. Развитие, не поддающееся саморегулированию, завело советскую экономику в тупик, и комплексная проблема безработицы — один из наиболее заметных примеров этого. Трудовая мораль населения страны упала необычайно низко. Административные методы Андропова-Горбачева не приведут к существенному и длительному улучшению трудовой морали, если они не будут подкреплены — а затем и окончательно заменены — экономическими методами управления. В первую очередь, это означает повышение заинтересованности в труде, значительное увеличение дифференциации в оплате труда. Безработица (естественно, с выплатой государственных пособий) — необходимая составная часть такой дифференциации. Трудящиеся должны видеть смысл в более качественном и более напряженном труде. Они должны ценить свою работу и бояться ее потерять. Сегодня этого нет и в помине. Наоборот, чрезвычайно низкая оплата труда и го-

раздо более привлекательные возможности "левого" заработка зачастую делают государственную службу лишь досадной помехой.

Сегодня, с огромным запозданием, руководство КПСС вынуждено признать: нельзя беспечно уповать на неисчерпаемость ресурсов фантастически богатой страны. Почти в каждой своей речи Горбачев как рефрен повторяет: экстенсивные методы развития экономики исчерпаны, необходим переход на интенсивные методы, необходима оптимальная, разумная, максимально экономная организация производства. Однако перестройка немислима без легализации безработицы. Либо она будет узаконена, либо советское руководство будет и дальше направлять труд миллионов на производство ненужных, затоваренных, морально устаревших изделий и оборудования.

Такая перестройка потребовала бы колоссальных расходов. Необходимо существенно повысить минимальную зарплату трудящихся: иначе на пособие по безработице, составляющее, естественно, лишь часть этой величины, просто нельзя будет прожить. Огромных финансовых вложений потребует служба государственного страхования и трудоустройства. Еще больших капиталовложений потребует разветвленная служба переобучения и переквалификации. Где взять эти миллиарды?

Разумеется, в конечном счете народное хозяйство страны получило бы от легализации безработицы большую выгоду. Советские экономисты уже давно прикинули (правда, неофициально), что безработица в размере 3—5% от общего количества трудящихся принесла бы стране существенный экономический эффект — как в результате экономии труда, полуфабрикатов, топлива, сырья, так и в результате повышения производительности. Но эффект этот скажется далеко не сразу. А реальные деньги нужно изыскивать немедленно. Получается заколдованный круг, и прорвать его очень трудно. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 60 ЛЕТ НАЗАД

ТОЛЬКО ТРУД, ДА И ТОТ ИГРУШКА

Объемистый, тщательно и чисто отпечатанный номер ежемесячного журнала "Соловецкие Острова". Во вступительной статье редакция не ходит долго кругом да около. Представляясь читателю, она сразу берет быка за рога:

"Журнал наш — орган управления соловецкими лагерями особого назначения ОГПУ. Значит ли это, что со страниц журнала официозным языком говорит ГПУ, благоденствием казенного благополучия прикрывая "кровавые ужасы ЧК"? Ни в какой мере. Старью и молодые наши литераторы, поэты, художники, научные работники, инженеры, агрономы, все это — заключенные соловецких лагерей..."

Вот соловецкий поэт, отчаявшийся найти краски для изображения тягости своей участи:

Я давно забыл о фокс-тротте, Модуляциях и пиано...	Где же лагерь, тюрьма, удушье?
Моя первая ночь в роте	Только труд, да и тот игрушка
Улыбалась свежо и пьяно.	Для меня. Мир в зеленом душе
	Опясан лиственной стружкой.

"В полярную ночь концлагерь не знает темноты. Среди льдов мы залиты электричеством... Когда кончаются работы, начинается своя, домашняя жизнь лагеря. В полярную ночь мы сберегаем свои сердца горячими".

Мих. Кольцов о журнале "Соловецкие Острова"
("Правда", 2 апреля 1926 г.)

Много лет подряд статьи, очерки и фельетоны Михаила Кольцова (псевдоним Михаила Ефимовича Фридлянда, 1898—1942) почти ежедневно появлялись в "Правде", постоянным сотрудником которой он был с 1922 года. Кольцов изъездил всю страну, часто бывал за границей, выступая в различных ролях (в начале 30-х гг. взял интервью у белого генерала Шатилова). Во время гражданской войны в Испании находился в республиканской армии, стал прототипом одного из пресонажей романа Э. Хемингуэя "По ком звонит колокол". М. Кольцов был основателем и редактором журнала "Огонек", редактором "Крокодила", главой Журнально-газетного объединения, членкором Академии наук СССР. В 1939 г. арестован и погиб в лагере.

Тереза ТОРАНЬСКАЯ (Польша)

О Н И

Рыцарь на час

В 1981—1984 гг. польская журналистка Т. Тораньская провела многочасовые беседы с польскими государственными деятелями эпохи Берута и Гомулки. Так сложился коллективный портрет той группы, которую простые люди к востоку от Эльбы называют о н и, — сегодняшних пенсионеров — пешек, недавно еще подвизавшихся в роли ферзей. В предыдущих номерах журнала были помещены интервью с бывшим куратором польской госбезопасности Якубом Берманом и бывшим шефом пропаганды Шташевским. Третий, заключительный отрывок из книги Терезы Тораньской "Они" знакомит нас с Э.Охабом, бывшим первым секретарем ПОРП и президентом Польской Народной Республики.

Э д в а р д О х а б родился в 1906 г. в Кракове в многодетной семье. Родители были выходцами из деревни: отец — мелкий почтовый чиновник, мать до замужества была батрачкой. Перед Второй мировой войной Э.Охаб закончил торговую школу в Кракове, кооперативные курсы при Ягеллонском университете, учился заочно на Высших торговых курсах. В компартию вступил в 23 года, пять раз был в заключении, отсидел в общей сложности шесть с половиной лет. Во время войны оказался в СССР, был направлен в стройбат. В числе первых вступил в дивизию им.Косцюшко. С лета 1944 г. — на руководящих должностях в государственном и партийном аппарате, а также в руководстве армии: секретарь воеводских комитетов партии, секретарь ЦК, заместитель министра и министр, председатель центральных советов профсоюзов и кооперации. В течение 25 лет (1944—1969) он неизменно пребывал в ЦК и в семье. С марта по октябрь 1956 г. был первым секретарем ЦК ПОРП, в 1964—1968 гг. — председателем Государственного совета и Общепольского комитета Фронта единства народа. В 1968 г. Охаб отказался от всех постов в знак протеста против антисемитской кампании в стране и вышел на пенсию. Его жена — рядовая коммунистка, из четырех дочерей только одна состоит в партии.

— Берут умер в Москве почти сразу после XX съезда, и первым секретарем выбрали вас. Скажите, пан Охаб: вы действительно хотели получить этот пост?

— Нет, я предлагал Александра Завадского. Дело в том, что за мной числились столкновения с советскими товарищами, и я считал, что занимать такой пост, имея эти истории за плечами, — только вредить делу. Первое столкновение произошло в 1947 г. и касалось удлинения рабочего дня горняков. Москва хотела получить как можно больше бесплатного угля от Польши, а горняки наши и так трудились сверх сил. Второй раз стычка произошла, когда я потребовал отозвать из Польши Вознесенского и Скульбашевского — советников по линии КГБ. Сразу же после избрания первым секре-

тарем партии я снова ввязался в конфликт с ними. И опять из-за угля. В июне 1956 г. я поехал в Москву на заседание СЭВ. За несколько дней до этого в "Правде" появилась статья советского журналиста, посетившего польские шахты, который писал, что горняки удивляются, почему у них такой низкий план добычи угля: они, мол, могут дать значительно больше. Венгры, немцы, а затем и чехи — я имею в виду Герэ, Ульбрихта и Новотного — напали на нашу делегацию, говоря, что поляки не желают давать больше угля, забывают об интернационализме. Я возразил, и довольно резко, всем этим товарищам, что мы лучше газетных корреспондентов знаем, что Польша может дать, а чего нет. "Польша не даст больше угля, потому что больше давать невозможно. Горняки работают сверхурочно и без выходных, перетягивать струну нельзя — лопнет. Шахтеры замучены, может вспыхнуть забастовка, которая распространится и на другие отрасли. Угля это не прибавит, а политический ущерб будет безмерный. За свою страну отвечаем мы." Вот что я им сказал.

Я знал, что эта стычка в СЭВ рано или поздно поставит под вопрос мое положение среди руководителей братских стран, и решил отказаться от поста первого секретаря. Я объяснил товарищам в Политбюро: давайте поищем такое решение, которое не грозило бы в будущем новым коротким замыканием.

— Вы считали, что в Польше назревает конфликт?

— Вооруженного конфликта мы не ожидали. Серьезной забастовки — пожалуй. Я боялся за угольный бассейн, но там обошлось. Ожидал я стачки и в Лодзи. Текстильщицы были очень раздражены, жилось им действительно нелегко. Так что были все основания опасаться забастовок. Но я никак не думал, что дело дойдет до кровопролития.

— Каким же образом началась стрельба в Познани?

— Политбюро послало в бастующую Познань Циранкевича. Он вроде бы лучше других понимал характер конфликта. Я рассчитывал также на его политический опыт. Но он прибыл в Познань слишком поздно, когда уже произошло вооруженное нападение на Управление безопасности. Вообще-то говоря, Циранкевич был человек сломленный. Он ведь сидел в Освенциме... Характера ему явно не хватало. До этого случая в забастовщиков и демонстрантов-рабочих у нас никогда еще не стреляли. Но после того как авантюристы и провокаторы совершили вооруженное выступление против органов народной власти, нужно было действовать решительно. Вслед за паническим телефонным звонком секретаря воеводского комитета я позвонил министру внутренних дел. А он мне сообщает, что вместе с заместителем как раз собирается в Москву на совещание. Случайно ли события в Познани совпали с его отъездом, не знаю. Я распорядился, чтобы заместитель министра Альстер остался в стране и следил за развитием событий. Он казался мне хорошо осведомленным человеком.

— Вы в самом деле подозревали провокацию?

— Я обдумывал события с разных сторон и провокации не исключал, хотя доказательств у меня не было. Министр Пшолковский говорил мне потом, что о событиях в Познани он получил более подробную информацию от советских товарищей, чем от сотрудников собственного министерства. Довольно любопытный факт.

Короче говоря, в одно прекрасное утро мы узнали, что в Познани забастовка. Кто-то распространил слух, что делегация рабочих с завода имени Цегельского, которая выехала накануне в Варшаву для объяснения с властями, арестована. На самом деле делегация побывала в Варшаве у министра, получила заверения, что просьбы рабочих будут быстро рассмотрены и удовлетворены, и вернулась с миром.

— А нельзя было опровергнуть слух?

— Когда же? Поздно: уже началась всеобщая забастовка. Все покатило к полной анархии. Демонстранты подошли к городской тюрьме, начальник тюрьмы сопротивляться не стал, стража отдала автоматы и гранаты, и толпа освободила уголовников.

— Кажется, не только уголовников.

– Нет, других там почти не было. Может быть, сидело несколько человек за нарушение порядка. Но политических заключенных – это я знаю точно – там не было.

– Может быть, рабочие искали в тюрьме своих делегатов?

– Говорю вам, что никаких политических там не было.

– Но ведь рабочие этого не знали.

– Они вооружились и пошли в атаку на Управление безопасности. Тут уж уговорами действовать было поздно. Рабочие явно хотели крови. Зверски убили солдата из охраны УБ и, кажется, еще кого-то, а затем стали обстреливать здание воеводского управления УБ. Нельзя же было попустить, чтобы здание было захвачено и началась резня!

– Да, но "безпека" – простите, госбезопасность – тоже занималась убийствами.

– Детка, я не хочу сейчас разбираться, кто прав, кто виноват. Надо помнить, что не эти маленькие люди отвечали за положение в стране. За него отвечают правительство и ЦК. Обороняться от организованного нападения они явно не могли, оказать им срочную помощь было необходимо. Тогда и объявился маршал Рокоссовский, сначала по телефону, а потом лично.

– Сам объявился?

– Да. Разговор шел с глазу на глаз. Против хулиганов, нападающих на государственные учреждения, он предложил использовать воинские части. Требовал дать ему свободу действий. Я согласился: мешкать было нельзя. Думаю, впрочем, что операция была мелковата для двух генералов и нескольких дивизий, которые Рокоссовский повел на Познань. Пожалуй, слишком много войск.

– Меня все-таки интересует вопрос, пан Эдвард: как принимаются решения стрелять в людей? Ведь стреляли не раз.

– Если люди просто бастуют, как это было в Гданьске в 1970 г., применять силу нет оснований. Но в Познани была попытка вооруженного выступления против народной власти. В этом принципиальное отличие познанских событий от ситуации на Побережье в 1970 г. Я не мог себе представить, что руководство страны в семидесятом году будет так глупо вести себя в конфликте, им самим спровоцированном. Идти в солдатских сапогах на рабочий класс, хвататься за пулемет как за главный аргумент! Ну, знаете... Тогдашнее руководство приняло решения наглые, авторитарные, не зря разъярившие рабочий класс. Авантюризм чистой воды. И ответственность за него несут не только Гомулка и премьер, выступавший по телевидению (П.Ярошевич. – *Ред.*), но и ЦК, который собрался, когда на Побережье уже потоками лилась кровь. И никто из них, ни один – не призвал остановить кровопролитие. Многие из тех, кто сегодня поучает нас демократии, тогда голосовали за авантюристические решения правительства, кричали о распоясавшихся хулиганах. А это не были хулиганы!

– Вы разнервничались, пан Эдвард, выпейте воды... Я вот что хочу сказать: ведь и в Познани действовали не хулиганы.

– Там были провокаторы и авантюристы, которые использовали недовольство рабочих. Но мы тогда уже понимали, что перед нами не проблема хулиганства, вопрос имел более глубокие корни.

– Вы говорили о влиянии империалистов...

– Я и большинство членов Политбюро отбросили это предположение. Дошло до жесткой дискуссии с советскими товарищами, которые изо всех сил внушали нам эту идею. По их словам, к кровавым событиям привела именно подрывная деятельность империалистов. Я отвечал, что доказательств нет, и отказался выступить с таким заявлением на пленуме ЦК.

– Сколько погибло людей в Познани?

– Столько, сколько было сообщено официально. От меня бы подлинных данных не скрыли.

— А сколько человек потеряла армия?

— Несколько человек, точно не помню. По большей части случайные жертвы. Все это результат чрезмерного количества войск, брошенных на Познань. Потом я обратил на это внимание Рокоссовского: "Вы просили свободы действий, — сказал я ему, — хорошо; но зачем вам понадобилось целых две дивизии? Хватило бы одного батальона". Я потом просматривал материалы по этому делу. Игра не стоила свеч. О чем шла речь? О каких-нибудь десяти—двадцати миллионах злотых. Так надо было раскошелиться, и не было бы кровопролития.

— Почему же все-таки допустили?

— Не знаю и говорить об этом не хочу. Но знаю точно, кто конкретно был замешан в этой истории. Хотя конечно, все тогдашнее руководство отвечает за нее. И я тоже как первый секретарь, не сумевший уберечь страну от познанской трагедии. Ни сейчас, ни в прошлом я не пытался уклоняться от ответа.

— Вы говорите это как обыкновенный человек. А что вы скажете как политик?

— Что сказать? Политическому деятелю остается только стиснуть зубы. Никакого гамлетизма. Заниматься политикой — это значит выбирать наименьшее зло. А подчас пользоваться крапленными картами.

— Выбор наименьшего зла, а не наибольших общественных выгод. В этой фразе вы выразили всю нашу польскую драму, дорогой пан Эдвард.

— Что поделаешь, приходится рассматривать ее в общих рамках международной ситуации.

— Значит, на самом деле дело обстояло еще хуже? Я слыхала, что в октябре 1956 года, в период напряженных отношений с Советским Союзом, в Москву позвонил Чжоу Эньлай и пригрозил, что в случае вторжения в Польшу китайцы вторгнутся в Россию. Это верно?

— Не знаю... В общем, я понимал, что если в Польше дело дойдет до серьезного конфликта, Советский Союз, несмотря на риск тяжелых осложнений, колебаться не будет. И я старался не доводить дело до крайности, не дать изолировать ПОРП. Особенно важно было правильно информировать китайских товарищей. Мы заверяли их в нашей несгибаемой воле сохранить социалистический курс внутренней и внешней политики Польши. С этой целью я поехал в конце сентября на съезд КПК. Положение осложнялось тем, что от меня ни на минуту не отставали московский доносчик Южвяк и советский посол.

— Они догадывались о вашей игре?

— Трудно было не догадаться. Вообще они боялись, что мы меняем фронт. Советы потеряли в Польше 600 тысяч солдат, и все это псу под хвост. Понимаете? Перемена фронта Польшей — это изменение всей ситуации в Европе, а то и во всем мире.

— Вы хотели нанести ущерб Советскому Союзу?

— Что вы! Но я боялся, что ортодоксальные догматики и знатоки партийных текстов сообразят, что идейных доводов нам недостаточно. Помните, что говорит князь Новосильцев ксендзу в "Дзядях" Мицкевича: "Ах вот как, ты знаешь теологию! Слушай, теолог, а знаком ли ты с русским кнутом?.."

— Откуда взялась эта идея насчет китайцев?

— А с кем было еще говорить? С Новотным, Ульбрихтом? Ульбрихт, правда, был неплохим коммунистом, но мозги ослабели, какие-то появились склеротические явления. Китай же, помимо прочего, — все же самостоятельная сила. И я убежден, что вопреки всем нашим доводам, вопреки обещаниям не отступать от коммунизма, если бы китайцы не предостерегли Москву, могло пойти до советской интервенции.

— Чем же конкретно помогли китайцы?

— Трудно сказать. Во всяком случае, когда Чжоу Эньлай приехал в Польшу в январе 1957 года, он сказал, что они решительно выступили против советского проекта интервенции: пусть-де поляки сами решают свои дела.

- А как вели себя другие братские партии?
- Доченька, о чем ты спрашиваешь! Конечно, другие партии согласились бы на интервенцию, им ничего другого не оставалось.
- И Тито?
- Нет, Тито на это бы не пошел.
- А венгры?
- О, да.
- Но ведь в Венгрии был тогда Имре Надь...
- Ну и что? Во главе партии-то стоял Герэ. Ракоши уже ушел, хотя еще в августе 56 года я с ним встречался, он рассказывал о судебных процессах в своей стране. Возможно, венгров не заставили бы участвовать в интервенции. Может быть, припрягли бы для этого случая чехословаков, немцев и румын. Ведь во всех этих странах не было недостатка в советских генералах и советниках.
- Был ли уже разработан план интервенции?
- Отчетов из Москвы я не получал.
- Понимаю, но...
- Но что танки уже шли на Варшаву, вы знаете. Знала об этом вся Польша и весь мир. Так что, если бы не китайцы...
- Почему, собственно, они помогли нам?
- Да как тебе сказать... Вероятно, они нас переоценили. После Чжоу Эньлая в Польшу побывал Чжу Дэ, а в 1960 году, на совещании коммунистических партий в Москве, когда они готовились к разрыву с Советским Союзом, Чжу Дэ сказал польской делегации, что, вот, мол, в пятьдесят шестом мы вам помогли, а теперь вы нас поддержите. Ну, конечно, это было нереально. Мы не могли, да и не хотели действовать против Советского Союза...
- С Тито вы не встречались?
- Тогда нет... Я знаю, что наш министр иностранных дел Рапацкий беседовал в то время с югославским послом. Конечно, обсуждалось и наше положение. Но вообще говоря, на югославов мы не рассчитывали.
- Вы говорите, что танки уже шли. Думаете ли вы, что, выражаясь по-европейски, кто-то одновременно готовил государственный переворот?
- О подготовке "переворота" мы ничего не знали, но, конечно, основания для беспокойства были. Товарищ Рокоссовский, например, настойчиво домогался принятия энергичных мер против "распоясавшейся прессы". В какой-то момент он даже стукнул кулаком по столу. Мне пришлось сказать ему, что мы не в армии, тут заседание Политбюро; да и мы не из трусливых. Потом он приходил ко мне извиняться... Говорил, что много раз был ранен, нервы пошаливают. Но, конечно, как военный он был незаурядная личность и умел реально оценивать соотношение сил. Положение, которое складывалось в стране, для него, поляка, было особенно драматичным.¹ Что касается меня, то я стремился сохранить за собой право сказать советским товарищам: вы хотите столкновения, вам это нравится? Мы ведь только улаживаем наши внутренние дела, плохо ли, хорошо, но улаживаем... Мы вам ничего не навязываем, не навязывайте и вы нам. Игра была деликатной и трудной. Хрущев, конечно, о ней догадывался.
- А Рокоссовский?
- Нет. Военный он был хороший, но политик слабый.

¹ В октябре 1956 г. по настоянию польского руководства К.К. Рокоссовский был отозван в СССР. — Ред.

— Ходили слухи, что в октябре Стефан Сташевский, первый секретарь Варшавского воеводского комитета партии, начал раздавать оружие рабочим... Почему пан улыбается?

— Доченька, откуда же он мог взять оружие? Все это вздор. Конечно, возможность эксцессов нельзя было исключить. Мы договорились с Рокоссовским, что части особого назначения будут размещены в нервных узлах столицы.

— А зачем советские войска выступили из казарм? Попугать?

— Да.

— А еще как пугали?

— Приходил ко мне советский посол... Но лучше оставим эту тему. Я прямо сказал ему, что от кое-каких спасительных рецептов нам придется отказаться. Видишь ли, трудность состояла в том, что люди из советского посольства сначала посылали донесения в Москву, а уже потом должны были приспособлять польскую действительность к своим рапортам. Так что советский посол Пономаренко просто спасал свою шкуру. С пеной у рта он доказывал мне, что Польшей правят оппортунисты, ссылаясь на тщательно подобранные посольством цитаты из нашей прессы, которая, к сожалению, даже правильные оценки положения подавала в форме сенсаций. А затем, во время VIII пленума ЦК в октябре 1956 г. в Варшаву без приглашения прибыл Хрущев. Пришлось сразу же после открытия пленума ехать на аэродром встречать его.

— Но какое-то уведомление вы получили заранее?

— Дважды Пономаренко требовал отложить наш пленум до переговоров с Хрущевым. Я отказался, сославшись на решение Политбюро. Уступил я ему только в одном, сообщив, что Политбюро решило выдвинуть на пост первого секретаря Гомулку. Наш отказ ускориł прибытие Хрущева. В первом самолете прилетели Молотов, Микоян и, кажется, Каганович. Держались они спокойно. Через несколько минут приземлился самолет Хрущева. Еще выходя из самолета, он начал демонстративно грозить нам кулаком и столь же демонстративно подошел для приветствия сначала к группе советских генералов. Затем приблизился к нам и опять стал махать кулаками прямо перед моим носом. Это было явное оскорбление, адресованное не только мне, но и всей польской компартии. Тут же стояло множество людей: шофера, люди из охраны, советские военные, польские чины. Было ясно, что эпизод этот немедленно получит огласку. Пришлось мне обратить внимание гостя на то, что в польской столице хозяева пока еще мы и незачем устраивать спектакль на аэродроме. Вот приедем в Бельведерский дворец, где принимают высоких гостей, там и поговорим... В Бельведере я заявил Хрущеву: пленум мы не отменим, в тюрьмах мы сидели много лет и никаких тюрем не боимся, и вообще запугать нас не удастся. Мы отвечаем за свою страну и делаем то, что считаем правильным. Все это наши внутренние дела. К тому же мы не делаем ничего такого, что угрожало бы интересам Советского Союза и других наших союзников. Микоян пробовал увещевать меня: дескать, они приехали как друзья, а не как враги. На это я ответил, что с друзьями так себя не ведут. Уступать мы не намерены, пленум не отменяется, и польские дела будет решать наш ЦК.

— Чем вас страшил Хрущев?

— Ясно чем — интервенцией. Советские дивизии были уже на марше. Хрущев даже кричал: "Мы разберемся, кто здесь враг Советского Союза!" Гомулка возразил, что если Охав — враг, то и он, Гомулка, враг. Хрущев: "Мы против вас ничего не имеем, мы вас приветствуем. Но вот он, — и показал на меня, — он с нами этот пленум не согласовал." Я спросил Хрущева: "А вы согласовываете с нами состав своего политбюро или ЦК?" Хрущев усмехнулся: "Ну, знаете ли..." Дискуссия на этом закончилась, начались переговоры — трудные, мелочные, обидные. От них сохранились протоколы, над которыми еще поработают историки. Комментировать их я не буду. Все было по пословице: дед свое, баба — свое.

- Говорят, вы просидели всю ночь.
- Да, с небольшим перерывом. Потом опять заседания пленума, и снова переговоры. В общем мои прогнозы оправдались.
- А вы не боялись? Тогда многие члены ЦК не ночевали дома, ждали ареста...
- Было такое.
- ... а 9 ноября председатель профсоюзов Клоевич заявил в сейме, что подготовлен список лиц, подлежащих репрессиям. В нем будто бы стояло 700 фамилий...
- Ходили такие слухи. Могу добавить, что моя фамилия была там первой... Да и вообще ситуация была неясной. Советские дивизии, я уже сказал, шли на Варшаву. Вероятно, кое-кто из советского посольства, а также в армии и УБ, получил соответствующие директивы, а следовательно, и списки. Уже после пленума я сказал Гомулке, чтобы он на всякий случай выяснил, как обстоят дела. Похоже, что инициатором всех этих планов был все тот же Рокоссовский...
- В Чехословакии в шестьдесят восьмом году было вывезено все руководство.
- Знаю, но в Польше положение было другое. Из заявлений Рокоссовского следовало, что советское начальство выдвигает Гомулку в первые секретари.
- С какой целью?
- Видите ли, в странах-сателлитах первого секретаря, особенно если он брыкается...
- ... устраниют?
- Ну да, вернее, запугивают лишением власти, выдвигая конкурента. В таких обстоятельствах первый секретарь начинает рыть землю, обороняться, но я обороняться не стал. Я решил испить свою чашу до дна, хотя сама по себе должность мне была безразлична.
- Значит, Гомулка должен был стать таким конкурентом?
- Хрущев считал, что Гомулка наведет в стране порядок, и ставил на него. Они рассчитывали что Гомулка представит меня народу как двуличного врага и люди от меня отвернутся, а сам Гомулка станет послушным подпевалой Москвы. Но Гомулка и не хотел этого делать, и не мог. Вообще на переговорах он показал, что характер у него весьма твердый.
- Почему же вы все-таки отдали власть Гомулке, пан Охав?
- Я подчинился воле большинства в Политбюро. Сделал я это с тяжелым сердцем: я знал Гомулку, знал, что когда он получит власть, затрубят фанфары: вот, дескать, спаситель Польши. Конечно, можно было поставить вопрос на ЦК и протестовать против кандидатуры Гомулки. Но это было бы наруку интервентам.
- Но ведь в ЦК у вас было большинство, и вы могли выиграть выборы.
- Да, но ценой раскола в партии. А тут уж разговор пошел бы другой.
- Какой именно?
- Все тот же: вторжение. Нам удалось избежать худшего... Венгры не смогли этого избежать в те же дни, чехи — потом. Поэтому я выбрал вариант передачи власти Гомулке "мирным путем".
- Гомулка как будто начал неплохо. Добился компенсации за польский уголь, который вывозили в СССР в минувшие годы почти бесплатно.
- Этот вопрос мы поднимали раньше, но безуспешно. Гомулке удалось решить его уже при другой ситуации. Сначала он получил от Москвы некоторую фору. Жаль, что он не сделал из этого важнейшего вывода: что не надо сходить с пути демократизации. Но он боялся, что демократизация откроет путь враждебным элементам.
- А вы не боялись?
- Я считал, что стоит рискнуть.
- Какой же тут риск?
- А такой, что наша партия, детка, по причинам историческим — из-за совершенных ею ошибок и по ряду причин международного характера — не имела гарантий, что боль-

шинство народа пойдет за ней... Гомулка боялся, что наличие нескольких предвыборных списков откроет двери вражеским элементам. Теперь, глядя в прошлое, я понимаю: он хотел авторитарной власти. Это было по сердцу и некоторым господам за пределами Польши. На этой-то почве между ними и Гомулкой и возникла общность интересов. Когда же они увидели, что поведение Гомулки вызывает негодование внутри Польши, им пришлось пожертвовать Гомулкой. И это было правильно, хотя было бы лучше, если бы наша партия сама убирала тех, кто стремится к единовластию.

— Кажется, в 1968 году появилась такая возможность?

— Ничего не появилось. Вместо того, чтобы говорить о подлинных проблемах страны, Гомулка с 1967 года ухватился за шовинистические лозунги, начал кричать, что Польше угрожают сионизм, пятая колонна и прочее... С этими аргументами ЦК обратился к рабочим, а большинство рабочих, как вы знаете, вчерашние выходцы из деревни. Их легко обмануть таким простым объяснением всех трудностей: страной правят евреи. В такой игре я участвовать не собирался.

— Неужели народ наш так глуп? Может быть, люди, наоборот, поддержали бы вас?

— Народ-то умный, дочка, но во рту у него кляп.

— И все же я не понимаю, пан Эдвард, почему вы не выступили публично.

— Я уже сказал: я бы все равно проиграл, а кроме того, подвел бы товарищей.

— Все они так или иначе полетели.

— Ну, не все. Уже в 68 году стало ясно, что созданная Гомулкой конструкция должна рухнуть. Прошли студенческие выступления. И хотя в них были представлены самые разные течения, было ясно: недовольство охватило сотни тысяч людей. Никакая это не буржуазия, не были эти мальчики ни контрреволюционерами, ни фашистами. Конечно, людей можно успокоить дубинками. Но у этих десятков тысяч студентов навеки сохранилось глубокое отвращение к виновникам расправы. Конечно, было немало и таких, кто сказал себе: зачем прыгать выше головы, буду делать карьеру при тех, у кого в руках дубинка, поддержку антисемитскую истерию. Я был решительно против этой кампании и послал в Политбюро и секретариат ЦК письмо такого содержания: "Как поляк и как коммунист с глубочайшим негодованием протестую против антисемитской истерии, организованной в Польше разными темными силами, вчерашними оэнэровцами¹ и их нынешними могущественными покровителями. В ситуации, которая сложилась в нашей партии, я вынужден выразить свой протест в форме отказа от мандата члена Политбюро и ЦК ПОРП. Одновременно я подаю письменное заявление об отставке с поста председателя Государственного совета и председателя Общепольского комитета Фронта единства народа". Вот и все.

— А дальше что?

— Дальше? После довольно-таки бессодержательной беседы с Гомулкой, который намекал на сложную международную обстановку и говорил о подготовке контрреволюции в Чехословакии, я согласился подождать еще несколько дней. Я не хотел подливать масла в огонь и еще надеялся, что руководство партии может начать диалог с молодежью. Но напрасно. Зарвавшаяся публика из Политбюро, видимо, решила обойтись полицейскими репрессиями. В этой мутной водичке Мочар и безпека выступили против "неправильно родившихся", которых тогда в Польше насчитывалось 20–25 тысяч. Теперь, наверное, евреев в Польше осталось не более пяти тысяч; остальные изгнаны. Я сказал Гомулке: "Ваши дубинками вы выгоняете способную молодежь, объявляя ее людьми второго сорта." Ничего не помогло. Я помню, как травили в сейме депутатов от католической группы "Знак", которые, пусть по другим причинам, но

¹ ОНР — крайняя националистическая партия в довоенной Польше. — Ред.

справедливо и отважно выступили в защиту нашей молодежи. Вот вам парадокс — коммунисты в лагере черной реакции.

— Для чего, собственно, Гомулке понадобился жупел сионизма, для политической игры?

— У него самого, я думаю, возник националистический бзик. Никогда раньше я не мог бы подумать, что он докатится до антисемитской кампании. И все же Гомулку нельзя оценивать только отрицательно, судить о нем только по его юдофобским высказываниям и авторитарным замашкам, смеси мании преследования и мании величия. Все это — порождение тех трудных условий, в которых и по сей день мыкается руководство нашей страны. Когда-нибудь Польша по справедливости оценит заслуги Гомулки. Из истории страны вычеркнуть его нельзя.

— Вас тоже... Я бы хотела задать пану последний вопрос: нет ли у вас грехов на совести?

— У меня? Мне не в чем себя упрекнуть! В своей политической деятельности я старался руководствоваться марксистской теорией и не забывал о том хорошем и плохом, что накопилось в истории польского рабочего движения. Я стремился идти вперед и избегать принципиальных ошибок. Конечно, более чем за полвека работы в рядах коммунистического движения ошибок в повседневной работе накопилось немало. Все же умереть я могу спокойно. Говорю об этом, конечно, метафорически, ибо я атеист и в загробную жизнь не верю. Я могу прямо смотреть в глаза павшим товарищам-коммунистам и всем братьям-солдатам, проливавшим кровь в борьбе за свободную народную Польшу. И мы еще встретимся когда-нибудь на страницах истории, мы все, кто честно, отважно и плодотворно боролся за независимость нашего народа, за власть рабочих и крестьян, за новое социалистическое общество в Польше и во всем мире! Вот так. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ И СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

С экрана в первомайские праздничные колонны, в рабочие будни, в наше повседневье входит скромный с виду, как будто славный, веселый, работящий, смысленный, энергичный парень с большой красной звездой на шапке. Иной зритель даже благодушно отнесется к рассказу Павла, когда он открывает своей невесте Анне, что отец его был кулаком. Такому парню, как Павел, смело можно простить грехи отца. Но когда над головой Павла нависает первая туча угрозы какого-то разоблачения и он, чтобы отвести от себя подозрение, устраивает аварию на производстве, из которой выходит героем, — фигура этого парня начинает все больше интриговать зрителя. И настает момент, когда в мастерски сплетенном сюжете явственно проступает скрывавшаяся нить интриги. Павел встречается с человеком, который требует на три дня партбилет Анны. Павел соглашается добыть партбилет. Он оказывается, зашел так далеко в своей вражде к социализму, что стал агентом врагов родины.

И в дни, когда образ Сергея Мироновича Кирова напоминает каждому о бдительности, секретарь парткома спрашивает у Анны: — Где твой партийный билет?

У Анны нет билета. Билет — в руках секретаря парткома, он получил его от соответствующих организаций, задержавших неизвестную женщину, пытавшуюся по билету Анны проникнуть в здание Московского комитета партии.

Партком обсуждает поступок Анны. В числе других выступает муж Анны — Павел Куганов. Он резко и страстно говорит о том, что "бдительность должна быть у нас в крови", он высказывается за исключение Анны из партии. И большинством голосов ее исключают.

У фильма — счастливый конец: Павла разоблачают. Он, оказывается, был не только сыном купца, но и убийцей активного комсомольца.

Это — фильм о наших советских юношах и девушках, возвращенных партией и рабочим классом. Это — фильм, зовущий к политической зоркости.

"Известия", 7 апреля 1936 г.

Картина "Партийный билет", поставленная на киностудии "Мосфильм" в 1936 году, накануне московских процессов и Большого террора 1937–38 гг., была важным этапом художественной карьеры Ивана Пыррева; "Кинословарь" (М. 1970, т. 2) относит ее "к числу значительных достижений режисера". В роли Павла Куганова снимался артист А. Абрикосов.

В ТЕНИ ИСТОРИИ

Дракон, стерегущий сокровище, или что осталось от буржуазной революции

Слово "революция" в наши дни изменило свой смысл, хотя перемена не всегда осознается. Прежде никому и в голову не пришло бы применить это слово к явлениям и процессам, на которые оно навешивается сегодня. Говорят о промышленной революции и даже о второй промышленной революции, о сексуальной революции, о марках автомобилей и самолетов, которые "произвели революцию", а недавно мне попало на глаза выражение "революция в области моды".

Обсуждая вопрос о том, завершилась ли буржуазная революция, я не стану вкладывать в это слово столь расплывчатый смысл. Под революциями я подразумеваю великие общественные потрясения и преобразования, знаменующие приход новой исторической эпохи. Однако в том узком и конкретном значении, которое вкладывалось в это понятие еще в пору моей юности, я тоже его больше не употребляю. Тогда, например, не называли события, развернувшиеся в Германии в связи с деятельностью Лютера, революцией: это называлось Реформацией и Крестьянской войной. Когда аналогичное движение захватило Голландию, оно стало обозначаться как "отпадение Нидерландов"; когда оно перебросилось в Англию, когда явился Кромвель и установилась диктатура святош, враги окрестили это движение "великой смутой", the Great Rebellion, а те, кто ему сочувствовал, столетие спустя доказывали его независимость от событий на континенте и объявили его триумфом прав человека. То, что оно послужило в свою очередь сигналом к американской революции, было осознано лишь много позже, в наше время.

Первыми, кто назвал свою революцию революцией, были французы 1789 года. После этого слово "революция" приобрело конкретный, четко определенный смысл, какой оно и сохраняло вплоть до XX века. Революция — это было внезапное, чреватое насилием, почти военное выступление охваченных энтузиазмом масс; это означало бои на баррикадах, штурм общественных зданий, свержение, изгнание или пленение монархов и правительств. Короткий, четко ограниченный во времени, взрывоподобный процесс, удар грома, который все меняет или по крайней мере должен переменить.

Карл Маркс первым осознал, что такое понимание революции учитывает лишь ее внешние проявления: яркие драматические эпизоды, отдельные кульминационные моменты — но не ее сущность. Все важнейшие процессы, которые мы только что перечислили, начиная с Крестьянской войны в Германии и кончая Французской революцией, Маркс объединил в единый и мощный исторический процесс и назвал его буржуазной революцией. Более трех веков понадобилось для того, чтобы перемещаясь из страны в страну, время от времени делая передышки, эта революция полностью осуществилась. И вот, наконец, — так, по крайней мере, представлялось Марксу, — она завершена, ее историческое дело сделано. Буржуазная революция разрушила все иерархические связи,

разорвала все пути средневекового мира, опустошила веру в потустороннюю жизнь, снесла напрочь тонко и сложно построенную, но застывшую пирамиду феодального общества; революция изгнала Бога и секуляризовала общество, сохранив в нем лишь два класса: имущих и неимущих, буржуазию и пролетариат.

Буржуазная революция, учил Маркс, ушла в прошлое, мир созрел для новой схватки. Теперь на повестке дня стояла "пролетарская революция". Буржуазия, еще вчера выступавшая в качестве революционного класса, превратилась в оплот существующего порядка, а значит, и в нечто отжившее свой век и готовое рухнуть; капиталист, так сказать, обулся в сапоги феодала. Он превратился в дракона, который стережет сокровище. Ему больше нечего предложить миру. В итоге буржуазия оказалась таким же безмозглым и безыдейным пережитком, такой же помехой на пути прогресса человечества, как аристократия в 1789 году, и на очереди — новая революция, а именно пролетарская; ее рычагом будет экспроприация экспроприаторов, ее целью — прыжок из царства необходимости в царство свободы, бесклассовое общество, отмирание государства.

Прежде чем критиковать эту идею Маркса, я хочу воздать ей дань уважения. Это действительно блестящая мысль, пророчество, поражающее почти жутким ясновидением, и неудивительно, что чуть ли не целое столетие оно неодолимо влекло к себе умы; не случайно оно загипнотизировало и друзей, и врагов, ибо не одни только коммунисты жадно схватились за эти сосцы, — поколения буржуа после 1870 года, словно под действием чар, добровольно взяли на себя ту роль, ту, прямо скажем, малопочтенную роль, которую уготовило им этого учение.

Буржуазный фашизм и был, собственно, не чем иным, как буквальным, совершившимся как бы под гипнозом осуществлением пророчества Маркса, попыткой буржуазии забыть раз и навсегда о том, что некогда она была революционным классом, попыткой не мытьем, так катаньем восстановить иерархический порядок, который она сама разрушила за три века революционной борьбы. Разумеется — попыткой с негодными средствами. Ведь и фюрер, и дуче были всего лишь скверным суррогатом императора или короля Божьей милостью. Идеология не могла равняться с религией, владычество партии над душами — с былым господством церкви. Гаулейтер в качестве нового феодала выглядел смехотворной пародией: воистину мещанин во дворянстве. Но при всем том невозможно отрицать, что буржуазия фашистской эпохи вела себя абсолютно по-марксистски.

Негативная часть марксова предвиденья, конец буржуазной революции и превращение буржуазии в реакционный класс, по-видимому, исполнилась буквально. Куда сложнее обстоит дело с позитивной частью. Как известно, пролетарская революция состоялась вовсе не там, где предсказывал Маркс, не в странах, где капитализм достиг полного развития, а в России — докапиталистической или раннекапиталистической стране, которая даже еще не проделала своей буржуазной революции. И результат ее, видит Бог, таков, что отмиранием государства и бесклассовым обществом там не только не пахнет, но совсем наоборот. Кто хочет, может снять шляпу перед тем, что совершил Сталин, — построением социалистической сверхдержавы в одной стране, и притом отсталой. Но ни при Сталине, ни после него эта держава отнюдь не стала осуществлением предначертаний Маркса. Чтобы оспорить это, марксистам пришлось потратить немало слюны. С другой стороны, их надежда на то, что социализм русской выделки станет предметом подражания в высокоразвитых капиталистических странах Запада, тоже хиреет день ото дня. Сегодня она почти мертва, и даже это "почти" можно смело вычеркнуть.

Пример или образец Советского Союза даже западных левых сегодня скорее отпугивает, нежели вдохновляет. Ведь если в последние десятилетия где-нибудь происходили революционные выступления рабочего класса в подлинном смысле слова, то, как это ни странно, именно в социалистических странах, в ГДР, в Венгрии, в Польше, а не на Западе. Ладно, допустим, что это были инциденты местного значения, которые ничего не

доказывают. И то, что на Западе рабочий класс сейчас производит впечатление изрядно обуржуазившегося и консервативного класса, в исторической перспективе, может быть, тоже ничего не значит. Во-первых, есть исключения, например, Италия или Испания; во-вторых, все может измениться, случись новый серьезный экономический кризис, а ведь от кризисов капиталистическое рыночное хозяйство в силу самой своей природы не застраховано. Словом, возражения наподобие приведенного выше могут быть полезны в споре, но сами по себе они еще не дискредитируют такое долговременное толкование и предсказание истории, каким является учение Маркса.

Есть нечто другое, что заставляет ныне усомниться в основном тезисе марксизма после десятилетий его безраздельного господства, и это, если говорить кратко, — очевидное и устрашающее возрождение буржуазной революции. Приблизительно с середины шестидесятых годов мы на Западе, вне всякого сомнения, находимся в революционной фазе. Устои общественного порядка вновь зашатались. Буржуазный консерватизм, после того, как он порвал с фашизмом, разгромленным в 1945 году, теперь вновь, если можно так выразиться, обеспокоен судьбой респектабельности и повсюду вынужден перейти к обороне. Но что самое удивительное, чего никто не мог ожидать, силы, которые его теснят, — это отнюдь не пролетариат. Это, если подвергнуть их марксистскому классовому анализу, — именно буржуазные, а не какие-либо иные, силы. Прежде всего, конечно, студенты — наследные принцы буржуазного порядка, затем интеллигенты, ученые, люди искусства, а также — и не в последнюю очередь — женщины, причем именно женщины из буржуазной среды, "зеленые вдовы" из благоустроенных современных пригородов, предоставленные самим себе, пока их мужья занимаются бизнесом в городе.

Нет сомнения: современное молодое поколение западной буржуазии вновь ощущает себя как поколение революционное. Намного больше — от этой истины никуда не уйдешь, — намного больше, чем молодежь из рабочих семей. Если сейчас на Западе происходит революция, в зрелой ли форме или в стадии возобновления, то это во всяком случае революция не пролетарская, а снова — или все еще — буржуазная. Не будем заблуждаться относительно содержания и целей этой западной революции, где бы она ни бурлила, в Америке, во Франции, в Англии или в Федеративной республике Германии: все словесные ухищрения неомарксистов, почти трогательные старания привести ее в соответствие с заданной марксистской схемой истории фактически отражают всего лишь их собственные надежды и устремления. Ибо юные революционеры буржуазного мира в действительности отнюдь не озабочены экспроприацией экспроприаторов. Если бы вдруг им вручили бразды правления экономикой в Соединенных Штатах или, допустим, в Германии и сказали: ну вот что, ребята, наведите-ка сами порядок в этой лавочке, — они бы попросту растерялись. Из того, что они вычитали у Маркса, они, быть может, почерпнули энергию своего негодования. Но свои истинные цели они заимствуют из совершенно других источников.

Не на фабриках происходит эта революция, а в школах и университетах, в юридическом мире и, главное, в семьях. Пафос современной революции западной молодежи — это пафос эмансипации, индивидуализма и свободы. Другими словами, пафос буржуазии. Ибо если буржуазная революция, открытая Марксом и, так сказать, выделенная им из всемирной истории, начиная от Крестьянской войны и до Парижской коммуны, имела общую основную черту, так это ее освободительный пафос, восстание личности против общественных авторитетов и утеснений, которые воспринимаются уже не как нечто от Бога данное, но как насилие и произвол, восстание против всякого ограничения прав личности, налагаемого не по ее собственной воле, вплоть до внешних условностей и причуд. Совсем неслучайно нынешние молодые люди снова носят бороды, как в 1848 году, а женщины обнажают грудь и ноги, как когда-то *incroyables* и *merveilleuses*¹ эпохи

¹ невероятные и диковинные (франц.).

Директории, не зря благопристойность в одежде высмеивается, словно во времена санкюотов. Разумеется, все это условности, но за ними стоит внутренний импульс.

Короче говоря, я сильно подозреваю, что Маркс поторопился отпевать буржуазную революцию. Его ввела в заблуждение некая пауза, период отлива. Процесс, растянутый на века, порой обостряется, порой затихает. Великий бунт против всеисилия Церкви, бунт, с которого более четырех столетий тому назад началась буржуазная революция, поначалу не привел к полной секуляризации, а лишь вызвал к жизни другую церковь, контрцерковь. Восстание против феодального государства не привело — как раз во времена Маркса — к полной демократии, а лишь породило новое классовое государство, своего рода промышленный феодализм. Но на этом буржуазная революция отнюдь не кончилась. Ее исходные импульсы оживают вновь и вновь. Все еще продолжается секуляризация, а равным образом и демократизация, и вслед за церковью и государством революция, уже на наших глазах, охватила новую область: нравственность и семью. Это явным образом все еще та самая, все еще буржуазная революция. Других, может быть, и не будет. ●

Екатерина ЮНГ (США)

ТАНЦЫ В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

“Белые ночи” на американском экране

В последние годы в американском кино вновь стали популярны русские темы. Появляются и серьезные, более или менее достоверные картины (например, фильм о жизни русского эмигранта в Америке “Москва на Гудзоне”), и целые заросли развесистой клюквы. К списку серьезных и достоверных картин можно прибавить новый фильм известного режиссера Тейлора Хекфорда “Белые ночи”.

Интересно, что главную роль в фильме исполняет эмигрант или, точнее, беглец Михаил Барышников. Играет он, можно сказать, самого себя: русского танцовщика из Кировского театра в Ленинграде, ставшего знаменитым танцором в Соединенных Штатах. В основу сюжета положена ситуация, которая, как рассказывает сам Барышников, не раз приходила ему в голову: самолет, на котором летит Николай Родченко, совершает вынужденную посадку на советской территории, и Николай (слегка пострадавший при посадке) оказывается в руках властей, от которых когда-то с большим скандалом сбежал. За него берется хитрый гебист полковник Чайко (которого играет отлично говорящий по-русски эмигрант из Польши, замечательный актер и режиссер Ежи Сколимовский). Цель Чайко — не только удержать Родченко в СССР, но и уговорить его выступить на открытии сезона в театре Кирова: такое “возвращение блудного сына” должно, по расчету властей, выста-

вить Советский Союз в чрезвычайно благовидном свете в глазах международной общественности.

Чтобы сломить сопротивление Николая, к нему приставляют необычного "шефа": американского негра, тоже танцора, по имени Рэймонд Гринвуд (актер Грегори Хейнс), который когда-то в знак протеста против американской войны во Вьетнаме переехал в Россию и принял советское гражданство. Гринвуд прозябает в Богом забытом сибирском городке (после первоначальных почестей и международной шумихи советское государство им больше не интересуется); Чайко обещает ему, в случае успеха миссии с Родченко, переезд в столицу — и Рэймонд соглашается на эту операцию не только ради себя, но и ради своей русской жены Даши. (В этой роли галерею прекрасных актеров в фильме "Белые ночи" пополняет дочь прославленной Ингрид Бергман, Изабелла Росселини.)

Николая, Рэймонда и Дашу гебисты привозят в Ленинград на бывшую квартиру танцовщика. Чайко сулит своему пленнику всевозможные блага — в том числе его прежнее место в театре, — если только он согласится остаться и выступить на открытии сезона. (На самом-то деле, как становится известно зрителям, после этого показного выступления Родченко предстоит "долгий разговор" с КГБ).

Как и положено по условностям американского кино, отношения Николая и Рэймонда начинаются с ненависти, но в конце концов они становятся друзьями, причем начинается эта дружба с профессионального уважения друг к другу как к танцовщикам, с восхищения талантом и профессионализмом друг друга.

Николай заражает Рэймонда своим стремлением вернуться на свободу, в Америку; втроем с Дашей им удается, после ряда захватывающих и не всегда правдоподобных приключений, обмануть бдительность Чайко и вырваться из цепких рук советской власти.

У американской критики фильм "Белые ночи" получил неоднозначный прием. Либеральничая и тем более левая публика сочла, что в нем слишком много "отрицательных стереотипов" о Советском Союзе — мол, слишком четко проведена линия между "хорошей" Америкой и "плохим" СССР. Рецензент из левого журнала "Нэйшен" дошел до того, что с неудовольствием отметил: агент КГБ, как всегда, показан злым и коварным. (На самом деле, надо полагать, в КГБ работают одни прямодушные добряки). И даже критик из журнала "Нью-Йорк" Дэвид Денби, которому в целом фильм понравился, пишет, что хореография танцев выражает американскую свободу гораздо лучше, чем "уныло-назойливые антисоветские шпильки" фильма.

Благодаря собственному опыту советской жизни, я увидела в "Белых ночах" не "назойливые шпильки", а на редкость правдивую картину советского быта: от провинциального убожества до сравнительной роскоши ленинградской квартиры Родченко. Эту правду жизни скорее всего следует отнести за счет Барышникова и других русских эмигрантов, участвовавших в создании фильма. Бросается в глаза только один промах: Владимир Высоцкий упоминается как запрещенный певец, а его песня *Кони* открыто исполнялась и была записана на пластинку. Впрочем, это в данном случае не так уж важно.

Да и Соединенные Штаты не представлены в фильме как рай без единого пятнышка: Рэймонд, черный парень, с горечью говорит в начале своего знакомства с Николаем об американском расизме, о том, как тяжело ему было найти себе место под солнцем на родине.

Однако все эти полутени блекнут перед коренной разницей — и тут создатели фильма действительно, и совершенно оправданно, проводят весьма четкую линию — между пусть несовершенной свободой в Америке и подавляющей несвободой в Советском Союзе. Это понимает Николай Родченко; это же в конце концов осознает Рэймонд Гринвуд.

Он рвется назад, в Америку, когда узнает, что Даша ждет ребенка: он не хочет, чтобы его ребенок рос в рабстве.

И для Николая Родченко, как бы ни овладевала им иногда ностальгия, остаться в Советском Союзе — даже если бы на самом деле его ждали все блага, обещанные полковником Чайко, — просто невыносимо. Человек, вкусивший свободы, не может вернуться к прежней неволе; его не втиснуть обратно в клетку, как нельзя втиснуть взрослого человека в детскую одежду.

Есть значительная доля правды в приведенном выше замечании критика Дэвида Денби, что эффективнее всего в "Белых ночах" эта мысль выражена языком танца. Танцевальные сцены в фильме даны не просто для красоты и развлечения; символизм танца вплетен в сюжет и в психологию главных героев. У Рэймонда особенно остро пробуждается тоска по родине, когда он, оставшись один, слушает оставленную Николаем кассету современной американской музыки с ее сложными, смелыми ритмами, начинает танцевать под эту музыку — сначала как будто разминаясь, пробуя свои силы, — и постепенно увлекается, подхваченный задором свободного творчества. Лицо его озаряется улыбкой: Рэймонд нашел себя.

Еще с большей силой выражена эта тема в сцене между Родченко и его бывшей любовницей, балериной, а ныне директором театра Галиной Ивановой — сцене, которую в духовном смысле можно назвать центральным моментом картины. Николай и Галина одни на сцене театра имени Кирова в пустом, громадном зале. Галина до сих пор не простила Николаю его бегства (после которого ее долго таскали в КГБ); она пытается уговорить его остаться и принять участие в открытии сезона (еще не зная, что ему после этого готовит Чайко). Галина твердит Николаю, что его место здесь, на взрастившей его духовной почве. Творческая свобода? Вот ей обещали, что в этом году, возможно, разрешат наконец поставить программу из танцев Баланчина... Да ведь это уже десять лет подряд каждый год обещают, с горьким сарказмом напоминает ей Николай. Зато в Америке... "Галина, я танцевал Баланчина!" — с еле сдерживаемым, почти благоговейным волнением в голосе говорит Николай, как будто речь идет о священном таинстве, которое оба они столько лет жаждали совершить и которое ему наконец стало доступно. Впрочем, почему "как будто"? Для них так и есть.

У Галины на магнитофоне крутится пленка Высоцкого, знаменитая песня *Кони* ("Над обрывом, по-над пропастью, по самому по краю я коней своих нагайкою стегаю...") И под эту музыку с ее горечью и шалой удалью Родченко вдруг начинает танцевать — танцевать так, как поет Высоцкий. Его танец — ультрасовременный, полный резких, угловатых, размашистых движений — не имеет ничего общего с "правильной" грацией классического балета. И глядя, как танцует Николай, Галина плачет, плачет, осознав, как далеко вперед ушел он от театра Кирова. Она вдруг понимает, что духовно, творчески он уже живет в другом мире и здесь, с ней, со здешними порядками, ему нечего делать. В этот момент Галина решает помочь Николаю бежать: она не может позволить советской власти его уничтожить, отнять ту самозабвенную, опьяняющую свободу, которая была в его танце.

Только в мире свободы человек может по-настоящему быть человеком и художник — художником. В этом основная мысль фильма "Белые ночи", и антисоветской ее можно назвать лишь постольку, поскольку советская власть — это отрицание свободы человека. Поэтому, хотя сюжетные повороты "Белых ночей" и остаются в пределах шаблонов традиционной приключенческой картины о положительных героях, попавших в западню, пытающихся из нее вырваться и спасающихся в последний момент, когда уже кажется, что надежды нет, этот фильм поднимается над боевиками такого рода утверждением вечных ценностей свободы и искусства, неразрывно связанных между собой. ●

В КАКИЕ ИГРЫ ИГРАЮТ ТИГРЫ,

или

Листая толстые журналы

В английском языке есть очень распространенное и чрезвычайно емкое слово fun, — в словаре Гальперина оно переводится очень приблизительно как "веселье, забава, развлечение или источник забавы". На самом деле значение этого крохотного словечка гораздо шире, и в американской действительности, пожалуй, просто нет ситуации, к которой его нельзя было бы применить в позитивном либо негативном смысле: "фаном" может оказаться учеба, работа, телевизионная передача, сиденье с ребенком, покупка продуктов и пр. Те же самые процессы могут с таким же успехом быть и "no fun". Если подойти с этой абсолютно универсальной меркой к советской литературе, то можно не обинуясь сказать, что чтение толстых журналов — "ноу фан". Ну вот, к примеру, кому придет в голову читать роман, коему сам автор предпослал такое вступительное слово: *"Те мысли, тревоги и надежды, которыми жили ветлужцы, в сущности, были мыслями и чаяниями миллионов тружеников колхозной деревни, и исходили они из самых насущных нужд дальнейшего развития колхозного строя. И они находят свое конкретное воплощение во всеобъемлющих мерах по подъему сельского хозяйства, которые настойчиво осуществляет сейчас партия, в ее неустанной борьбе за дальнейшее развитие нашей экономики, за совершенствование общества развитого социализма"*. Причем это вторая книга романа "Трудные годы", написанная по требованию любознательных читателей, засыпавших писателя Николая Сизова письмами с вопросами: "Где же продолжение? Как отразились на жизни героев последующие события, происходившие в стране?" Автор "не счел себя вправе игнорировать столь настойчивый читательский интерес" и сочинил продолжение, журнал "Молодая гвардия" его напечатал, читатель получил желаемое, а критик... в принципе, конечно, критик должен прочесть роман, раз уж берется за обзор толстых журналов, но, предвидя обвинения в поверхностности и верхоглядстве, признаюсь, что роман Н. Сизова и подобные произведения ускользнули от моего критического взгляда.

Впрочем, в минувшем году было что почитать и чему подивиться в журналах. Впервые, это был год юбилейный — 40-летие победы, — и едва ли не вся первая его половина прошла под этим знаком. По этому поводу "весомо, грубо, зримо" прошагал по страницам лично Верховный главнокомандующий — в качестве мудрого стратега, организатора и вдохновителя победы. В повести Ю. Тюрина "Парад" ("Москва", № 1) Сталин организует ноябрьский парад 1941 года в Москве, — добрая половина текста отдана под транскрипт сталинских речей по радио и на Красной площади и восторженные комментарии слушателей. А когда, закончив речь, вождь выбрасывает вперед руку, эта рука кажется главному герою "распростертой не только над площадью — над всей страной", как длань Медного Всадника или Минина на памятнике..." В продолжении нескончаемой эпопеи М. Стаднюка "Война" (которую печатал неутомимый "Огонек") простой и демократичный Сталин, ни на минуту не забывая о судьбах страны, мило шутит со своими вассалами: на вопрос Молотова, почему-де он во время совещания сосет свою трубку, уж не

высасывает ли он из нее решение сложных военных вопросов, Сталин отвечает: "Конечно, а ты думал, я их (решения) из пальца высасываю?"

Не успели отгреметь литавры и фанфары и едва отодвинулось в сторонку бронзы многопудье, как подоспело новое событие: на смену умершему генсеку пришел новый. И, право, трудно не подивиться той оперативности и готовности, с какой откликнулась на это литература, как будто только того и ждали (а, может, и вправду ждали?): уже в 7-м номере "Нового мира" появляется пьеса Г. Маркова и Э. Шима "Из новостей этого дня", где новоиспеченный секретарь обкома (после смерти старого секретаря, которому герой "в сыновья годился") наконец-то наводит порядок в области, попутно решая сложные экологические, литературные, а также личные проблемы. Восторженно откликнулся на смену караула Андрей Вознесенский, напечатавший в "Юности" подборку "Стихотворный сборник".

**Что-то с нашей страной становится?
Консерваторов моют в "Новости".**

**Мне хотелось бы в каждой области
интенсификации совести.**

.....

Что-то с нашей душой становится?

**С темной силою полуссорясь,
кое в ком жила полусовесь.**

Может, совесть страной становится?

Не обошел поэт стороной и антиалкогольную кампанию, светлые результаты которой провидит в стихотворении "Сон":

**Набирает правда силу.
Вся надеждами полна,
протрезвевшая Россия,
ясноглазая страна.**

Справедливости ради следует сказать, что все же ни мифологические воспевания Великой Отечественной, ни славословия новому руководству не попали в число наиболее заметных произведений. Событиями минувшего года критики назвали роман Юрия Бондарева "Игра" ("Новый мир", № 1–2), повести Сергея Есина "Имитатор" ("Новый мир", № 2) и Валентина Распутина "Пожар" ("Наш современник", № 8). Судя по письмам из Союза, именно эти вещи читала и обсуждала наша так называемая либеральная интеллигенция, критерии и подходы которой в общем нам хорошо известны, и потому не так трудно догадаться, что именно вызвало интерес.

Обратясь к роману Бондарева, можно смело предположить, что привлекли читателей отнюдь не его художественные достоинства. С этой точки зрения он вызывает массу претензий: даже на общепонятном фоне написан он из рук вон, длиннющими неуклюжими периодами, с налезавшими друг на друга придаточными предложениями, из которых не просто выбраться и в которых иной раз запутывается и сам автор, оказавшись не в состоянии определить верный падеж. Персонажи не разговаривают, а изъясняются — каким-то неживым, несуществующим языком, особенно отличаются по этой части диалоги главного героя с сыном, нередкость надуманные и неестественные. К тому же роман явно вторичен и насквозь цитатен, то одно аукнется, то другое откликнется. Даже предлагаемый главному герою, режиссеру Крымову, американский сцена-

рий о конце мира — с выжившей после ядерной войны черепахой, ползущей к морю, — заимствован из итальянского фильма 60-х годов "Собачья жизнь".

Впрочем, именно эта самая вторичность стала источником почти детективной истории, обнаруживая любопытнейшую коннотацию и помещая роман в совершенно неожиданный литературный контекст. Внутри романа, в разговоре на молодежной вечеринке вдруг возникает такой странный, отрывистый диалог: "...Кочетов... роман Кочетова... Как назвать это? А? — Не-ет, это хорошо, что он открылся, что он весь как на ладони. Он обнажился, разделся перед всеми. Эт-то стриптиз!" С какой стати появляется в романе вроде бы либерального Бондарева тень полузабытого реакционного монстра? Литературное и человеческое любопытство, а также воспитанное русской литературой убеждение в том, что ружье должно выстрелить, заставило меня отыскать в библиотеке старые номера "Октября" — и оказалось, что рытье, как говорил поэт, "в окаменевшем г...не" иногда бывает не без пользы. У Кочетова есть такая сценка: очень соцреалистический скульптор рассказывает о своем не менее положительном коллеге, который "кое-кому портил кровь, не давал безнаказанно штуковать, угождать западным ценителям и покровителям". И вот что с ним случилось: "Допекли анонимками в партийный комитет — о том, что избил, пьяный, шофера такси... Жену поздравили с тем, что он завел себе молодую блондиночку и таскает ее по дачам своих приятелей. Покуда бегал и доказывал, что все это ложь, бред, свинство, инфаркт его и хватил". А вот что происходит в бондаревском романе. Главный герой, режиссер, приглашает на роль в своем фильме молодую актрису, начинаются анонимки и сплетни, они едут за город, она неудачно прыгает в реку, шофер, отпущенный на 40 минут, приезжает только через 2 часа, Крымов его бьет, актриса умирает, режиссер в процессе беготни и доказательств (см. выше) погибает от инфаркта. Как видим, сюжет целиком, даже без особых вариаций, взят у Кочетова. Странной этой параллели никто из критиков романа — а писали о нем много — не заметил. Зачем понадобилось Бондареву оживлять дурно пахнущий труп завязтого черносотенца, да еще и намекать на это внутри текста — глубоко непонятно. "Игра" — не пародия, не иронический парафраз кочетовского романа; это произведение серьезное, даже исполненное внутреннего трагизма. И, конечно, Бондарев — не Кочетов, и если говорить о более существенных параллелях, то никаких точек соприкосновения у них вроде бы и нет. Poleмика? Но какая же тут полемика через 16 лет, да к тому же с романом, забытым столь основательно, что даже намек на него не вызывает охоты лезть в пыльные страницы. Скорее всего здесь другое. Может, это — еще один вариант игры, заявленной названием и связанной якобы лишь с лицедейством как профессией героя, — только ли писатель ведет игру с читателем? Может, автора — сознательно или подсознательно — занимал вопрос: возможно ли на основе пасквиля сделать серьезный и популярный роман? Проблема вполне в традициях русской литературы: так чеховские и купринские герои мучились вопросом, возможно ли из проститутки сделать честную женщину. Эксперимент удался: присутствия в романе привкуса пасквиля шестнадцатилетней давности никто не заметил, бестселлер с отрицательным знаком — потому что Кочетова, с отворачиванием и издевками, прочли все — трансформировался в бестселлер со знаком плюс.

Знак плюс появляется, очевидно, оттого, что весь роман пронизан острым недовольством героя собой и обстоятельствами и построен на его рефлексиях и рассуждениях типа: "Что делать? Куда движется все? Даже после войны такого ощущения безумия не было". Ну это, положим, мысли посреди ночного Парижа, но и в родных пенатах героя не оставляют проклятые вопросы, он упрекает себя в "интеллигентском бессилии перед обстоятельствами", в том, что прячется от жизни в игре, в иронии, в компромиссе. И московскому интеллигенту слышатся во всех этих размышлениях отголоски собственных раздумий и отзвуки собственных самобичеваний. У Бондарева, впрочем, все они сводятся к общему месту: сегодняшняя размытая нравственность, этакая нравственность без берегов, поверяется исключительно и единственно нравственностью военных

лет — ”никто не бросается на амбразуру”. И в целом все опять выливается в несколько окостеневшее уже в советской прозе последних лет явление, которое можно назвать синдромом черствого хлеба: по аналогии с бытовой и будничной ситуацией — когда в булочной на возмущение черствой булкой кассирша отвечает: ”В войну и не такой ели — и ничего”.

Но и сами раздумья героя, при всем их правдоподобии, тоже вторичны. Это тоже игра, только ведущаяся по подновленным правилам. Похоже, что все темы, которые каких-то лет семь—пять тому назад считались исключительно прерогативой западной литературы, обличавшей, вскрывавшей, выявлявшей бездуховность, отчужденность, некоммуникабельность общества потребления, теперь, почти не меняя окраску и оглаговку, перекочевали в книги советских прозаиков и даже успели превратиться в некий расхожий штамп. Рассуждения насчет всеобщей испорченности, проистекающей из всеобщей сытости, довольно цинично звучат в устах преуспевающего режиссера, небрежно достающего из письменного стола полторы тысячи (держали в доме на непредвиденные расходы, поясняет автор). В процессе моих журнальных изысканий в одном надуманном и банальном рассказе бросилась мне в глаза единственная живая фраза героини: ”Какое испытание сытостью, когда моей зарплаты хватает на три сапога?” Полагаю, что ту же фразу может смело повторить по меньшей мере половина читателей Бондарева.

Повесть Есина ”Имитатор” во многом близка роману Бондарева: здесь по сути та же тема — игра в подлинность. А в ее герое, преуспевающем художнике, подменившем живопись фотографической подмалевкой, большинство читателей узнали Илью Глазунова. Трудно было, впрочем, не узнать: подробности биографии и творческого пути воспроизведены с поразительной точностью, вплоть до огромной картины ”Реалисты”, которую создает есинский имитатор и которая по описанию буквально один к одному совпадает с картиной Глазунова, написанной для ЮНЕСКО и висевшей в парижской штаб-квартире этой организации. По мнению некоторых писавших об этой повести, столь явное разоблачение художника, связанного с ”русской партией”, означает ослабление ее позиций и свидетельствует о значительной оппозиции где-то в верхах. Не могу судить о таких вещах, скажу лишь, что Есин доводит развенчание своего героя до крайней точки: насквозь фальшивый имитатор на последней странице превращается в мало-симпатичную птицу ворону.

На фоне романов Бондарева и Есина — с их аллюзиями и претензиями на интеллектуальные игры — небольшая повесть Распутина буквально хватается за сердце своей пронзительной правдивостью. Герой ”Пожара”, шофер сибирского леспромхоза Иван Петрович, мечется в поисках не нравственного абсолюта, но хотя бы элементарной нравственной устойчивости, минимального равновесия между представлением о том, как надо жить, и тем, как живешь на самом деле и как живут люди вокруг тебя. Кажется, нет таких, как теперь любят выражаться, ”болевых точек” в советском образе жизни, которых не коснулся бы писатель, и потому сибирский леспромхоз превращается как бы в микроскоп советского общества. Здесь все существует только сегодняшним днем, здесь никто не вспоминает о прошлом и не заботится о будущем, здесь напрочь забыты все традиции и устои, и все поставлено с ног на голову: ”Было не положено, не принято, стало положено и принято, было нельзя — стало можно, считалось за позор, за смертный грех — почитается за ловкость и доблесть”. В мире, который изображает Распутин, жить неуютно, страшно, горько, а его герой, который ”по старинке качает права и твердит о совести”, воспринимается собственными односельчанами как прямой враг и постепенно понимает всю безнадежность своего одинокого нравственного противостояния всеобщему запустению и распущенности. Распутин обычно относят к ”деревенщикам” — это

определение, и вообще-то несколько сомнительное, в данном случае не срабатывает во все: "Пожар" — никакая не деревенская проза. Это проза общечеловеческая.

К числу любопытных перевертышей типа Бондарев—Кочетов относится, пожалуй, и трансформация журнала "Октябрь": там в последние годы печатается взлелеянная "Новым миром" И. Грекова.

Тема ее повести "Фазан" (№ 9) — умирание старика, разбитого параличом. По целым дням он перебирает в памяти собственную жизнь — под аккомпанемент воды, капающей из протекающего на кухне крана, и этот неумолчный стук отзывается в мозгу героя английским словом waste, что по-русски означает "утечка, потеря", а по-английски имеет гораздо более емкий и расширительный смысл. Умирающему старику кажется, что дело вовсе не в воде — "дело в его собственной жизни. Это она, его жизнь, уходит, утекает, как вода из крана. Этой утечки уже не унять... Уходит жизнь. В мусор, отходы, ничтожество... Уже давно началась утечка". Когда же это — давно?

Удивительно выпукло, пластично, красочно встают перед глазами героев воспоминания детства, слаженного дореволюционного быта интеллигентной семьи: мать — почти профессиональная пианистка, отец — учитель словесности. И собственная яркая одаренность: музыка, сочинительство, живопись. В этих воспоминаниях еще живы краски, звуки, запахи давно минувших лет. Первые послереволюционные годы, даже военный коммунизм с голодом и страшными лишениями — тоже остались в памяти ярким сочным пластом: он еще писал, сочинял оперу, рисовал. Дальше — какой-то провал, черная дыра, пустота. Даже о войне сказано глухо и кратко: "воевал, как все, исполнял долг, как другие". Фазан — при светлой голове и ясном рассудке — поражен параличом, и писательница беспощадно доводит эту болезнь до крайнего проявления: он забыл имя собственного сына, оставшегося после развода с брошенной женой. Детали внешности, подробности купанья младенца, гулянья с ним — все оживает в памяти, кроме имени. Оно всплывает лишь перед самым уходом в небытие, одухотворяя последние минуты его жизни. "Иван, не помнящий родства" — так издавна называли на Руси бродяг. И. Грекова казнит своего героя беспамятством, для нее — это самое страшное наказание за измену собственному таланту, за равнодушие и нелюбовь к людям. Метафору беспамятства, разумеется, можно развернуть и дальше — повесть дает основания для этого.

Небезынтересно задержаться и на повести Руслана Киреева "Песчаная акация", напечатанной опять же в "Октябре" (№ 10). Киреев — в той же упряжке "сорокалетних", что и Маканин. Прозаиков этого направления называют еще "неореалистами московской школы", "новой волной", а их прозу и вовсе "промежуточной", "игровой", "амбивалентной" (а Киреева, не без иронии, — основоположником "амбивалентной прозы"). Еще кто-то назвал их так: "жизнеописатели, анализирующие новое состояние общества".

В "Долгом прощании" Трифонова есть эпизод, когда главный режиссер говорит начинающему драматургу Грише Реброву в ответ на его слова, что он написал притчу: "Послушайте, это самонадеяннейшее заявление: я написал притчу! Притчи пишут народы, а не авторы". С тех пор прошло немало лет, в советском литературном обиходе заняли отведенное им место Кафка и Пруст, Гарсиа Маркес и Камю, и притчей нынче никого не удивишь. Киреев откровенно пишет нечто притчеобразное — все исполнено значения, все несет некую смысловую нагрузку. Взять хотя бы фамилии персонажей: главный герой, актер и режиссер Капсулов, промотавший свой талант Величко, садовод Ошалелов (живущий в городе, где сады поглощаются песками), начальник автосервиса Мужекевич.

Сюжета как такового в повести нет: его движение словно заменено движением песков, со всех сторон наступающих на вымышленный город Светополь, где происходит

действие всех книг Киреева. В последней повести это — город, "изнемогающий" в бесплодной борьбе с пустыней: "горят сады, сохнут леса (и горят тоже — в прямом смысле слова), скот наголо ошипал все кустики в округе..." Герой с ужасом обнаруживает у себя в квартире ящерицу, но проходит какое-то время, и вот они уже "кишмя кишат в городе, но это никого не трогает. Даже в троллейбусах спуют себе под ногами в поскрипывающем песке".

У любого более или менее искушенного читателя вся эта апокалиптическая картина вызовет в памяти Макондо, городок Гарсиа Маркеса. Эсхатологический мотив в повести советского писателя звучит не менее страстно, — хотя, в силу своей явной вторичности, менее пронзительно, — чем у колумбийского прозаика. Спасти город могут только счастливые и талантливые люди, но таковые в повести Киреева отсутствуют. И, наверное, поэтому, несмотря на умеренно оптимистический конец, повесть оставляет ощущение непрекращающегося распада. Да и название ее говорит об этом: песчаная акация, поясняет автор, — "балерина пустыни, ее появление в песках означает начало их закрепления и отступления пустыни". В городе Светополе много разновидностей акации: желтая, белая, розовая, красная, но песчаная акация там не растет.

Под конец минувшего года событием прилитературной жизни — и предметом медитаций советологов — стало выступление Евтушенко на писательском съезде. Но если это и событие, то скорее политическое, и поэта, как это ни банально, все же оценивают не по тому, что он говорит с трибуны, а по тому, что он пишет. Увы, поэму Евтушенко "Фуку" ("Новый мир", № 9), встреченную восторженными рецензиями, в разряд поэтических событий никак не включишь.

Судя по датам — 1963—1985, поэма эта представляет собой итог многих лет работы. Причем работы не за письменным столом, но в сложных полевых условиях; список мест, где она писалась, выглядит весьма внушительно: Гавана — Гуэрнавака — Лима — Манагуа — Санто-Доминго — Каракас — станция Зима — Венеция — Магадан — Гульриппи — Переделкино. То есть можно сказать, что писал он ее всегда и везде. Последнее обстоятельство даже нарекания вызывает: в хвалебной рецензии в "Правде" Евтушенко упрекают в том, что он "чрезмерно увлекается поэтическими путешествиями по Аризонщине. А не мешало бы заглянуть, к примеру, на Смоленщину или Рязанщину..." Отметим попутно изящество нарочито небрежной языковой агрессии: Аризонщина — это, конечно, звучит гораздо лучше, чем какая-то там Аризона, к тому же сильно смахивает на "ридну Афганщину"... Впрочем, как раз в "Фуку" Евтушенко все же какое-никакое внимание родным местам уделяет. Странное слово "Фуку" означает у африканских народов проклятие на имя, "которое несчастье приносило", и в поэме появляются "человек-ястреб" (Берия) и "известный портрет" на ветровом стекле у колымского шофера, которого поэт увещевает такими словами: "Опомнись, беспамятный глупый пацан, / колеса по дедам идут, по отцам./ Колючая проволока о былом/ напомнит, пропарывая баллон./ В джинсах любых далеко не уйдешь,/ ибо незнание истории — ложь./ Тот, кто вчерашние жертвы забудет,/ может быть, завтрашней жертвою будет". Даже и вполне правильно, только очень уж мало похоже на поэзию.

Но, конечно, основные "фуку" относятся не к родимым пятнам родного прошлого, а ко всяким Пиночетам, Самосам, Гитлеру и... эмигрантам "третьей волны", которым Евтушенко адресует весьма небанальный поэтический манифест:

**Честней в канаве где-нибудь подохнуть,
чем предпочесть сомнительную честь
от ненависти к собственным подонкам
в объятия к чужим подонкам лезть.**

Интеллекту истинному срамно,
гордясь незавербованной душой,
с отечеством своим порвав рекламно,
стать заодно с реакцией чужой.

И дальше:

Кто твой враг — шакал, не друг — акула,
есть третий выбор: среди всей грызни
сесть меж двух стульев, если оба стула
по-разному, но все-таки грязны.

Кто же должен послужить примером гражданского мужества и сиденья между стульями? Разумеется-с, Евгений Александрович:

Но третий выбор мой — не просто "между". Я выбрал то, чего не мог не выбрать.
На грязных стульях не сошелся свет. Считаю одинаковой виной —
Мой выбор — он в борьбе за всенадежду. перед народом льстиво спину выгнуть
Без всенадежды гражданина нет. и повернуться к Родине спиной.

Однако самое замечательное в поэме, это, на мой взгляд, ее конец: Евтушенко позирует Сикейросу и заодно спрашивает его, не встречал ли тот в Мексике сына Маяковского. А великий художник ему отвечает: "Не трать время на долгие поиски... Завтра утром, когда будешь бриться, не забудь взглянуть в зеркало".

Этой игрой в театре одного актера и кончается поэма. Кончается в символичной для Евтушенко позе: перед зеркалом. В этой позе он, похоже, зафиксировал себя на многие годы. И кажется, будто за собой, в зеркале, он все еще видит переполненные трибуны Лужников, скамьи Коммунистической аудитории и Политехнического, — слушателей, читателей и почитателей начала 60-х. Грустное и одновременно жалкое зрелище: его аудитория давно ушла из этих залов, разбрелась кто куда, они уже не рукоплещут, а лишь саркастически усмеваются, а он все еще слышит их аплодисменты и видит горящие глаза — там, в зеркале, перед которым застыл в раз и навсегда сочиненной для себя позе. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

ЕСЛИ НАМ ОТОРВУТ НОГИ, МЫ БУДЕМ ПОЛЗАТЬ

Делегатам X Всесоюзного съезда комсомола трудовые коммуны Народного комиссариата внутренних дел Болшевская и Люберецкая показали вчера в Театре народного творчества блеск своих художественных дарований. Актеры, воспитанные коммунами, выступали с плясками и пением. Оркестры, составленные из бывших беспризорников и преступников, исполняли труднейшие вещи из Фауста и Лебединого озера. Хоры пели народные песни. Коммунары выступали с ритмическими танцами. Свою программу коммунары назвали "перековкой".

Громко, по-военному четко воспитанники коммуны произносят слова, вызывающие овацию в зале:

"Если нам предоставят право защищать нашу родину и если нам оторвут ноги, мы будем ползать, но поражать врага. Если выбьют винтовку, мы зубами перегрызем горло врагу. Мы покажем, как мы умеем платить за данное нам право жить".

Работники НКВД, эти бесстрашные, мужественные люди, ставшие символом революционного рыцарства, показали образец советского гуманизма.

"Плоды перековки" ("Правда", 18 апреля 1936 г.)

Только то, что рождено мышлением и обращено к мышлению, может стать духовной силой для всего человечества. Только то, что преломляется в мышлении множества людей и при этом воспринимается как истина, обладает естественно передаваемой и неиссякаемой силой убеждения. Только при условии постоянного апеллирования к мыслящему мировоззрению могут пробудиться все духовные потребности человека.

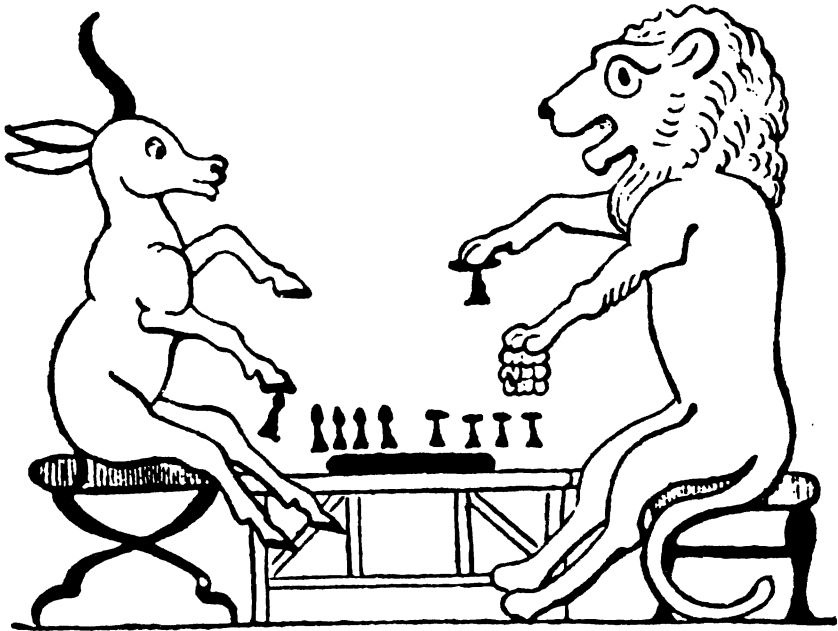
Нашему времени свойственно почти эстетическое предубеждение против мыслящего мировоззрения. И тем не менее при всем нашем боготворении действительности мы в большей мере, чем предполагаем, являемся детьми романтизма. Все доводы последнего против Просвещения и рационализма представляются нам актуальным во все времена возражением против мировоззрения, стремящегося к чисто логическому самоутверждению. Мы заранее видим в таком мировоззрении торжество скучного интеллектуализма, плоских соображений выгоды и поверхностного, считаем, что оно убивает в человечестве гениальность и энтузиазм.

В возражениях против рационализма, выдвинутых в начале XIX столетия романтизмом, было немало обоснованного. Тем не менее нельзя не признать, что последний подверг издевкам и разрушил нечто такое, что при всех своих несовершенствах было величайшим и ценнейшим наднациональным явлением духовной жизни человечества. Всем — от самых образованных до самых невежественных — были тогда присущи вера в мышление и благоговение перед истиной. Уже по одной этой причине та эпоха была выше любой своей предшественницы и намного выше нашего времени.

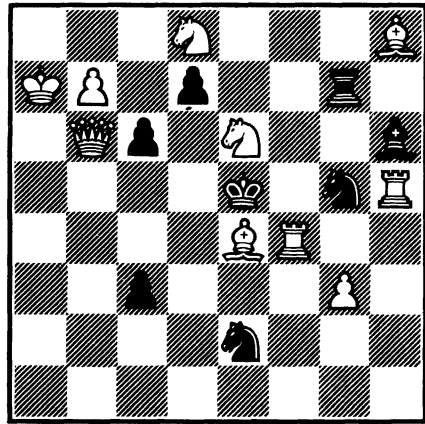
Романтические чувства и фразы ни в коем случае не должны отвлекать наше поколение от стремления уяснить, что, собственно, представляет собою разум. Это отнюдь не сухой, холодный рассудок, подавляющий многообразные побуждения нашей души, а совокупность всех функций нашего духа в их живом взаимодействии. В нем наше познание, наша воля ведут между собой таинственный диалог, определяющий нашу духовную сущность. Мировоззренческие идеи, которые он выдвигает, заключают в себе, что мы можем думать и предполагать о смысле нашего существования и назначении человечества; они дают нашему бытию направление и сообщают ему ценность. Воодушевление, порождаемое мышлением, относится к воодушевлению, в основе которого лежат смутные ощущения, как ветер горных вершин к ветерку, веющему меж невысоких холмов. Если мы вновь отважимся на поиски света разума, мы не деградируем до уровня поколения, неспособного ни на какой энтузиазм, а загоримся великой и глубокой страстью великих и глубоких идеалов. Они заполняют нашу жизнь, вытеснив предельно убогие и примитивные нынешние идеалы.

Рационализм — нечто большее, чем идейное движение, завершившееся в конце XVIII и в начале XIX столетия. Он представляет собой необходимое явление всякой нормальной духовной жизни. Любой действительный прогресс в мире предопределен в конечном счете рационализмом.

Альберт Швейцер,
"Культура и этика" (1960 г.)

ЛЮДИ
И
ШАХМАТЫ —

Мат в два хода
(В.В.Набоков, "Другие берега")

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ